ФЕНИМОР КУПЕР

Сергей Иванько

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Биография американского писателя Джеймса Фенимора Купера не столь богата событиями, однако несет в себе необычайно мощное внутреннее духовное содержание. Герои его книг, прочитанных еще в детстве, остаются навсегда в сознании широкого круга читателей. Данная книга прослеживает напряженный взгляд писателя, обращенный к прошлому, к истокам, которые извечно определяют настоящее и будущее.

- Фенимор Купер
  - Глава I
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Основные даты жизни и творчества Джеймса Фенимора Купера
  - Краткая библиография
- notes
  - 1
  - 2

Фенимор Купер

Глава I
НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Озеро Отс?го – небольшое: около девяти миль в длину и до полутора миль в ширину. Скрытое высокими холмами и густым, подступающим к самому берегу лесом, расположенное вдали от дорог и крупных городов и селений, оно долгие годы отражало лишь блеск солнца да прибрежные деревья. Изредка проплывала по нему пирога индейцев, нарушал тишину рев медведя или волчий вой. И снова наступала тишина, нарушаемая шумом воды в реке Сасквеханне, вытекающей из южной части озера. И в наши дни на его берегах расположены только два небольших поселка – Спрингфильд – на северном берегу и Куперстаун – на южном, где берет начало Сасквеханна. Куперстаун основан Вильямом Купером, отцом известного американского писателя Джеймса Фенимора Купера, раннее детство которого прошло на берегах Отсего и Сасквеханны.

Вильям Купер был американцем в четвертом поколении. Его прадед Джеймс Купер родился в 1661 году в Стрэтфорде-на-Авоне в Англии, молодым человеком он эмигрировал в Америку, где поначалу обосновался в штате Нью-Джерси. В 1683 году он приобрел земельный участок в Филадельфии и вскоре открыл магазин, которым владел тридцать лет. Его правнук Вильям – отец писателя – родился в поселке Биберри около Филадельфии 2 декабря 1754 года. В 1774 году он женился на Элизабет Фенимор. В 1780 году с женой и тремя детьми перебрался в городок Бурлингтон на левом берегу реки Делавэр поблизости от Филадельфии. Человек энергичный и предприимчивый, он основал собственное дело, активно участвовал в политической жизни страны.

Мать писателя – Элизабет Фенимор – родилась 11 июня 1752 года в селении Ранкокас неподалеку от Филадельфии. Она происходила из старинной зажиточной английской семьи, и ее отец неодобрительно смотрел на ее роман с молодым Вильямом Купером. Но Элизабет была девица с характером, однажды ночью она взобралась на лошадь своего суженого и уехала вместе с ним за пять миль в городишко Бурлингтон, где молодые и поженились.

В эти годы американцы двигались на запад. Крупные компании приобретали огромные участки земли и перепродавали их более мелким землевладельцам. В Бурлингтоне находилась одна из таких компаний. Она приобрела 100 тысяч акров земли

на северо-западе штата Нью-Йорк и распродавала их участками по тысяче акров, каждому покупателю при этом полагалась премия – еще сто акров. Земли были распроданы, и новые владельцы уехали на свои участки. К зиме они все возвратились обратно в свои селения и начали участки продавать.

Вильям Купер быстро сообразил, в чем загвоздка. Владельцы больших земельных участков оказывались один на один с девственной природой, они не могли ни построить дороги, ни открыть магазины. Да и обработка участков в одиночку была делом непосильным. Купер решил взяться за дело по-иному. Он приобрел 40 тысяч акров в районе озера Отсего и реки Сасквеханна и решил распродать их небольшими участками, что до него в этих краях не практиковалось. Небольшими участками землю, как правило, сдавали в аренду, но арендатор, не будучи владельцем земли, не очень-то был заинтересован в работах за пределами своего участка, а крупные компании не хотели вкладывать большие средства в обустройство этих районов.

Другое дело владелец земли, он заинтересован в том, чтобы его участок повышался в цене, а значит, его легче привлечь к работам по прокладке дорог, постройке мостов и пристаней. Торговцы будут заинтересованы открывать лавки там, где есть много покупателей. Размышляя таким образом, Вильям Купер ранней осенью 1758 года верхом на лошади отправился осматривать свои новые угодья. Вместе с ним ехали землемеры, чтобы точно определить границы участков.

«…Я попал в девственную холмистую местность около озера Отсего, где в округе не было ни одного живого человека и никаких следов дорог, – писал впоследствии Вильям Купер. – Я был один в трехстах милях от своего дома, без куска хлеба, без мяса, вообще без каких-либо продуктов. Удочка с крючком и наживкой да костер – вот что позволяло мне поддерживать мои силы. Я ловил форель и жарил ее на углях. Лошадь моя питалась травой, которая в изобилии росла на берегу. На ночь я заворачивался в пальто и вслушивался в звуки девственного леса, простиравшегося на много миль вокруг. Таким образом я объездил весь район, обдумывая планы заселения, прикидывая, в каком месте следует заложить будущий поселок или торговый центр».

На одном из холмов Купер взобрался на дерево, чтобы оглядеть окрестности. Внизу под яркими осенними лучами солнца блестело озеро Отсего, на берегу стоял красавец олень и пил воду. Около южной оконечности озера стоял небольшой блокгауз из толстых обтесанных бревен, построенный за несколько лет до этого первым владельцем этих земель

полковником Крогханом. Здесь он вел переговоры с индейцами и, вероятно, намеревался здесь же создать поселение. Купер также решил, что лучшего места для поселка в окрестностях не найти.

В мае 1786 года за шестнадцать дней Купер распродал все свои 40 тысяч акров небогатым людям, готовым вступить в схватку с девственной природой. Летом многие приехали на свои участки, но зимовать осталось всего три семьи. Не было дорог, через реку Сасквеханну в районе поселения был всего один мост, если можно назвать мостом огромную сосну, переброшенную через реку одним из первых поселенцев – Джоном Миллером. Да и сам Купер провел зиму не на новых землях, а в своем доме в Бурлингтоне вместе с семьей, в которой к этому времени было уже восемь детей, среди них двойняшки – Элизабет и Вильям.

Весной 1787 года к южной части озера Отсего потянулись новые переселенцы. Купер на этот раз приехал вместе с женой. Через озеро они переправлялись на индейском каноэ. Элизабет Купер – так звали мать писателя – это путешествие настолько напугало, что обратно она отказалась плыть через озеро. Усилиями переселенцев через реку соорудили примитивный мост, и госпожа Купер смогла переправиться на тот берег в коляске. Правда, мост был настолько несовершенным, что коляску сопровождало несколько пеших мужчин с толстыми канатами, чтобы удержать коляску на мосту в случае аварии. Перед отъездом Купер сделал необходимые распоряжения по строительству дома для себя и семьи.

Двухэтажный дом Куперов с двумя пристройками был воздвигнут на высоком холме, с которого открывался прекрасный вид на лежащее к северу озеро и вытекающую из него реку. Он был закончен к лету. Купер этим летом наметил план строительства поселка: три улицы должны были протянуться вдоль реки Сасквеханны с юга на север – к озеру, а с запада на восток – от озера на юг – намечалось шесть улиц. Новый дом Купера занимал большой участок на южной стороне Второй улицы и своим фасадом смотрел в сторону озера. Дом этот просуществовал до 1812 года, когда его уничтожил пожар.

Однако условия жизни в поселке еще были весьма примитивными, и многочисленное семейство Куперов не торопилось с переездом к новому местожительству. 15 сентября 1789 года в Бурлингтоне у Куперов родился одиннадцатый ребенок – сын, которому дали имя Джеймс. В октябре годовалый Джеймс вместе со всем семейством Куперов переехал на постоянное место жительства в поселок на берегу озера Отсего. К этому времени в поселке было семь домов, три амбара и тридцать пять жителей, в том числе два раба. Семейство Куперов, включая

чад и домочадцев, составляло пятнадцать человек, таким образом, с их приездом население поселка увеличилось почти вдвое.

В феврале 1791 года в составе штата Нью-Йорк был организован новый округ Отсего с центром в поселке, который получил официальное наименование Куперстаун. Купер был назначен первым судьей окружного суда. Поселок быстро разрастался, приезжали новые поселенцы, возводились жилые дома, построили здание суда (нижний этаж был отведен под тюрьму), таверну. В поселке появились адвокаты и доктора. К концу года Куперстаун имел двадцать домов и магазинов и более ста жителей.

Отметим, что и в наши дни Куперстаун, расположенный в американской глубинке, вдали от больших дорог и городов, насчитывает всего лишь 2400 жителей. Окрестные городки и селения славятся своим яблочным сидром да расположенными неподалеку от Куперстауна живописными подземными пещерами Хоуи, привлекающими в летнее время немногочисленных туристов. Сам же Куперстаун у американцев прежде всего ассоциируется с бейсболом, так как здесь в 1939 году был открыт Национальный музей и зал славы бейсбола. Считается, что игру в бейсбол в 1839 году изобрел Абнер Даблдей (1819–1893) в годы учебы в школе в Куперстауне. Когда бейсбол приобрел широкую популярность в стране, жители Куперстауна заявили, что игра была изобретена в их селении, и к столетию игры открыли в поселке музей и зал славы бейсбола. Заметим в скобках, что американские историки спорта считают, что игра в бейсбол существовала и в Америке, и в Англии задолго до того, как в нее стал играть А. Даблдей.

Раннее детство будущего писатели проходило в обстановке типичного богатого американского поместья, с играми на свежем воздухе, вылазками со сверстниками и слугами в глушь лесов, катаниями на лодке по озеру, охотой и рыбной ловлей. Джеймс любил стрелять из лука, играть в мяч, скакать на лошади и кататься на коньках по замерзшему озеру.

На озере он научился владеть парусом и веслами, нырять и плавать.

В поселке хорошо знали смелого, честного, доброго и открытого младшего сына судьи Купера. Вольная жизнь среди девственной природы наложила свой отпечаток на юного Джеймса. Братья Куперы, по свидетельству их сестры Ханны, отличались «необузданным нравом», который «явно свидетельствовал о том, что они выросли в лесу». Сама Ханна

также любила быструю верховую езду и погибла в 23 года, упав на полном скаку с лошади.

Свое первое образование Джеймс получил в деревенской школе с громким названием «Академия», в которой единственным учителем по всем предметам был Оливер Кори, строгий, но добрый человек. Занятия проходили в «одном из тех безвкусных общественных зданий, которыми отличаются все вновь созданные округа». Помимо школьных занятий, в этом здании проводились политические собрания, церковная служба, заседания суда и редкие общественные балы. В те времена не было ни концертов, ни лекций. Многие жители поселка вообще никогда не слышали звуков музыкальных инструментов.

Судья Купер привез как-то из Филадельфии шарманку и установил ее в гостиной своего дома. Однажды теплым весенним днем судья заиграл на ней, и звуки музыки через открытые окна достигли ушей школьников, сидевших в классе через улицу от дома судьи. Учитель Кори понял, что ему не унять своих слушателей, и он объявил на полчаса перерыв в занятиях.

Но ученики выступали не только в роли слушателей. Раз в году они давали представление, вынося на суд зрителей пьесы Шекспира или других ныне давно уже забытых авторов. В одном из них восьмилетний Джеймс исполнял роль… старца. Учитель Кори и через полстолетия любил вспоминать, с каким чувством маленький Джеймс исполнял эту непривычную роль.

Не меньшее влияние, чем школа и вольная деревенская жизнь на лоне девственной природы, имела на Джеймса и вся господствующая в их доме атмосфера. Отец писателя был человеком далеко не заурядным. Он своими руками сколотил довольно крупное по тем временам состояние, стал одним из влиятельнейших людей в штате. Он был известным федералистом и на короткой ноге с рядом лидеров партии. Среди его близких друзей был первый председатель Верховного суда Джон Джей, он переписывался с президентом Джорджем Вашингтоном, был хорошо знаком с Александром Гамильтоном. Так что Джеймс уже с самых ранних лет жил в мире высокой политики и проблем молодого американского государства.

Хотя Куперстаун располагался в американской глубинке и шестьдесят две мили, отделяющие его от центра штата Нью-Йорк города Олбани, в те дни приходилось преодолевать на лошадях не менее двух дней, отголоски событий в далекой Европе достигали и этих мест. В поселке появлялись новые люди, не любившие распространяться о своем прошлом. Одним из первых был человек по фамилии Лекой, рекомендованный Куперу богатым нью-йоркским торговцем Джоном Мурреем. У Лекоя

были деньги, и по совету Купера он открыл в поселке одну из первых лавок.

Однажды в Куперстаун приехал французский моряк Ренуар, подыскивающий подходящее место, чтобы обосноваться. Как многие моряки, он курил трубку и зашел за табаком в лавку Лекоя. Из лавки он вышел побледневший и заметно возбужденный. Знакомые поинтересовались, в чем дело.

– Как фамилия лавочника? – вопросом на вопрос ответил Ренуар.

– Лекой.

– Я так и думал. Только его полная фамилия Лекой-де-Мерсере. Еще не так давно он был губернатором на французском острове Мартиника. Меня назначили капитаном порта Сен-Пьер на этом острове. Но когда я прибыл к месту службы, губернатор отказался подтвердить мое назначение.

Все рассказанное Ренуаром оказалось правдой. Лекой вынужден был бежать с острова после Великой французской революции и через своих знакомых в Нью-Йорке попал в Куперстаун. Впоследствии он вернулся на Мартинику, снова занял там свой прежний пост, но вскоре умер от желтой лихорадки.

Еще одним странным пришельцем с Европейского континента был человек, называвший себя Эсаей Хаусманом. Он приобрел хороший участок земли на берегу озера, расплатившись за него золотом, построил примитивную хибарку и одиноко жил в ней, не участвуя в делах поселка, а иногда вообще исчезая на несколько месяцев. Доходили слухи, что в эти месяцы он преподавал иврит в каком-то из колледжей восточного побережья Америки. Сам он в минуты откровенности говорил, что раньше служил во французской императорской гвардии и что от гильотины Хаусмана спасла смерть Робеспьера. После его смерти в хибарке обнаружили крупную сумму в золоте. Так как он не оставил завещания и его родственники не были известны, участок земли продали с торгов в пользу казны, но и до сегодняшних дней это место все знают как участок Хаусмана.

В доме судьи Купера несколько дней жил французский эмигрант Талейран, написавший здесь стихи в честь дочери хозяина красавицы Ханны.

Но жителей нового поселка волновали не только события и пришельцы из далекой Европы. На их глазах, при их непосредственном участии зарождалось новое американское государство. Совсем недавно, 4 июля 1776 года, тринадцать английских колоний провозгласили Декларацию независимости и продолжали с оружием в руках отстаивать завоеванную свободу.

Великобритания признала независимость Соединенных Штатов Америки только в 1783 году по Версальскому мирному договору. Федеральная конституция США была обнародована в сентябре 1787 года решением Филадельфийского конвента, в котором принимали участие 55 делегатов от двенадцати из тринадцати штатов под председательством генерала Джорджа Вашингтона.

Вскоре новую конституцию ратифицировали девять штатов, и она получила законный статус. Раздел 1-й статьи 1-й конституции США предоставлял все законодательные полномочия конгрессу США, состоящему из сената и палаты представителей. Первая сессия вновь избранного конгресса открылась в марте 1789 года в городе Нью-Йорке. Вначале же этого года назначенные в штатах выборщики избрали первого президента США – Джорджа Вашингтона. Вице-президентом стал видный юрист Джон Адамс. 30 апреля 1789 года первый президент принял присягу и приступил к исполнению своих обязанностей. Генерал Вашингтон был президентом два срока – с 30 апреля 1789 года по 3 марта 1797 года. Вторым президентом США был избран Джон Адамс (с 4 марта 1797 года по 3 марта 1801 года), вице-президентом у него был Томас Джефферсон.

Конституция США не предусматривает образования кабинета министров. И первые три министерства, или департаменты, как их называют в США, были созданы в 1789 году по решению конгресса. Тогда же конгресс решил создать Верховный суд и федеральную судебную систему. До ноября 1790 года правительственные учреждения находились в городе Нью-Йорке, а затем были переведены в город Филадельфию, где и размещались до 1800 года, когда переехали на постоянное местопребывание в специально построенную столицу страны город Вашингтон, названный в честь первого президента США, умершего в декабре 1799 года.

Дом Куперов в далеком поселке был многими нитями связан с этими историческими событиями. Судья Купер дважды (в 1795 и 1799 годах) избирался членом палаты представителей конгресса США, активно участвовал в его сессиях. Он был неизменным участником всех политических и избирательных собраний и митингов в округе. Нередко политические расхождения на таких собраниях заканчивались кулачными стычками. Судья обладал большой физической силой и никогда не оставался в стороне от таких схваток. Он даже объявил, что готов вступить в открытую борьбу с любым человеком, и если его одолеют в честной борьбе, он подарит победителю 150 акров земли. Однажды это случилось, и судья честно выполнил свое обязательство.

Мать писателя Элизабет была широко известна своим

гостеприимством, любовью к музыке, книгам и цветам. Суровая жизнь и грубые нравы «фронтира» не нравились ей, и она согласилась постоянно жить в Куперстауне, только уступив желаниям своих сыновей. Она охотно принимала гостей, и в доме судьи Купера довольно часто гостили видные деятели штата и страны, влиятельные юристы, генералы, губернаторы штатов, бизнесмены и торговцы. Маленький Джеймс с неподдельным интересом вслушивался в их разговоры о войне с Англией и отношениях с Францией, о событиях на Европейском континенте и спорах в американском конгрессе; о размерах участков, продаваемых из общественных земель, и создании шерстяных и хлопчатобумажных мануфактур. Его интересовали и рассказы о первом в мире пароходе, построенном Р. Фултоном, и о становлении американского военно-морского флота. Говорили о ценах на зерно и хлопок, о планах строительства новых дорог, одна из которых проходила совсем недалеко и должна была соединить долину реки Гудзон с расположенными к западу от Куперстауна плодородными землями вдоль реки Ченанго.

Родители писателя были не чужды литературы, в доме читались и обсуждались романы Джонатана Свифта и Вальтера Скотта, книги собственно американских писателей – морские поэмы Филипа Френо, труды Ноя Уэбстера по английскому языку, пьесы Вильяма Дэнлапа и Джона Бурка, романы Чарльза Брауна. Под влиянием матери и отца Джеймс рано начал читать – английские и американские романы и поэзию, драмы и биографические книги, военные труды и труды по философии, записки о путешествиях. Как мы уже упоминали, он охотно играл в школьном драматическом кружке.

Перед любознательным мальчуганом открывался огромный неведомый мир, в котором происходили необычайные события и перемены. А за окном его комнаты простирались девственный лес и гладь озера, где еще недавно хозяйничали индейцы и дикие звери, случались невероятные и жестокие истории. Сегодня индейцев уже изгнали из этих мест, и здесь промышляли охотники и рыбаки, люди необычайные: смелые, мужественные и добрые. Да и дикие звери еще не перевелись, совсем недавно прямо на него через ограду перемахнул красавец лось и тут же скрылся в зарослях за домом, на берегу реки. Его преследовали охотники с собаками, но Джеймс в глубине души надеялся, что лосю удалось-таки уйти от погони. Его притягивал и уходящий в бескрайние дали лес со своими тайнами и приключениями, и книги, дававшие пищу уму и сердцу.

Конечно, поселковая «Академия» даже по тем временам была далеко не лучшим местом для получения образования. Две зимы

(1796/97 года и 1798/99 года) Джеймс проучился в школе в Бурлингтоне, где его родители все еще содержали собственный дом. В 1801 году двенадцатилетнего Джеймса для продолжения образования отправили в центр штата города Олбани, где он учился и жил у священника, выпускника Оксфордского университета Томаса Эллисона, который обучал в своем доме трех-четырех мальчиков. В основном они занимались латынью, заучивая наизусть длинные пассажи из Вергилия. Вместе с Джеймсом у Эллисона проходили азы науки будущий поэт Вильям Хиллхауз и Вильям Джей, сын первого председателя Верховного суда США Джона Джея. Вильям Джей вспоминал, что Джеймс по вечерам развлекал соучеников, рассказывая придуманные им самим истории.

Преподаватель был удовлетворен успехами Джеймса, и, вероятно, он проучился бы у Эллисона несколько лет, но священник умер в апреле 1802 года. Вновь встал вопрос, где продолжать учение. По возрасту ему еще рано было поступать в колледж, однако родители решили, что по уровню своих знаний он сможет там учиться. Так в феврале 1803 года Джеймс Купер стал студентом Польского колледжа в городе Нью-Хейвен в штате Коннектикут. Колледж этот существует с 1701 года и является одним из старейших в США. Джеймс был самым молодым студентом, но по своим знаниям, особенно в латыни, он превосходил многих однокурсников. Он скучал на лекциях и развлекался тем, что дурачился и проказничал, драки с однокурсниками снискали ему дурную славу. Однажды летом 1805 года он насыпал в тряпочку пороху, заложил этот пакетик в замочную скважину двери студенческой комнаты и поднес к пакету спичку. Терпение преподавателей лопнуло. И хотя некоторые защищали его, отмечая «образованность, привлекательную внешность и интеллигентную манеру поведения», Джеймса отчислили из колледжа, и он покинул Нью-Хейвен, оставив неоплаченные долги за книги и одежду, которые родители после погасили.

Дальнейшее образование Джеймс получил с помощью специально приглашенного преподавателя, священника Вильяма Нейлла. Впоследствии В. Нейлл отмечал, что Джеймс в эти годы был «своенравен, абсолютно не терпел серьезных занятий, особенно абстрактных наук, и необычайно любил читать романы и забавные истории».

Увлечение рыцарскими романами и балладами началось у Джеймса еще в детстве. Он с удовольствием слушал рыцарские истории, которые читала детям его мать. Когда ему было лет одиннадцать, он зачитывался очередной историей под названием

«Дон Белианис из Греции». Под свежим впечатлением от прочитанного он объявил своим товарищам, что сам напишет такую же историю, в ней будут действовать настоящие рыцари и леди, оруженосцы и солдаты. Но вот беда, Джеймс не проявлял пи малейшей склонности к чистописанию. Выход был найден довольно быстро. Отец одного из приятелей Джеймса издавал местную газету «Отсего геральд». Он согласился, чтобы мальчик надиктовал свою историю прямо наборщику. Несколько глав были набраны и отпечатаны, но энтузиазм автора скоро иссяк, и начатая история так и осталась неоконченной.

По вечерам Джеймс любил слушать разговоры взрослых. Теперь часто говорили о новом шоссе, которое соединило Черривэлли с Олбани. Джеймс ездил по этому шоссе, видел, как в сторону Олбани по нему направлялись груженные зерном телеги, а навстречу им ехали многочисленные новые эмигранты с детишками, с небогатым скарбом. Шоссе было построено частной компанией, за проезд по нему взимали плату. Буквально через милю на шоссе были расположены таверны, где проезжие могли отдохнуть, подкрепиться, накормить и напоить лошадей, а то и переночевать.

В доме Куперов собирались директора и владельцы акций компании, строившей шоссе, и разговоры в основном велись о том, куда направить средства, полученные от пользования дорогой. По условиям строительства чистая прибыль не должна была превышать десяти процентов от вложенного капитала. А что делать с остальными деньгами? Одни предлагали заменить деревянные мосты каменными, другие – поставить вдоль всего шоссе фонари, чтобы лучше использовать его ночью. Но все эти разговоры так ни к чему и не привели, ибо вскоре другая компания построила севернее новое шоссе вдоль старой индейской тропы, которой издавна привыкли пользоваться местные жители, и все движение между этими районами мало-помалу переместилось на новое шоссе, а старое пришло в упадок.

Джеймс рос любознательным, независимым, вспыльчивым юношей. Своенравный характер шестнадцатилетнего сына беспокоил старшего Купера. Он решает определить его по военно-морской части и для начала отправляет Джеймса простым матросом в плавание в Европу на торговом корабле. «Стирлинг» – так назывался корабль – отплыл из Нью-Йоркского порта в середине октября 1806 года и взял курс на Лондон. Путь в Англию был долгим, море штормило. Где-то перед Португалией за кораблем погналась вооруженная феллюка, и перепуганные моряки спрятали свои серебряные деньги, да так умело, что долго потом не могли их найти. Обнаружили их на дне ящика с хлебом

после того, как съели весь хлеб. После прихода в Англию моряки больше всего опасались насильственной вербовки в королевский флот. Для Джеймса, который с детства был воспитан в глубоком уважении к Англии и англичанам и, по собственному признанию, «смотрел на Англию снизу вверх с обожанием, как на политического, морального и литературного кумира», столкновение с английской действительностью явилось настоящим шоком.

Он с опаской ходил по Лондону с моряками «Стерлинга», удивляясь в душе тому, что американцы, которые у себя дома принимали любого англичанина, словно родного брата, здесь были не в чести, и в лучшем случае их присутствие терпели как неизбежность. Джеймс, вероятно, должен был узнать о трагическом случае с американским судном «Чесапик», которое в июне 1807 года было обстреляно английским фрегатом «Леопард» под тем предлогом, что на «Чесапике» якобы служили четыре «дезертира» с английских кораблей. Три моряка с «Чесапика» были убиты, восемнадцать ранены, а четверо захвачены англичанами как «дезертиры».

Из Лондона корабль идет в Испанию, затем возвращается в Лондон и уже оттуда направляется обратно в США. «Стирлинг» прибыл в Филадельфию в середине сентября 1807 года. Год тяжелой морской службы пошел на пользу Джеймсу. Он не только хорошо освоил морское дело, но и повзрослел, стал дисциплинированным и выдержанным.

20 февраля 1808 года Джеймс Купер принял присягу перед нью-йоркским нотариусом В. Вильямсом, и таким образом его патент на первое офицерское звание вступил в законную силу. Вначале он был приписан к бомбардирному судну «Везувий», стоявшему на ремонте в нью-йоркской бухте, а в июле направлен в форт Освего, на берегу озера Онтарио в составе группы специалистов для наблюдения за постройкой брига «Онеида» и двух канонерских лодок.

Жизнь в примитивной пограничной деревне была нелегкой. Все разговоры велись вокруг возможной войны с Англией и закона об эмбарго, подписанного президентом Джефферсоном в декабре 1807 года и фактически накладывавшего запрет на все внешнеторговые связи страны. Расположенные в форту Освего военные моряки во исполнение этого закона должны были бороться с контрабандистами.

«Слухи о войне здесь весьма сильны, – писал Джеймс брату Ричарду в ноябре 1808 года. – Если они подтвердятся, то прощай озеро Онтарио, и я снова буду иметь удовольствие увидеть соленую морскую пучину. Последний месяц наше Освего

переполнено – офицеры, торговцы, контрабандисты… Сюда прибыл небольшой отряд пехоты под командой лейтенанта Джона Кристи. Они заняли старый форт и пробудут в нем всю зиму. Их офицеры – весьма приятное пополнение нашей небольшой группы…»

Джеймс Купер служил под командой лейтенанта М. Вулси, опытного морского офицера, на девять лет старше Джеймса. Он ценил своего молодого помощника и на время отъездов назначал его своим заместителем. Однако гарнизонная служба тяготила Джеймса, он хотел получить больше практики на морском корабле и поэтому весной 1809 года официально попросил перевода на корабль, однако просьба его уважена не была. Не получило одобрения и ходатайство М. Вулси о досрочном производстве Дж. Купера в следующий чин.

В сентябре 1809 года Дж. Купер снова обращается в военно-морское министерство. Он просит предоставить ему отпуск, чтобы совершить путешествие в Европу офицером на торговом судне. В то время это была обычная практика, так как военно-морские силы США насчитывали менее двадцати действующих кораблей, и многие офицеры ВМС вынуждены были приобретать необходимый навигационный опыт на торговых судах. Дж. Купер получил испрашиваемый отпуск и отправился с берегов Онтарио в город Нью-Йорк. Однако воплотить в жизнь его замысел оказалось не так-то просто: отправляющиеся в Европу суда были полностью укомплектованы офицерами.

Помог земляк, лейтенант Джеймс Лоуренс, командир сторожевого корабля «Оса-18», предложивший Джеймсу Куперу место офицера на своем корабле. Дж. Куперу не оставалось ничего иного, как согласиться. Но и теперь его мечте о службе на море не суждено было сбыться: ему поручили неблагодарное и нелегкое дело – набор матросов. Вместо морских походов Дж. Купер совершал походы по тавернам и другим злачным местам и вербовал рекрутов.

Неизвестно, как бы сложилась морская служба Дж. Купера в дальнейшем, но в его судьбе наступил крутой перелом. 22 декабря 1809 года скончался его отец судья В. Купер. Был он человеком крепкого здоровья, и ничто не предвещало трагического конца. После горячего политического спора, когда судья выходил из собрания, его оппонент со всей силой нанес сзади удар тяжелым предметом по голове судьи. Судья слег, затем у него началось тяжелое воспаление легких, и он умер.

Еще во время болезни отца Джеймс получил отпуск и уехал в Куперстаун. После похорон он возвратился в Нью-Йорк и попросил продлить его отпуск на год, чтобы привести в порядок

личные дела. Помимо вступления в права наследства, у Джеймса в этот период были п другие причины для продолжительного отпуска – он собирался жениться. Зимой Джеймс познакомился с Сюзан Аугустой Деланси, по его словам, «красивой восемнадцатилетней девицей». Сюзан была дочерью Джона Питера и Элизабет Деланси, людей не слишком богатых, но состоящих в родстве с наиболее респектабельными семействами из числа старых колонистов.

Невысокая, хрупкого телосложения, Сюзан была интеллигентной и приятной собеседницей. «Я полюбил ее, как может полюбить мужчина, и заявил ей об этом со всей прямотой моряка», – сообщал Джеймс своему старшему брату в мае 1810 года. В соответствии с обычаями Джеймс попросил у Джона Питера Деланси руки его дочери.

– Вы можете обратиться с предложением к моей дочери, если получите одобрение своей матери, – так ответил молодому офицеру отец Сюзан.

Джеймс тут же подробно написал обо всем старшему брату Ричарду и попросил его испросить у матери согласия на женитьбу. «А затем возьми перо и напиши господину Деланси, что наша семья будет счастлива и рада, если этот союз будет заключен. И проделай все это незамедлительно, ибо я лишен удовольствия встречаться с предметом моей страсти до тех пор, пока не будут выполнены все эти условности. Этого требуют проклятые скучные правила хорошего тона…»

Если сегодня на расположенной в центре Манхеттена подземной железнодорожной станции Гранд-Сентрал сесть в электричку, идущую по Нью-Хейвенской линии в сторону Стамфорда, то пятая остановка будет поселок Мамаронек. Здесь на берегу залива Лонг-Айленд в доме отца невесты 1 января 1811 года Джеймс Купер и Сюзан Аугуста Деланси сочетались законным браком. Свадебный обряд совершил священник С. Хаскелл, настоятель церкви из соседнего поселка Рай. На церемонии присутствовали только родственники новобрачных, да в дверях гостиной толпились слуги. В ожидании свадебного обеда молодожены играли в шахматы.

Ранней весной Куперы обосновались в арендованном небольшом домике в поселке Нью-Рошель. На лето они уехали в Куперстаун, где приобрели большой участок земли на западном берегу озера Отсего в миле от поселка. Купер назвал свою новую ферму Фенимор в честь матери и затеял строительство нового дома. Осенью они возвратились в дом тестя в Мамаронек, где 27 сентября у них родилась первая дочь Элизабет.

Перед Купером встал вопрос, что делать дальше. Его отпуск

подходил к концу, и сам Джеймс с удовольствием бы продолжил службу на флоте. Однако его молодая жена категорически возражала против этого. Да и перспективы службы были далеко не блестящими. Даже опытные, заслуженные боевые офицеры вынуждены были брать отпуск, чтобы иметь возможность выйти в море хотя бы на торговом судне. Коммодор Бейнбридж, прославленный в морских сражениях, испрашивая такой отпуск, вообще выразил сомнение в том, что страна будет иметь постоянный военно-морской флот. Его мнение стало известным среди офицеров и, конечно, вызвало панику. Знал об этом и Купер.

В то же время полученное после смерти отца наследство требовало много забот: необходимо было расплатиться с отцовскими долгами, привести в порядок дела с арендаторами на двадцати трех унаследованных им фермах, построить собственный дом. По здравому размышлению и уступая настойчивым просьбам жены, Купер подает в отставку и решает заняться сельским хозяйством в Куперстауне. Однако неотложные дела задерживали переезд на берега Отсего. Только в июле 1813 года семейство Куперов с двумя маленькими дочерьми (Сюзан Аугуста родилась 17 апреля) перебрались на постоянное жительство в Куперстаун. Здесь их постиг первый удар. По дороге маленькая Элизабет заболела и через несколько дней по приезде в Куперстаун умерла.

Поселок к этому времени разросся. Он насчитывал 133 дома, 57 амбаров и 686 жителей. В нем издавались две газеты – «Отсего геральд» и «Куперстаун федералист», имелась одна пожарная машина на конной тяге. Пожары случались часто, правда, урон приносили небольшой: сгорал тот или иной небольшой домик или амбар. Первый крупный пожар, о котором долго помнили, случился в ночь на 30 марта 1809 года – сгорела типография и примыкавший к ней новый жилой дом. А следующей ночью сгорела «Академия», в которой начинали свое образование многие жители Куперстауна.

Джеймс Купер на холме за фермой Фенимор организовал овцеферму, он первым в округе завел овец породы мериносов, чья однородная тонкая шерсть высоко ценилась на рынке. Купер вел свое хозяйство с размахом и с применением новейших методов. Его ценили, заимствовали опыт, и когда позднее по инициативе Купера было создано сельскохозяйственное общество округа Отсего, он был избран первым секретарем. В эти же годы Купер стал одним из организаторов Американского библейского общества. У него росли три дочери – Каролина Марта родилась в июне 1815 года и Анна Шарлотта – в мае 1817 года. Все эти годы

он строил постоянный каменный дом на ферме Фенимор. Дом стоял на холме над озером, в центре большого участка, вдали от других строений, за пределами собственно поселка.

Однако жить в новом доме Куперам не пришлось, они снова переехали в Мамаронек, в дом тестя. Жена Джеймса тяготилась жизнью вдали от своих родителей в небольшом поселке, затерянном в глуши лесов, вдали от больших городов. Она принимала близко к сердцу заботы мужа и поэтому безропотно жила в Куперстауне. Поводом для отъезда послужило не такое уж важное на первый взгляд событие. В доме Куперов долгие годы жила няня, принадлежавшая к методистской церкви. В Куперстауне она вышла замуж за одного из запивших прихожан, чтобы «спасти его и вернуть в лоно церкви». Ее уход сильно повлиял на жену Купера, и она настояла на переезде в Мамаронек, к родителям, чтобы было легче ухаживать за детьми.

До Олбани добирались три дня на лошадях с неизменной ночевкой в Канаджохари в доме полковника Хендрика Фрея, старого друга судьи Купера. Хозяину было уже за восемьдесят, но он хорошо помнил былые времена и много рассказывал о том, как отец Купера осваивал эти места. От Олбани до Нью-Йорка плыли по реке на пароходе, Купер то и дело обращал внимание жены на новые поселки на берегу, мимо которых плыл пароход. От Нью-Йорка полдня добирались до Мамаронека. Эти двадцать миль сегодня на машине или на электричке преодолеваются за каких-то полчаса.

Сначала Куперы жили в доме тестя. Расположенный на высоком холме над заливом Лонг-Айленд, дом этот стоял в центре огромного участка, на котором располагались коровники и амбары для зерна, посадки персиков и яблок, огороды и цветники, птичники и конюшни. Старшая дочь Куперов Сюзан любила с дедушкой хлопотать по хозяйству, кормить кур и уток, гусей и индеек, павлинов и цесарок. Впоследствии она вспоминала, что в доме не только занимались хозяйством, но иногда устраивались и любительские спектакли, в которых неизменно принимал участие ее отец.

В 1818 году Куперы построили свой собственный дом в соседнем с Мамаронеком поселке Скарсдейл на участке земли, который унаследовала жена Купера. И здесь Джеймс принимает активное участие в деятельности сельскохозяйственного общества. Под свои земли он получает кредит, открывает лавку в Нью-Йорке и на паях приобретает китобойное судно «Юнион». Он подумывает о том, чтобы заняться политикой, и активно включается в деятельность отделения республиканской партии в графстве Уэстчестер, вступает в штатную милицию и вскоре

становится адъютантом губернатора штата Клинтона в чине полковника.

Хорошо образованный, начитанный, энергичный, интеллигентный молодой отставной морской офицер Джеймс Купер не без оснований рассчитывал, что со временем он сможет занять видное место среди политиков штата Нью-Йорк, а то и страны. А пока он пытался поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела. Земли сильно упали в цене, и он не мог выгодно продать принадлежащие ему обширные земельные угодья. Один за другим умерли его четыре старших брата, и забота о благополучии их семей также легла на его плечи.

Глава 2
НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОГО ПУТИ

По вечерам в доме Куперов вслух читали новые книги, которые раз в месяц доставлялись в Нью-Йорк на почтовом пароходе из Англии. Наибольшей популярностью пользовались рыцарские романы Вальтера Скотта, психологические истории английской писательницы Джейн Остин и ирландские романы Марии Эджуорт. Но часто пароход доставлял слабые сентиментальные творения, и тогда Купер вскоре прерывал чтение и откладывал книгу в сторону.

Однажды вечером Купер читал вслух приболевшей жене. Книга не вызывала интереса, и вскоре Купер зло отбросил ее на стол, воскликнув:

– Да я сам напишу тебе лучше книгу, чем эта!

Этот незначительный на первый взгляд эпизод, как оказалось потом, перевернул всю его жизнь. Жена начала подзадоривать его: ведь он и письма-то не любит писать! Но Джеймс стоял на своем и, к удивлению жены, тут же принялся за работу. Справедливости ради следует отметить, что небольшой литературный опыт у него все же был. Помимо той рыцарской истории, которую, как мы помним, он диктовал прямо наборщику типографии, он сочинил балладу. Купер вместе с группой приятелей находился как-то в редакции газеты «Отсего геральд». Туда зашел бедного вида человек и попросил помощи. Это оказался странствующий певец, исполняющий для слушателей баллады. Ему собрали небольшую сумму денег, но он попросил, чтобы вместо денег кто-нибудь из присутствующих сочинил для него новую балладу.

Купер тут же вызвался сочинить что-нибудь на злобу дня. Подходила к концу война с Англией, все только и говорили о жестокости англичан, сжегших недавно поселок Буффало. И Купер написал балладу под названием «Сожженное Буффало, или Ужасный пожар». Балладу сразу набрали, отпечатали несколько экземпляров и вручили их певцу.

Прошло лет пять. Купер был в одном из расположенных неподалеку от Куперстауна поселков. Его пригласили на чай, и дочь хозяев села за пианино, чтобы развлечь гостя пением. К удивлению и ужасу Купера, она запела «Сожженное Буффало».

Но теперь речь шла не о балладе, а о романе. Купера это не смущало, он тут же придумал сентиментальную моральную историю в духе тех, которые ему приходилось читать, и сел за

стол. Действительно история эта разрослась в роман, который он закончил в июне 1820 года. Уже в ходе работы над романом жена начала говорить о том, что его роман заслуживает издания. Решено было прочитать его без раскрытия имени автора ближайшим друзьям и послушать их совета. Судьями избрали членов семейства губернатора Джона Джея, с младшим сыном которого, Вильямом, Купер учился в Олбани, Чарльза Уилки, старого приятеля Джеймса, и жителя Куперстауна англичанина Джеймса Атчесона, обществом которого Купер очень дорожил. Все они высказались за публикацию романа.

Чтение продолжалось несколько вечеров в доме Джона Джея в Бэдфорде, куда Купер приехал вместе с женой и дочерью. Джон Джей (1745–1829) был близким другом судьи Купера. Его имя хорошо известно в американской Истории. Вместе с Бенджамином Франклином и Джоном Адамсом он в 1783 году заключил в Парняге мирный договор с Великобританией. По возвращении на родину Джей узнал, что конгресс США назначил его секретарем по иностранным делам. В этой должности он проработал шесть лет, а в 1789 году был избран первым председателем Верховного суда США, передав ведение иностранных дел Томасу Джефферсону. С 1795 по 1801 год он был губернатором штата Нью-Йорк. Ярый противник рабства, Джей подписал закон об отмене рабства в его штате. С 1801 года он жил на своей ферме в Бэдфорде, занимаясь сельским хозяйством.

Его сын Вильям (1789–1858) был также известным общественным деятелем. Он одним из первых публично выступил за разрешение международных конфликтов путем переговоров или арбитража. В течение десяти лет он избирался президентом Американского общества мира. Джеймс Купер после смерти отца сохранил дружеские отношения со старшим Джеем, а с Вильямом он был на короткой ноге еще с периода совместной учебы. Купер высоко ценил образованность и литературный вкус обоих Джеев, и поэтому решил представить свое первое литературное детище на их суд. При чтении романа присутствовали и другие, однако почти никто не знал, что автор рукописи – Джеймс Купер; он сказал, что роман принадлежит перу одного из его друзей.

По прочтении рукописи большинство слушателей пришли к выводу, что роман – создание женщины, последовательницы английской романистки Амелии Опи, чей роман «Отец и дочь» был широко известен в эти годы по обе стороны Атлантики. Одна из слушательниц вообще была уверена в том, что ей уже приходилось читать этот роман. Автор посчитал это за похвалу, так как он действительно писал свой роман в манере английских

писательниц, чьи книги были тогда в большой моде.

Биограф и исследователь творчества Джеймса Фенимора Купера Джеймс Ф. Бнрд считает сочинительство романов «самым донкихотским из всех его экспериментов» этого периода. Как бы то ни было, ободренный благожелательными отзывами слушателей, Купер обращается к известному нью-йоркскому издателю Андрю Томпсону Гудричу со «строго конфиденциальным» письмом, в котором рассказывает о своем романе и просит сообщить об условиях, на которых его книга могла бы увидеть свет. Купер извиняется перед Гудричем, что он не может посетить его лично для переговоров, так как обязан быть дома около жены, расстроенной недавней кончиной и похоронами ее матери.

Известно, что А.Т. Гудрич посетил Купера, и в результате переговоров они пришли к соглашению об условиях издания книги. 3 июля 1820 года в нью-йоркской газете «Коммершиел эдвертайзер» («Коммерческие новости») появилось следующее сообщение: «Фирма А.Т. Гудрич и К˚» получила рукопись оригинального и весьма интересного труда под названием «Предосторожность». Фирма незамедлительно приступает к изданию этого романа».

«Предосторожность, или Предупреждение, лучше, чем Лечение», роман в 2 частях вышел в свет в ноябре 1820 года. Купер был недоволен наборщиками – слишком много ошибок, и настоял, чтобы ко второму тому был приложен список опечаток. Роман ничем не выделялся из числа тех, что ежемесячно прибывали на континент из Англии. Читающие ньюйоркцы считали, что книга написана проживавшей в Англии сестрой тестя писателя Деланси. Издание «Предосторожности» и в Англии лишь убедило публику в «правильности» ее предположений.

Первая книга Купера принадлежала к так называемым семейным романам в отличие от романов приключений. Это дало повод одному из более поздних исследователей творчества писателя заявить: «Ничто не может нам убедительно объяснить, как американский Скотт совершил ошибку, начав свою литературную карьеру в качестве американской Остин». Действительно, «Предосторожность» была написана в духе сентиментальных английских романов на тему о замужестве. Автор отчетливо проводит мысль о том, что выбор жениха для дочери – моральный долг ее родителей. Особого успеха книга не имела, однако она была отмечена рецензией в журнале «Литерари энд сайентифик репозитери энд критикел ревью» («Литературный и научный сборник и критическое обозрение»).

Вспоминая впоследствии свою первую литературную

попытку, Купер писал: «…Случайные обстоятельства, послужившие причиной появления этого романа, определили также место действия и его общий характер. Действие происходило в чужой стране, а общий характер свидетельствовал о беспомощных попытках автора изобразить чужеземные нравы. Когда роман вышел в свет, на автора посыпались упреки его друзей, что он, американец по духу и по рождению, подарил миру книгу, разве что способную, да и то лишь в слабой степени, возбудить воображение его молодых и неопытных соотечественников картинами из жизни общества, столь непохожего на то, в котором он живет. Хотя автор отлично знал, что появление романа было чистой случайностью, он почувствовал, что упреки эти в известной мере справедливы».

Хотя первый роман, к тому же изданный анонимно, не принес его автору ни денег, ни славы, он все же способствовал тому, что Купер входит в круг нью-йоркских литераторов, становится постоянным рецензентом журнала «Литература, нация и критика». Но самое главное – «Предосторожность» толкнула Купера на серьезное занятие литературным трудом.

Культура Новой Англии в первой половине XIX века отличалась консерватизмом, назидательностью и была проникнута бесстрастным благочестием. Было много людей начитанных, но мало творческих. Обсуждали в основном прочитанное, а читали преимущественно книги английских писателей. В 1820 году, например, среди изданных в стране книг 70 процентов составляли английские и только 30 – произведения собственно американцев. Да и то последние отличались фактически лишь происхождением своих авторов.

«Американцы не имеют ни своей национальной литературы, ни своих эрудированных ученых, – не без основания утверждал в 1818 году журнал «Британский критик». – Американцы слишком молоды, чтобы бросить вызов в области литературы старым нациям Европы. Они никогда не будут писать с той простотой и с тем энтузиазмом, которые украшали истоки знания у всех разумных народов. Жителям Соединенных Штатов никогда не придется гордиться ни собственной поэзией, ни собственной музыкой…»

Английский критик Сидней Смит вообще ставил под сомнение необходимость для американцев иметь собственную литературу. «Да и зачем американцам писать книги, если шестинедельный вояж через океан доставляет им, на их собственном языке, наш разум, нашу науку, наш гений и – все это уже упакованное в тюки и бочки? Прерии, пароходы и мельницы – вот их собственная забота на грядущие столетия».

Подобные высокомерные суждения из-за океана были хорошо известны среди образованной американской публики, но они не вызывали чувства протеста, так как еще были слишком сильны узы, связывающие новую американскую нацию с ее континентальной прародительницей. Конечно, в Великобритании, да и в других государствах Европы читали и «Историю Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга (1783–1859), и готические романы Чарльза Брокдена Брауна (1771–1810), и морские поэмы Филипа Френо (1752–1832), и эпическую поэму «Колумбиада» Джоэла Барлоу (1754–1812). В Америке знали, что творчество Ч.Б. Брауна весьма высоко ценили Джон Китс, Перси Биши Шелли и Вальтер Скотт. И тем не менее тот же Сидней Смит был недалек от истины, когда он в 1820 году спрашивал со страниц «Эдинбургского обозрения»: «В четырех частях света кто когда-либо читал подлинно американскую книгу или смотрел настоящую американскую пьесу?.. Где их Скотты, Кэмпбеллы, Байроны, Муры или Креббсы?»

Ответа на эти вопросы зарождающаяся американская литература в то время дать не могла. Но уже совсем близко был тот час, когда американский писатель с типично американским романом подымется до уровня лучших творений мировой словесности.

Еще в те дни, когда Купер писал «Предосторожность», он по совету жены начал работать над новым произведением, которое по его замыслу должно было стать подлинно американским романом. «Задача изобразить американские нравы и американскую действительность так, чтобы это изображение заинтересовало самих американцев, – очень сложна, и я не уверен, удастся ли мне это, – размышляет писатель по поводу замысла своего нового романа в письме издателю А.Т. Гудричу. – Но признаюсь, что мой новый замысел более привлекает меня, чем «Предосторожность».

В качестве темы для своего нового романа Купер избрал войну за независимость США. В годы его детства и юности еще были живы непосредственные участники войны за независимость и образование американского государства. Джеймс хорошо знал многих из них, не раз выслушивал их интересные рассказы в отцовском доме. В свои молодые годы он был свидетелем англо-американской войны 1812–1814 годов, в ходе которой США не только стремились обеспечить свою независимость, но и пытались захватить Канаду.

Захват и приобретение новых территорий в этот период лежали в основе политики американской администрации. В 1803 году США купили у Франции Луизиану, огромную территорию к

западу от реки Миссисипи, почти равную по своим размерам всем Соединенным Штатам того времени. Осуществлялся захват Флориды, формально оформленный договором с Испанией в 1819 году. Правительство стимулировало развитие промышленности, и земельная аристократия теряла и свои земли, и свое влияние. Быстрыми темпами рос торговый флот США и развивалось торговое мореплавание.

Купер был в курсе всех этих перемен и действий, и ему было из чего выбрать и сюжет и героев для типично американского романа. Но он не случайно остановился на периоде войны за независимость США. Как мы уже упоминали, Купер был частым гостем в имении Джеев в Бэдфорде. Длинными провинциальными вечерами Джон Джей, потягивая свою трубку, рассказывал занимательные истории, свидетелем и участником которых ему довелось быть.

У Джона Джея было что рассказать своим слушателям. Он родился в городе Нью-Йорке в состоятельной семье и после окончания Королевского колледжа (ныне Колумбийский университет) занялся юриспруденцией. В 1774 году он был избран делегатом первого континентального конгресса, где выступал против независимости колоний. Но после провозглашения независимости он поддержал ее и в качестве члена конгресса штата Нью-Йорк подготовил резолюцию, которой штат Нью-Йорк ратифицировал Декларацию независимости. Джей составлял проект первой конституции штата Нью-Йорк, являлся первым послом США в Испании, вместе с Александром Гамильтоном и Джеймсом Мэдисоном участвовал в написании «Федералиста», сборника эссе, ратовавших за утверждение федеральной конституции страны. Шесть лет Джей являлся государственным секретарем США по иностранным делам, пять лет – первым председателем Верховного суда США, шесть лет – губернатором штата Нью-Йорк.

В долгой жизни Джея случались назначения и поручения и не такие яркие, но от этого не менее интересные и важные. Президент Джордж Вашингтон назначил его одним из четырех членов Комитета по безопасности – первого разведывательного органа США. В комитете Джей отвечал за сбор информации о замыслах и передвижениях «красных мундиров», то есть войск англичан. В этом качестве он подбирал разведчиков и сам поддерживал с ними связь. Он рассказывал, что его агенты обычно посылали свои донесения с нарочными, а бывали случаи, когда его люди узнавали новости по тому, в каком порядке было развешано белье для просушки около одного из рыбацких домиков на берегу залива Лонг-Айленд.

Англо-американская война 1812–1814 годов всколыхнула патриотические чувства американцев, события войны за независимость казались им теперь не такими уж далекими, принимались близко к сердцу. Известные и безымянные герои этой войны ждали своих летописцев. И Купер решает написать роман об одном из таких героев. Впечатлительного начинающего писателя особенно заинтересовала история одного из тайных агентов Джея – простого мелкого фермера, который действовал здесь же, в графстве Уэстчестер. На Купера сильно повлияла и трагическая история гибели двадцатилетнего капитана Натана Хейла, захваченного англичанами при возвращении из разведки и повешенного 22 сентября 1776 года.

Героем своей новой книги он избирает безымянного разведчика, о котором с таким восхищением и уважением рассказывал Джон Джей. Благо и местность, где он действовал, была хорошо знакома Куперу. Знавал он и людей, как две капли воды похожих на тех, кому уготовано было действовать на страницах его нового романа.

Выбор профессии главного героя был подсказан самой жизнью. В дом Куперов часто приходили мелкие разносчики-торговцы, предлагавшие необходимые в хозяйстве вещи или чинившие обувь и мелкую хозяйственную утварь. Купер не без оснований посчитал, что именно такое занятие должно было бы облегчить его герою выполнение разведывательных поручений. Так Гарви Бёрч получил профессию мелкого разносчика-торговца и сапожника.

Что касается остальных действующих лиц романа, то и они были взяты из жизни. Американские исследователи творчества писателя считают, что роман частично основан на действительных фактах из истории семьи жены Купера. Известно, что семейство Деланси в период войны за независимость придерживалось проанглийских взглядов, и в романе в истории семьи Уортонов писатель отобразил реальные факты из их жизни.

Лето и осень 1820 года Купер упорно работал над своим новым романом. «Шпион» продвигается медленно и будет закончен не раньше, чем поздней осенью, – сообщал он 12 июля 1820 года своему издателю. – Работаю над книгой изо всех сил. Это должен быть настоящий американский роман. Думаю, что он будет значительно лучше «Предосторожности». Интереснее и лучше написан».

Однако, закончив роман, Купер не торопился с его публикацией. Финансовый риск издания второго романа казался ему слишком большим. Он не был уверен, что основанный на американском материале роман привлечет интерес американской

читающей публики. Роман, в котором нет родовых замков и крепостных рвов, рыцарей и лордов, рыцарских турниров и жадно наблюдающих за ними молодых аристократок, вряд ли мог привлечь внимание читателей, особенно женщин. Конечно, чтение романов считалось модным занятием, и так называемое общество стремилось побыстрее прочесть новую книгу, ибо каждый хотел первым высказать о ней свое мнение. Но это касалось английских романов, а как читатели воспримут американский роман? Купер решил, что лучше сначала издать несколько «моральных историй» в духе все той же Амелии Опи, чтобы составить себе литературное имя. Конечно, действие этих историй придется перенести в Америку.

Но замысел этот так и не получил своего воплощения. Купер наконец решает передать свой новый роман издателю, и в декабре 1821 года накануне рождественских праздников «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» появляется на американском книжном рынке. Новый роман Купера сразу же был воспринят его соотечественниками как произведение, появления которого все с таким нетерпением ждали. Интеллигенция молодого американского государства, хотя и тяготела все еще к литературе и культуре Англии, тем не менее мечтала о рождении собственной, подлинно самобытной национальной литературы и искусства, созданных па американском материале, поднимавших типично американские проблемы.

«Мы давно уже придерживаемся того мнения, что наша страна открывает перед авторами приключенческих романов широкие, нехоженые просторы, преисполненные нового материала, который может послужить прекрасной основой для романа, – так выражал подобные настроения в июльском номере журнал «Северо-американское обозрение» за 1822 год известный американский критик В.Г. Гардинер. – …Мы мечтали о том дне, когда на американской почве и исключительно из наших материалов будет воздвигнуто здание современного исторического романа во всей его национальной силе и изяществе».

В центре «Шпиона» приключения, а вернее – злоключения торговца вразнос Гарви Бёрча, несущего нелегкую и опасную службу тайного агента континентальных войск на территории, все еще занятой англичанами. Он поддерживает добрые отношения с живущими неподалеку от его дома состоятельными землевладельцами Уортонами, чьи симпатии находятся на стороне англичан и чей сын служит капитаном в английской армии. Только младшая дочь Уортонов Френсис безоговорочно на стороне республиканцев – в рядах континентальной армии

сражается ее возлюбленный майор Данвуди.

Роман этот неоднократно издавался в СССР, хорошо известен нашим читателям, и нет нужды пересказывать его содержание и перипетии его главных действующих лиц. Отметим только, что майор Данвуди благополучно сочетался браком с Френсис. Гарви Бёрч имел последнюю тайную встречу с Джорджем Вашингтоном, который в благодарность за верную службу хотел вручить своему агенту мешочек с золотом.

– …Нет, нет, я не возьму у вас ни доллара, бедная Америка сама в них нуждается! – пылко ответил генералу разносчик.

Как жил он последующие годы, писатель не рассказывает. Известно лишь, что он «мужественно боролся с надвигающейся старостью и нуждой». Погиб он от пули англичан через тридцать три года после описанных в романе событий – на другой войне и на другой территории. Перед смертью он случайно встречается на линии фронта с капитаном Данвуди, сыном Френсис и майора Данвуди. Молодой человек узнает тайну старика из обнаруженной у него записки: «Гарви Бёрч многие годы верно и бескорыстно служил своей родине. Если люди не воздадут ему по заслугам, да наградит его господь! Джордж Вашингтон».

Интересно отметить, что собственно шпионская деятельность Гарви Бёрча осталась за рамками романа. Он многое видит, многое слышит, многое знает и о передвижениях английских войск, и о намерениях их командующих. Но автор ничего не рассказывает о том, где и как он собирает свои сведения, где и как передает их людям Вашингтона. Читатели знакомятся с внешней, легальной стороной его полной опасности деятельности, но его истинная работа – кропотливая, тяжелая, опасная работа военного разведчика – остается скрытой от читателей романа, как она была скрытой и от современников героя. Истинная роль Гарви Бёрча раскрывается только в самом конце повествования.

Купер сумел создать роман о шпионе – увлекательное авантюрное произведение, так ничего и не рассказав о профессиональном мастерстве главного героя. Перед читателями предстает образ мужественного, отважного, бескорыстного человека, отдающего всего себя ради достижения независимости своей родины. Гарви Бёрч – истинный патриот своей страны, ради которой он жертвует и своим благополучием и самой жизнью. Не случайно Купер утверждал, что главной темой своего романа он «выбрал патриотизм».

Американская критика сразу же откликнулась на роман. Первый отзыв появился в февральском номере за 1822 год филадельфийского литературного ежемесячника «Портфолио».

Вторая статья была напечатана в мае 1822 года в балтиморском «Еженедельном журнале Найлса». Автор этой статьи прямо утверждал, что своим романом Купер дает ответ на сакраментальный вопрос Сиднея Смита: «Кто когда-либо читал американскую книгу?» – и с гордостью отмечал, что за шесть месяцев «Шпион» выдержал в США три издания.

Наиболее обстоятельный разбор романа был сделан в обширной статье Вильяма Говарда Гардинера в июльском «Северо-американском обозрении». Следуя принятой в те времена традиции, Гардинер использовал издание «Шпиона» как повод для анализа более общей проблемы: достаточно ли богатая американская история и американская культура, чтобы, основываясь на них, можно было создать исторический роман?

На этот вопрос Гардинер дает утвердительный ответ: «Американская революция – превосходный базис, на котором могут вырасти прекрасные романтические истории… Мы должны поблагодарить нашего автора за то, что он продемонстрировал, к нашему удовлетворению, что американская революция дала замечательную тему для романтической истории… «Шпион, или Повесть о нейтральной территории» – создание не ординарного ума… Его автор заслуживает величайшей похвалы, и мы посмеем добавить, будущей славы за то, что он проложил новый путь, открыл поле неисчерпаемого богатства – одним словом, заложил фундамент американского романа и фактически является первым, кто заслужил титул выдающегося американского романиста».

Успех романа был настолько громким, что уже через два месяца после его выхода в Нью-Йорке он был издан в Англии. Затем последовали переводы на французский, испанский, немецкий, итальянский и другие европейские языки. С французского роман был переведен на русский и вышел в свет в Москве в 1825 году. Но, пожалуй, главная заслуга Купера все же не столько в том, что американский роман благодаря ему получил широкое мировое признание, сколько в том, что он, по словам известного чарльстонского писателя Вильяма Гилмора Симмса, «…раскрыл глаза нашего народа на его собственные возможности, …помог ему осознать его умственные способности».

Публикацией «Шпиона» американская нация ответила всем тем скептикам за океаном, которые вслед за Сиднеем Смитом твердили, что подлинно американской книги не существует в природе. Стало ясно, что периоду интеллектуальной зависимости от Великобритании приходит конец. Новый роман поставил никому до этого не известного американца Джеймса Купера вровень со знаменитым создателем исторического романа англичанином Вальтером Скоттом.

Новый роман Купера имел подлинно историческое значение для формирования и утверждения американского национально-патриотического самосознания, доказав, что на материале американской буржуазной революции можно создать оригинальное произведение, которое встало в один ряд с наиболее выдающимися образцами мирового исторического романа. «Появление «Шпиона» стало событием, – отмечал Вильям Гилмор Симмс. – Это было самой смелой и лучшей попыткой создать американский исторический роман».

История американской литературы и американского исторического романа, в частности, почти за 170 лет после опубликования «Шпиона» подтверждает, что роман Купера сыграл первостепенную роль в деле становления американского романа. Гарви Бёрч занял почетное место среди немногочисленных героев исторических романов, получивших мировое признание.

Было бы наивным полагать, что после публикации «Шпиона» американская литература сразу же, словно по мановению волшебной палочки, откажется от подражательства, сбросит с себя сети английского влияния и превратится в подлинную национальную американскую литературу. «Мы пользуемся языком Англии и с этим речевым потоком впитываем и влияние ее идей, хотя во многих отношениях они чужды нам и даже губительны для нашего организма» – так характеризовала сложившееся положение вещей в 1844 году известная американская писательница Маргарет Фуллер.

Стоит ли после этого удивляться, что лондонский «Новый ежемесячник» в 1827 году утверждал, что «говорить о литературе Америки – это значит вести речь о чем-то, что просто не существует». Английский журнал «Атениум» через два года писал: «Мы просто не верим, что Америка имеет свою литературу; мы не видим, чтобы в ней существовали даже зачатки таковой, и мы не верим, что она сможет иметь свою собственную литературу до тех пор, пока она фундаментально не изменит свои общественные институты».

Но вернемся к роману Купера. Он пользовался необычайным по тем временам успехом. Литератор Чарльз П. Клинч создал по роману пьесу, которая несколько лет с успехом шла в Нью-Йорке. Роман Купера читали вечерами вслух для всей семьи, его обсуждали дома и в гостях, делились своими впечатлениями в письмах. Писатель Вашингтон Ирвинг писал из Лондона нью-йоркскому издателю Чарльзу Уайтли: «Прочел роман с огромным интересом. Думаю, что он будет пользоваться успехом по обе стороны океана».

Известный литератор Ричард Генри Дана, один из

основателей и редакторов журнала «Северо-американское обозрение», после прочтения романа написал Куперу восторженное письмо, хотя он и не был лично знаком с автором «Шпиона». «Вы делаете для нас то, что Скотт и мисс Эджуорт делают для их родины, – писал Дана. – Вы живете весьма близко от тех времен, которые описываете, знаете лично людей, которые были актерами на сцене истории или простыми свидетелями ее. И из того, что осталось от этих дней, вы сумели воссоздать их атмосферу. Ваши труды впечатляют нас всей искренностью описываемой реальной действительности. Созидательная сила вашего ума, кажется, преподносит нам истинную правду, приукрашенную или приглушенную атмосферой того времени… Мысли и движения души, которые вы подарили миру, будут будоражить своим светом и таинственным значением толпы живых, озабоченных людей и тогда, когда уже нельзя будет разобрать ваше имя на вашем могильном камне».

Журнал «Портфолио» напечатал отрывок из письма Марии Эджуорт своим американским знакомым. «Спасибо за присылку «Шпиона»… Мы читали его вслух всей семьей… Мы находим роман крайне интересным, особенно что касается описания манер и состояния общества, которое внове для нас. Но независимо от этой сугубо американской ценности книги мы считаем, что это – творение большого гения».

Широкая популярность романа подогревала интерес читающей публики к фигуре его главного героя. Знакомые и незнакомые донимали Купера вопросами о том, кто именно послужил прототипом образа Гарви Бёрча. Купер неизменно отвечал, что человек, поведавший ему эту историю (он никогда не ссылался на Джона Джея), не сообщил ему подлинного имени своего агента, и поэтому он ничего достоверного на этот счет сказать не может.

Публику, конечно, такие ответы не удовлетворяли, и она сама пыталась докопаться до истины. Различные догадки и домыслы всплывали на протяжении нескольких лет. Но вот в 1827 году в Нью-Йорке произошло событие, которое, как казалось многим, наконец-то приоткрыло завесу над этой тайной.

В нью-йоркском городском суде рассматривалось дело о наследстве, и в качестве свидетеля в суд был приглашен семидесятилетний фермер Инок Кросби из селения Кармел в штате Нью-Йорк. Около здания городской мэрии, в котором происходило судебное заседание, его узнал один известный в городе гражданин. Он сказал Кросби, что полагал, что тот давно уже нашел свою смерть на поле битвы. Войдя вместе с Кросби в зал заседания суда, он во всеуслышание объявил, что перед

собравшимися находится не кто иной, как «подлинный Гарви Бёрч из романа Купера». Все происшедшее нашло широкое освещение на страницах нью-йоркских газет.

Через несколько дней Кросби был приглашен в театр Лафайетта, в котором шла постановка «Шпиона», и представлен публике как «настоящий шпион из романа». Собравшиеся зрители устроили ему бурную овацию. Вернувшись на свою ферму, Кросби отправил в газету «Джорнел оф коммерс» письмо, которое и было напечатано 21 декабря 1827 года. «С моей стороны было бы ненужной сдержанностью, если бы я не выразил мою признательность гражданам Нью-Йорка за их внимание, оказанное мне во время последнего посещения города. И особенно благодарю руководство театра, пригласившего меня на представление спектакля под названием «Шпион». Представление доставило мне истинное удовольствие».

Как видим, Кросби в письме в газету никак не связывал себя с героем романа и пьесы. Купер в то время жил в Европе и никак не реагировал па сообщения нью-йоркских газет о И. Кросби. В 1828 году в Нью-Йорке вышла небольшая книга некоего Г.Л. Барнума, озаглавленная «Шпион без маски, или Мемуары Инока Кросби, он же Гарви Бёрч, герой Повести о нейтральной территории г-на Купера. Подлинное описание секретных поручений, которые он выполнял для своей страны в годы революционной войны. Рассказано им самим со множеством интересных фактов и эпизодов, никогда раньше не публиковавшихся». Книга содержала посвящение Джеймсу Ф. Куперу, эсквайру, чье «перо первым обессмертило предмет этих мемуаров».

В 1831 году эта книга вышла вторым изданием и привлекла внимание Купера. В одном из своих писем из Парижа он писал в марте: «В Америке появился наглый негодяй, утверждающий, что он-то и является прототипом моего шпиона. Он даже написал книгу, чтобы подтвердить свои претензии. Я никогда раньше не слышал о нем, пока не увидел рекламу его книги. И я не прочь воспользоваться возможностью, чтобы рассказать, что послужило толчком к созданию образа моего героя. Но интересуют ли публику такие вещи?»

В марте 1849 года Купер написал для нового издания «Шпиона» предисловие, в котором рассказал о своих встречах и беседах с мистером X (так он называет Джона Джея) и еще раз подтвердил, что ничего нового о сходстве своего героя с тем или иным реально существовавшим лицом он сообщить не может. В августе 1850 года он последний раз возвратился к этой теме в одном из своих писем. «Никогда не видя публикации г-на Барнума, па которую вы ссылаетесь, я не могу высказать своего

мнения о ее правдивости. Мне ничего не известно о человеке по имени Инок Кросби. Я никогда вообще не слышал его имени, пока по возвращении из Европы не увидел его в сочетании с именем героя «Шпиона». История этой книги изложена в предисловии к последнему изданию».

Американские историки подтверждают, что Инок Кросби действительно был одним из тайных агентов Джона Джея. Однако современный американский исследователь жизни и творчества писателя Джеймс Франклин Бирд придерживается того мнения, что претензии Кросби на сходство с Гарви Бёрчем не имеют под собой никакой почвы.

Глава 3
НАТТИ БАМПО – КОЖАНЫЙ ЧУЛОК

После выпавшего на долю «Шпиона» всеобщего успеха Купер решает всерьез заняться литературой и намеревается перебраться с семьей в Нью-Йорк, чтобы быть поближе к своим издателям. Вспыхнувшая летом 1822 года в городе эпидемия желтой лихорадки задержала этот переезд, и Куперы обосновались в удобном нанятом доме только осенью. По улицам Нью-Йорка еще свободно разгуливали свиньи, но этот быстро растущий город уже не без оснований претендовал на роль национального и даже международного центра. Совсем недавно, когда Джордж Вашингтон прибыл в город, чтобы вступить в должность первого президента США, в Нью-Йорке насчитывалось менее 30 тысяч жителей, в том числе примерно 2 тысячи рабов. По переписи 1820 года население уже превысило 123 тысячи человек. Нью-Йоркский порт соперничал с бостонским, в городе успешно развивалась промышленность и торговля, здесь издавалось несколько газет и журналов. Конечно, литературным и интеллектуальным центром страны по-прежнему оставался консервативный Бостон, но уже сам факт, что в Нью-Йорке поселился первый романист Америки, привлекал к городу взоры читателей всей страны.

Купер любил Нью-Йорк, он называл его «прекрасным, огромным и великодушным» городом. Он теперь был не только своим человеком в среде нью-йоркских интеллектуалов, но и центром небольшого кружка литераторов, регулярно собиравшихся в задней комнате известного в городе книжного магазина Чарльза Уайли. Купер охотно принимал участие в городских общественных мероприятиях, будь то выставка картин, скачки лошадей или торжественная встреча приехавшего из Франции генерала Лафайета. Его репортажи об этих городских событиях печатались на страницах местных газет «Пэтриот» и «Нью-Йорк Америкен». «Он излучал такую свежую надежду, такой мощный порыв и особенно такой чисто американский энтузиазм, который свидетельствовал не только о личной славе, но и о национальной чести» – так характеризовал Купера этого периода один из его знакомых.

Но за этой блестящей внешней стороной жизни ставшего известным писателя скрывалась другая – преисполненная тревог и неустроенности. К этому времени полученное после смерти отца наследство было израсходовано. Отцовские земли сначала были заложены и перезаложены, а затем резко упали в цене и

были распроданы за бесценок для уплаты долгов.

Занятия литературой пока что не приносили серьезных доходов. Долги росли, кредиторы не унимались. Дело дошло до того, что осенью 1823 года нью-йоркский шериф описал за долги все домашнее имущество Куперов, и только благодаря счастливой случайности оно не было продано с молотка. Несколько лет все доходы Купера уходили на оплату долгов. Он хотел уехать в Европу, но об этом нечего было и думать, пока не рассчитается с долгами. Тем не менее он, жена и дети начинают изучать французский язык.

Финансовое положение писателя не могли поправить и европейские издания его книг, так как издатели в Европе не были связаны юридическими договорами со своими американскими коллегами. Требовалось сначала издать книги в Англии, а затем уже в Америке, где его права как американского гражданина охранялись законом. Но сделать это можно было лишь при условии, что сам он также будет проживать в Европе.

Все эти проблемы, усугублявшиеся затянувшейся ссорой с тестем, очень беспокоили Купера. Он становился раздражительным, его мучили головные боли, находили приступы меланхолии. И тем не менее он продолжал работать над новой книгой. Как известно, одна ласточка весны не делает. Так и появление первого типично американского романа Купера, несмотря на его успех, не привело к тому, чтобы другие американские писатели сразу же стали писать на сугубо американские темы на американских же материалах. Известный американский историк Генри Кэбот Лодж (1850–1924) отмечал в 1884 году в статье «Колониализм в Америке», что в первой четверти XIX века «…Первым шагом американца, вступающего на стезю литературы, было притвориться англичанином для того, чтобы получить одобрение – нет, не англичан, – своих собственных соотечественников».

Но Купер и свой новый роман создавал на типично американском материале, и в центре его были типично американские герои. Действие его нового романа происходило «в самом сердце штата Нью-Йорк», в обширном краю, «…где высокие холмы чередуются с широкими оврагами, или, как чаще пишут в географических книгах, где горы чередуются с долинами». Роман получил название «Пионеры, или У истоков Сасквеханны».

«Я объявил эту работу как «описательную историю», – сообщает Купер 29 ноября 1822 года своему английскому издателю Джону Муррею, – но, вероятно, слишком сильно ограничил себя рамками того, что я наблюдал в юности. Я понимаю, что нынешний вкус предпочитает действие и сильные

переживания, и поэтому должен признать, что в этом смысле два первых тома явно страдают. Я все же надеюсь, что третий том как-то исправит положение. Если правда все еще чего-то стоит, то описанные мною картины точно соответствуют действительности, и я спокойно встречу самых придирчивых исследователей. Но оставим окончательное решение за читающей публикой, я верю, что она ошибается крайне редко».

В феврале 1823 года «Пионеры, или У истоков Сасквеханны» почти одновременно появились на книжных рынках Америки и Англии. Успех романа превзошел даже самые смелые ожидания. В США весь первый тираж – 3500 экземпляров – был распродан до полудня в первый день издания. «Это действительно что-то новое для Соединенных Штатов», – отмечала в этой связи «Найлс уикли реджистер». Американские исследователи творчества Купера предполагают, что такой ажиотаж был вызван публикацией в газетах накануне выхода отрывка из романа, содержащего сцену спасения героини от пантеры. Газеты продолжали публиковать отрывки из книги и после ее выхода и прекратили их печатать только по требованию издателя.

Как и в предыдущей книге писателя, уже самим названием романа Купер довольно точно определял и характер его действующих лиц и место действия. Пионерами в Соединенных Штатах Америки издавна называли первых поселенцев в новых районах, первооткрывателей новых земель. Действие романа происходит у истоков реки Сасквеханны, там, где она вытекает из южной части озера Отсего, то есть в местах, хорошо знакомых Куперу. Здесь стоял отчий дом, здесь прошло его детство, здесь он научился читать и писать, познал первые радости жизни. Здесь же прошли его первые годы после женитьбы. Здесь жили многие его друзья и приятели.

Конечно, все это не могло не наложить свой отпечаток на роман, тем более что описанные в нем события относятся к годам раннего детства писателя. Английский литературовед Джеймс Гроссман заметил в этой связи: «По своему настроению роман представляет собой умудренную опытом пастораль, в которой легкая насмешка над описываемым сочетается с любованием. А описание картин общего труда поселенцев отмечено не только сентиментальностью, но и хорошей долей скептицизма».

В письме английскому издателю книги Купер, как мы знаем, подчеркивал правдивость и достоверность описанных в ней событий. «Эта непреклонная приверженность к правде, – писал он в предисловии к одному из более поздних изданий романа, – необходимая часть книг об истории и о путешествиях, но она разрушает очарование искусства, ибо художественное

воссоздание действительности гораздо полнее достигается изображением героев в соответствии с их общественным положением и их поступками, нежели самой тщательной приверженностью к первоисточникам».

Роман имеет подзаголовок – «Описательная история», и многие американские читателя до сих пор воспринимают этот подзаголовок буквально, полагая, что Купер описал в романе реальных людей. Утверждают, что прототипами судьи Мармадьюка Темпла и его дочери Элизабет явились не кто иной, как отец писателя судья Вильям Купер и сестра писателя Ханна. И многие действующие лица романа также якобы имели своих прототипов в реальной жизни. По мнению некоторых американских историков, это относится к Оливеру Эдвардсу – Эффингему, к шерифу Ричарду Джонсу, и к добряку слуге Бенджамену. Но, как говорила дочь писателя, сходство действующих лиц романа с реально жившими людьми было чисто общим: «В романе были представлены группы людей, а не отдельные индивидуумы».

Купер действительно писал свою книгу не как историческое произведение в строгом понимании этого жанра: он не изображал реальных лиц, не описывал существующих городов и селений. Как романиста его интересовали прежде всего человеческие взаимоотношения, он считал, что писатель – это тот, «кто вникает в заботы и страдания простых людей, чей гений снисходит до людей низких доходов, кто следует за господом богом, когда он поучает бесчувственных и жестоких, объясняя им, как глубоки наносимые ими раны и какое ужасное возмездие они могут накликать».

В мае 1822 года, то есть как раз в то время, когда Купер работал над «Пионерами», в ежеквартальном журнале «Литерари энд сайентифик репозитери энд критикел ревью» («Литературный научный сборник и критическое обозрение») были опубликованы его рецензии на «Брейсбридж холл» Вашингтона Ирвинга и «Случай в Новой Англии» Катерины М. Сэджвик. В этих статьях Купер дает несколько советов писателям, желающим создать подлинно американские произведения. Он считал, что им следует избегать таких тем, как политика, религия, проблемы образования, а нужно сосредоточиться на «наших местных нравах, социальном и моральном влиянии, оказываемом опосредованно, на общих взаимоотношениях и на тех местных особенностях, которые-то и образуют наши отличительные черты среди людей земли». И далее он отмечал, что подобные темы «весьма редко наблюдаются в нашей литературе».

Интересная проза, продолжал он, каким бы парадоксальным

ни показалось это утверждение, обращается к нашей любви к правде, но не к той простой любви к фактам, выраженной в подлинных именах и датах, а к любви высшей правды, продиктованной природой и принципами, которая и составляет первозданный закон человеческого ума… Хороший роман прежде всего адресуется к нашим моральным устоям, – к нашей совести, а также к тем добрым чувствам и добрым принципам, которые провидение заронило в нас, постоянно напоминая нам о том, что «все мы имеем одно человеческое сердце».

И, задумав роман о днях своего детства – действие «Пионеров» происходит в 1793–1794 годах, то есть когда будущему писателю было 4–5 лет, – Купер избрал местом действия дорогие его сердцу места и изобразил в романе хорошо знакомые ему человеческие типы. Однако он не стремился дать точное описание реально существующего селения и его жителей. «Хотя район Куперстауна описан в сценах «Пионеров», само селение – нет. Это же в общем относится и к действующим лицам, хотя, подталкиваемый воспоминаниями, автор нанес и здесь и там несколько мазков, которые заставляют многих думать, что он намеревался сделать в этом направлении больше, чем это было в действительности… Семья и личная история Мармадьюка Темпла ни в какой мере – в прямом смысле – не похожа на моего отца… В Куперстауне никогда не было ни одного дома подобного описанному в «Пионерах».

Известный исследователь жизни и творчества Купера профессор Джеймс Франклин Бирд отмечает в одном из своих исследований, что первые рецензенты «Пионеров» и друзья писателя, которые лично знали покойных отца и сестру Купера, никогда не связывали героев романа с этими хорошо знакомыми им реальными людьми. Ссылки на схожесть действующих в романе лиц с родственниками писателя стали особенно частыми в 30-е годы. Купер вынужден был опубликовать специальное опровержение подобных утверждений, содержащихся в вышедшей в 1839 году в Нью-Йорке книге его приятеля, английского актера Чарльза А. Муррея «Путешествия по Северной Америке в годы 1834, 1835 и 1836».

Следуя установленным для себя правилам, Купер изобразил в романе типичные обстоятельства жизни во вновь заселенных районах Америки в конце XVIII века. При этом он использовал не только личные наблюдения, но и имеющиеся исторические труды. В одном из писем 1842 года Купер отмечал, что при разработке сюжета «Пионеров» ему большую помощь оказал труд историка Роберта Прауда «История Пенсильвании в Северной Америке, со времени официального провозглашения и заселения этой

провинции при первом владельце и губернаторе Уильяме Пенне в 1681 году и до периода после 1742 года», изданный в Филадельфии в 1797 году. Именно из труда Прауда почерпнул писатель саму идею взаимоотношений между семействами Эффингемов и Темплов, когда наследство одного в силу обстоятельств оказывается в руках другого.

Как известно из романа, Мармадьюк Темпл никак не злоупотребил оказанным ему полковником Эффингемом доверием. Однако в жизни было немало случаев, когда подобным доверием злоупотребляли и тем самым лишали законных наследников причитающейся им доли наследства. Имели место и случаи, когда наследники возбуждали судебные иски с требованием восстановить наследство безо всяких на то законных оснований, а только на основе слухов и сомнительных документов.

Последний пример был слишком хорошо знаком Куперу. После смерти отца ему, как и другим пяти детям судьи, в наследство досталось 50 тысяч долларов наличными деньгами и значительные наделы земли. Отметим, что вся земельная собственность покойного судьи оценивалась примерно в полмиллиона долларов. В свое время судья вместе с компаньоном Эндрю Крейгом приобрел права на 20 тысяч акров земли из наследства полковника Джорджа Крогхана. Наследники Крогхана в разное время поднимали вопрос о законности сделки и намеревались подать дело в суд. Купер знал об этом, однако в распоряжении его семьи находились подлинные документы состоявшейся сделки, и поэтому он не боялся угроз.

Интересно, что наследники Крогхана уже в наше время снова подымали вопрос о законности той давней сделки. Некий Альберт Т. Волвайлер издал в 1926 году книгу «Джордж Крогхан и движение на Запад, 1741–1782», в которой, основываясь на заявлениях наследников полковника, ставил под сомнение правомочность договора между Купером-Крейгом и Крогханом. В 1931 году покойный ныне праправнук писателя, также Джеймс Фенимор Купер, в статье в журнале исторической ассоциации штата Нью-Йорк на основе сохранившихся подлинных документов доказал всю абсурдность обвинений своего далекого предка в нечестности.

Некоторые историки американской литературы утверждают, что Куперу было известно, что наследники Крогхана ставят под сомнение законность продажи земель их предка, это якобы и послужило материалом для описания всей запутанной истории взаимоотношений между семьями Темплов и Эффингемов. Трудно оспаривать подобное утверждение, однако из

свидетельств американских историков совершенно ясно, что ситуации, подобные той, что сложилась между судьей Темплом и сыном его бывшего партнера, были довольно частыми в те времена среди более-менее состоятельных людей, и Купер ничуть не погрешил против истины, когда изобразил подобную ситуацию в романе.

Действующие лица в романе легко делятся на две основные группы. С одной стороны – судья Мармадьюк Темпл, богатый владелец обширных земель, и другие новые поселенцы, опьяненные доставшейся им свободой и силой, заносчивые и самонадеянные. С другой стороны – троица тех, кого общество всего лишило. Индеец Джон Могиканин или Чингачгук, чье племя когда-то владело всеми этими земельными угодьями. Охотник Натти Бампо, который пришел в эти края раньше судьи и чьи охотничьи права нынче ограничены законом. И Оливер Эффингем, молодой незнакомец, ошибочно считающий, что именно судья лишил его законного наследства.

Сложные и подчас противоречивые взаимоотношения между этими двумя группами людей и составляют собственно канву романа и раскрывают перед читателями картину нравов американской глубинки в описываемый период. Перед нами одно из первых действий огромной и тяжелой многоактной драмы, которая значительно позднее получила название «Как был завоеван Запад».

Со страниц романа «Пионеры» перед читателями впервые предстал первопроходец, следопыт и охотник Натти Бампо, известный также под именами Кожаный Чулок, Длинный Карабин, Соколиный Глаз. Этот задиристый, грубоватый, словоохотливый семидесятилетний охотник доживает свой век на берегу озера Отсего, в черте владений местного судьи Мармадьюка Темпла. Романтическая история любви дочери судьи Элизабет и Оливера Эдвардса, юного сподвижника Кожаного Чулка, оказавшегося сыном полковника английской армии Эффингема, старого друга судьи, рассказана Купером не только с мастерским проникновением в подлинную жизнь отдаленного уголка страны, но и с точным ощущением тех реальных проблем, которые в то время волновали многих американцев. Американские литературоведы отмечали, что при работе над романом на помощь писателю «пришли патриотизм, мастерство изображения и знание человеческих характеров…», что в этом его романе «реализм видения» сопрягается с «романтическим повествованием».

Если «Шпион» был романом историческим в полном смысле этого понятия, то «Пионеры» стали романом современным, даже

злободневным, ибо в нем поднимались весьма реальные для Америки тех лет проблемы – наследования земельных поместий, покорения новых земель, отношения нового поколения к тем, кто с топором и ружьем в руках прокладывал первые тропы и основывал первые поселки в еще недавно девственных лесах.

Как уже отмечалось, Купер хорошо знал людей и места, которые он описывал в новом романе. Однако американские литературоведы утверждают, что у Натти Бампо, ставшего впоследствии главным героем серии романов о Кожаном Чулке, не существовало реального прототипа. Натти Бампо – это обобщенный образ охотника и зверолова, не принимающего и не понимающего «наступления прогресса» и уходящего под его напором в глубь страны. Современные американские критики отмечали в связи с изданием в 1986 году серии романов о Кожаном Чулке, что Натти Бампо «демонстрирует ясность ума и моральную уверенность, которые достигаются только благодаря подлинной близости к природе».

Натти, наблюдая жизнь новых поселенцев, не может понять многое. Зачем, например, они жгут в очагах кленовые деревья, из сока которых производится сахар? Какой смысл в истреблении тысяч голубей? Зачем сетями вытаскивают из озера Отсего сотни фунтов нежнейшей рыбы, тем самым опустошая озеро? Эти «расточительные привычки» непонятны старому охотнику, привыкшему довольствоваться немногим и в то же время болеющему за сохранение девственной природы, понимающему и ее красоту и ее полезность для человека. Он возмущается происходящим вокруг него и в глубине души презирает всех этих людей, которые в погоне за благополучием слепо уничтожают природу, которая обеспечивает им комфортабельное существование. Но один он ничего сделать не может, кроме как с горечью заметить; «Насколько я понимаю, сила всегда права – и здесь, п на старых местах». И поэтому он стремится дальше на Запад, в новые места, туда, где еще не ступала нога человека.

Тем более что в Темплтоне его уже ничего не держит: уснул последним сном верный друг Чингачгук; нашел свое счастье и состояние Оливер, женившийся на дочери судьи Элизабет. И Натти отправляется в дальнейший путь, фактически прокладывая дорогу на Запад тем завоевателям новых земель, от кого он бежит.

Образ Натти – далеко не главный в романе. Но он привлек внимание и читателей, и критиков. Его сравнивали с известным покорителем новых земель Даниэлем Буном. Нашлись и настоящие охотники, которые заявляли, что Натти списан с них. Два старых охотника братья Натаниэль и Давид Шипманы, один

из которых жил неподалеку от Куперстауна и которого Купер знал лично, заявляли, что именно они послужили прообразом Натти. Но писатель категорически отрицал это, подчеркивая, что образ Натти, как и все другие в романе, собирательный, типичный для определенной группы людей.

Американские литературоведы обращают внимание на противоречие, характерное для ранних произведений Купера. С одной стороны, его привлекало создание таких вымышленных образов, как Гарви Бёрч и Натти Бампо, а с другой стороны – верность жизненной правде и просто литературная добросовестность толкали к реалистическому описанию жизни землевладельцев Уортонов или судьи Мармадьюка Темпла. Но, как понимает сегодняшний читатель, настоящего противоречия здесь никогда не было. Ибо и Гарви Бёрч, и Натти Бампо при всей своей романтической сущности остаются реалистическими образами, представляющими определенных, реально существующих людей. И изображены они настолько реально, что многие годы не прекращался спор о том, кто из действительно существовавших людей является прототипом этих типично литературных героев.

На страницах «Пионеров» впервые появляется спившийся старый индеец Джон Могиканин, настоящее имя которого Чингачгук. Вместе со своим другом Кожаным Чулком он горюет о безвозвратно ушедших в прошлое временах, когда они вели жизнь свободных охотников на свободных землях. Образ Чингачгука – также полностью литературное творение писателя. Купер в детстве и ранней юности встречался в Куперстауне с индейцами, многие из них охотились в окрестных лесах, ловили рыбу в озере Отсего. Но у них не было своих поселений в окрестностях Куперстауна, они приходили и снова уходили в те места, где находились могилы их предков.

Когда Куперу было пять лет, в Куперстауне случилась последняя «индейская тревога». В окрестностях поселка была замечена большая группа индейцев, скрытно передвигавшаяся в неизвестном направлении. Куперстаун был приведен в боевое положение: окна и двери домов забаррикадированы, охотничьи ружья и старинные пистолеты заряжены. В напряженном ожидании прошел вечер и добрая часть ночи. Посреди ночи в поселке послышался топот лошадей и раздались выстрелы. Обеспокоенные жители с оружием в руках выбежали на улицы. Оказалось, что в поселок вернулась группа конных шерифов, выезжавшая в погоню за фальшивомонетчиками. Радость возвращения они отметили пистолетными выстрелами в воздух.

Помнил Купер и одинокого индейца, который многие годы

доставлял к столу судьи свежую дичь и рыбу. На этом его личное знакомство с индейцами и заканчивалось. Поэтому он серьезно изучил все труды об индейцах и их судьбе в Соединенных Штатах.

Сам Купер не только доброжелательно относился к индейцам, но и старался по мере сил помогать им. В 1851 году индейский вождь Копуэй, принявший методистскую религию и ставший миссионером, решил издавать журнал, посвященный индейцам. Купер заинтересованно отнесся к этому начинанию. «Люди с красной кожей имеют все права, чтобы их интересы защищались, и я надеюсь, что вы сможете много сделать для их пользы», – писал он Копуэю 17 июня 1851 года.

Копуэй высоко ценил творчество Купера. «Изо всех писателей нашей любимой родины вы больше всех других по достоинству оценили попираемую расу, – сообщал писателю Копуэй. – В ваших книгах в истинном свете показаны благородные черты характера индейцев. В моих путешествиях по Англии, Шотландии, Франции и другим европейским странам меня часто спрашивали: «Правдиво ли изображает г-н Купер американских индейцев?» И я всегда с большим удовольствием отвечал одним словом: «Да!»

Чингачгук погибает во время лесного пожара, когда Натти вторично спасает от гибели дочь судьи Элизабет, на этот раз от огня.

Уже первая серьезная рецензия на роман, опубликованная в марте 1823 года в журнале «Портфолио», отмечала, что действие в романе происходит в «селении на границе продвижения европейцев, с обычными персонажами, которые предпочли примитивное существование цивилизованным жилищам», «сюжет романа глубоко связан с рождением новой нации». Вместе с тем рецензент подчеркивал, что «…Роман может быть поистине причислен к историческим. Ибо историк редко когда сумеет найти более точное и яркое описание первых поселений среди девственных лесов».

Рецензент приходил к выводу, что «сюжет романа… описан пером очевидца, которым водила рука подлинного мастера».

Хотя весьма престижное «Нортх Американ ревью» и основные английские ежеквартальные литературные журналы не откликнулись на роман в год его издания, ни один американский роман до этого, не исключая н «Шпиона», не имел такой благоприятной прессы, как «Пионеры». Спрос на роман был так велик, что газеты считали своим долгом сообщать, когда пачки с книгами прибудут в их город. Филадельфия – 3 февраля 1823 года, Балтимор – 5 февраля, Вашингтон и Бостон – 7 февраля, и так далее.

Известно, что роман задержался выпуском частично из-за

эпидемии желтой лихорадки, охватившей Нью-Йорк весной и летом 1822 года, а частично из-за неблагоприятных обстоятельств в жизни писателя. 22 июня 1822 года возвратилось в Нью-Йорк принадлежащее Куперу китобойное судно с 16 532 галлонами китового жира на борту. Необходимо было немедленно продать груз и само судно, содержать которое дальше Купер был не в состоянии. Дебиторы предъявляли судебные иски. Все это требовало личного участия Купера, отрывало его от работы над романом.

А писатель спешил закончить «Пионеров», боялся, что читатели могут забыть его имя. Старый друг Джекоб Сазерленд, которому Купер посвятил «Пионеров», зная об опасениях писателя, успокаивал его 15 марта 1822 года: «Вы настолько прочно вошли в сознание публики, что можете потратить необходимое время на написание следующего произведения без боязни, что публика вас забудет».

Читающую публику между тем беспокоило, где же давно обещанный новый роман Купера. Так, недавний выпускник Гарвардского университета Ральф Уальдо Эмерсон писал 12 ноября 1822 года своему соученику Джону Бойнтону Хиллу: «Так как Скотт двумя своими последними трудами не повторил своих собственных успехов, наш молодой романист еще более вырос в своем значении. Надеюсь ты знаешь, что «Шпион» переведен на французский и пользуется популярностью в Париже. Но о втором его детище – «У истоков Сасквеханны» – я ничего не слышу. В чем причина?»

Другой читатель из города Чарльстона (штат Южная Каролина), по прочтении романа 20 февраля 1823 года прислал его издателю Чарльзу Уайли следующее письмо: «Мои глаза на мокром месте, но я все же могу обратиться к вам с просьбой передать автору «Пионеров» мою сердечную благодарность за то удовольствие, которое он мне доставил. Эта книга – величайшая литературная честь, оказанная нашей стране». Автор письма подписался весьма своеобразно: «Любитель каждого гвоздя, вколоченного в храм славы Америки».

Действительно, своим новым романом Купер способствовал становлению и возвышению американской литературы и американской нации. Но если отдельные читатели романа полностью отдавали себе в этом отчет, то, как свидетельствует знаток этого периода профессор Джеймс Ф. Виру, «Американская критика не была подготовлена к тому, чтобы по достоинству рассмотреть такое комплексное произведение, как «Пионеры».

На первый взгляд может показаться, что «Пионеры» не были обделены вниманием американских критиков. Уже в год издания

на роман появилось около двадцати рецензий и откликов в самых различных газетах и журналах страны. Откликнулись на выход романа газеты Вашингтона, Балтиморы и Нью-Йорка, такие различные журналы, как упоминавшийся нами «Портфолио», «Нешенэл гэзетт энд литерари реджистер», и ряд других. И хотя, как отмечал рецензент «Юнайтед стейтс гэзетт», роман был встречен лишь немногими «диссонансными нотами», он, по мнению самого автора, «пользовался лишь умеренным успехом». Исследователи подтверждают эту несколько пессимистическую ноту Купера, приводя данные о ходе продажи романа. Если «Шпион» со дня публикации и до начала 1825 года выдержал три издания в США и два в Англии, то «Пионеры» в этот же период издавались в обеих странах по одному разу. Причем в Англии даже в июле 1826 года издатель имел еще несколько непроданных экземпляров первого издания «Пионеров».

Некто С. Б. Х. Джудах, редактор и автор пьес, опубликовал в 1823 году злобную и клеветническую стихотворную сатиру на Купера и его друзей в связи с выходом «Пионеров». Джудаха судили, признали виновным и присудили к штрафу и тюремному заключению. Но были и другие ничем не оправданные нападки на роман. Так, поэт Джеймс Гейтс Персиваль, которому Купер, кстати, оказывал содействие, писал о романе: «Я ничего не жду от тех, кто оказывает свое покровительство такой вульгарной книге, как «Пионеры». Мы легко отделались друг от друга. Они пренебрегают мной, а я презираю их».

И хотя оба этих отзыва принадлежали перу разочарованных в жизни и завистливых литераторов, не нашедших своего места в литературной среде, но претендующих на ничем не заслуженное внимание, они тем не менее отражали недовольство многих. Большая масса читателей, среди которых было немало людей литературного труда, не понимали новизны и глубины нового романа Купера. Охватывавшая страну погоня за богатством, стремление разбогатеть любыми способами накладывали свой отпечаток и на общественное мнение. Таким читателям были чужды благородные идеи романа, чистые стремления чудака Натти Бампо, и даже действия «земледельца-аристократа» Мармадьюка Темпла не находили у них ни отклика, ни одобрения. Они осуждали поднятый вокруг романа шум. Например, журнал «Минерва» опубликовал резко отрицательную рецензию на роман, в которой советовал писателю, если он снова возьмется за перо, пускать поменьше мыльных пузырей перед выходом книги – пусть она держится на плаву или тонет сама по себе. Не следует добиваться репутации через инспирированные высказывания газет».

И тем не менее, если в Европе описанные в романе сцены могли все же показаться игрой воображения, а действующие в них лица – продуктом неудержимой выдумки, то у мыслящих американцев не было ни малейшего сомнения в правдивости изображенных людей и событий. Они не раз бывали в описанном в романе поселке, купались в тех водах, по которым плыл в своем легком каноэ Джон Могиканин, наблюдали лесной пожар, подобный случившемуся в романе. «Пионеры», – отмечал в этой связи рецензент «Портфолио», – преподносят нам эти картины, изображенные с такой сочностью и яркостью, что читатель оказывается как бы в центре происходящего и лично знакомым с каждым действующим лицом».

Глубокое понимание человеческих характеров, умение правдиво изобразить их, мастерство в описании природы, чисто американский патриотизм, проявившиеся в «Шпионе», нашли свое дальнейшее развитие в новом романе Купера. Но самым крупным достижением писателя явилось создание образа старого охотника Натти Бампо – Кожаного Чулка, образа, который сделает имя писателя бессмертным. А ведь в «Пионерах» Натти отведена далеко не центральная роль, и героическая сущность его натуры становится ясной только к концу романа.

Ряд критиков отмечали истинное значение этого типично американского образа. Так, рецензент лондонского журнала «Ретроспектив ревью энд хисторикел энд антик-вариэн мэгезин» писал: «Натти проникает в наше воображение, подобно навязчивой аномалии, а покидает нас, словно мечта, удаляясь за уходящим солнцем, оставляя читателя своим другом навечно».

И тем не менее трагизм этого образа для многих оставался загадкой. Моральный кодекс Натти Бампо настолько не соответствовал укоренившимся обычаям и нравам средних американцев, что они воспринимали его как чистую выдумку автора. Конечно, передовые люди своего времени, такие, как известный философ и писатель Ральф Уальдо Эмерсон или литератор Ричард Г. Дана-младший, понимали и значение романа в целом для становления национального характера, и роль в этом образа Натти Бампо. К сожалению, ни тот, ни другой не высказали свои мысли публично в момент появления «Пионеров». Но вот что писал 2 апреля 1823 года поэт Ричард Г. Дана-старший в частном письме автору романа по поводу образа Натти:

«Величественный и возвышенный, как он изображен, – это ничуть не отступление от правды. Читаем о нем в книге, пронизанной вдохновением, смотрим на эту картину и представляем себя. Но, увы, слишком немногие ощущают это вдохновение – и даже то, что содержится в другой книге,

ниспосланной нам самим богом. Не получивший образования разум Натти, представший перед нами в выражениях, присущих низшим классам, в соединении с врожденным красноречием плюс его уединенная жизнь, его почтенный возраст, его простота в сочетании с деликатностью – все это создает благородное и весьма специфическое чувство восхищения, сожаления и беспокойства. Его образ создан на такой высокой ноте, что я опасался, сумеет ли эта нота быть выдержанной до конца. Но он растет в наших глазах до самой заключительной сцены, которая, вероятно, является самой лучшей, и уж, конечно, самой трогательной во всей книге. Один из моих друзей сказал об уходе Натти: «Как бы мне хотелось уйти вместе с ним».

Читатель может только догадываться, как и где провел свою юность и зрелые годы Натти. Он предстает перед нами на склоне лет, но все еще сохранивший детскую доверчивость, открытость, нежелание и неспособность понять всю глубину происходящих в жизни перемен. Душой и мыслями Натти принадлежит уходящему прошлому, но своей реальной жизнью, своими действиями он невольно прокладывает путь буржуазной цивилизации, которую сам он не может воспринять. Он – «один из первых среди тех пионеров, которые открывают в стране новые земли для своего народа». И тем величественнее и значимее становится этот простой человек. На эту особенность образа Натти указывал А.М. Горький: «Он всю жизнь бессознательно служил великому делу географического распространения материальной культуры в стране диких людей и оказался неспособным жить в условиях этой культуры, тропинки для которой он впервые открыл. Такова часто судьба многих пионеров-разведчиков, людей, которые, изучая жизнь, заходят глубже и дальше своих современников. И с этой точки зрения безграмотный Бампо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь».

Столкнувшись с реальностями цивилизации, на этот раз в виде «толстого кармана судьи Мармадьюка Темпла» да «кривых путей закона», потеряв своего последнего друга Чингачгука, Натти выбирает единственный приемлемый для себя путь – уход дальше на Запад. Его не прельщают ни удобства цивилизации – они органически чужды ему, ни предложения молодой четы Оливера и Элизабет провести остаток жизни безбедно вместе с ними. Но Натти, по его словам, рожден, чтобы «жить в лесной глуши».

Оливер и Элизабет от души сочувствуют обнищавшим и обездоленным могиканину и Кожаному Чулку, но не могут, не

способны понять ту высшую человечность, которая движет всеми поступками Натти. И он уходит на Запад, навстречу трудностям и невзгодам, которые, по его словам, и являются «самой большой радостью, какая еще осталась у меня в жизни».

В одной из своих статей Купер отмечал, что действующий писатель, чтобы «поддерживать свою репутацию», должен или «возделывать новое поле, или же собирать более богатый урожай со старого». Сам он все время переходил на новое поле и возделывал его так, что получаемый им урожай был намного богаче того, что собирали другие с уже освоенных полей. Это относилось к «Шпиону» и в полной мере относится и к «Пионерам», и к другим романам писателя, о которых мы будем говорить дальше.

Впоследствии, когда были созданы четыре других романа пенталогии о Кожаном Чулке, критики не раз задавались вопросом: почему Купер начал свою серию с конца. Одно из объяснений заключалось в том, что в этот период жители восточноамериканских штатов, избавившиеся от угрозы индейских племен и покончившие с переселенцами-скваттерами, испытывали ностальгию по уходящим временам и нуждались в произведениях, которые бы запечатлели это уходящее навсегда прошлое. Натти Бампо и Чингачгук и явились зримым воплощением этой тоски по тем не таким уж далеким дням, когда в цене были простые человеческие достоинства – смелость, самоотверженность, доброта, стремление прийти на помощь ближнему.

Купер сумел рассмотреть возможности, скрытые в этих двух простых представителях не такого уж отдаленного американского прошлого, и сделал их героями еще четырех своих романов. При этом с каждым новым романом, за исключением «Прерии», герои становились все моложе и уходили все дальше в глубь лет и лесов. Такой порядок написания романов дал повод небезызвестному литератору Д.Г. Лоуренсу – англичанину, долгие годы прожившему в Америке, – заявить, что серия романов о Кожаном Чулке в порядке их создания является «декрещендо реальности и крещендо красоты». Оставим это красивое музыкальное утверждение на совести маститого, но далеко не бесспорного критика. Отметим лишь, что в последующих по времени написания романах серии о Натти Бампо – Кожаном Чулке реальность ничуть не уменьшается. Каждый из них создан на почве реальных фактов, отражает реальные черты описываемого периода, а все вместе они воссоздают реальную картину целой эпохи американской истории.

Чарльз Уайли, нью-йоркский издатель книг Купера, в 1823

году испытывал финансовые трудности. Чтобы помочь ему, Купер написал два небольших рассказа, которые и были изданы под названием «Истории для пятнадцатилетних» под псевдонимом Джейн Морган. Истории эти – «Воображение» и «Сердце» – типичные высокоморальные сентиментальные рассказы в духе душещипательных историй модных английских писательниц. Оба рассказа выдержаны в традициях сентиментальной прозы и не делают чести перу такого неординарного писателя, каким к этому времени уже стал Купер.

Интересы Купера в этот период не ограничивались только литературным трудом. Он вместе с издателем Чарльзом Уйали и Чарльзом Гарднером участвовал в выпуске журнала «Литерари и сайентифик репозитери», пытаясь превратить его во влиятельное ежеквартальное издание. Много времени уделял он и ежедневной газете «Пэтриот», владельцем и редактором которой был Ч. Гарднер. Он часто встречается в книжном магазине Уайли с редакторами нью-йоркских газет, финансистами, адвокатами. Несколько раз ездит в Бостон навестить своего друга морского офицера Уильяма Брэнфорда Шубрика, с которым он подружился во время службы на корабле «Оса-18». С годами их дружба крепла. Купер всегда с интересом выслушивал рассказы Шубрика о последних событиях на флоте. Он ценил ум, чувство юмора и щедрость своего друга.

Глава 4
ПЕРВЫЙ МОРСКОЙ РОМАН

Замысел нового романа Купера возник совершенно случайно во время оживленного обмена мнениями с друзьями за обедом в Нью-Йорке. Темой беседы был новый роман Вальтера Скотта «Пират». Собравшиеся за столом удивлялись, как Вальтер Скотт, юрист и знаток рыцарской старины, поэт и исследователь нравов и обычаев северных народов, мог стать специалистом в области морского дела и создать на эту тему роман. Купер возражал, что в романе не чувствуется знания морского дела и что автор просто сумел создать иллюзию действительности настолько реальную, что читатели ей верят. Настоящий знаток моря и морского дела мог бы создать куда более интересный роман. Но большинство присутствующих не соглашались с Купером. Как может монотонная морская пучина, которая знает одно лишь движение – шторм, послужить местом действия романа? Разве образованные женщины станут читать роман, герои которого пропитаны потом и солью? Кому интересна тяжелая и однообразная, как само море, морская служба?

Чем больше возражений выслушивал Купер, тем сильнее он утверждался в мысли о том, что действие его следующего романа должно будет происходить на море. Такой поворот событий, конечно, не был случайным, он был предопределен собственным жизненным опытом писателя и его личными интересами. Купер провел на море годы ранней юности. Он любил и море, и моряков, хорошо знал и любил морскую службу, и оставил ее только под давлением своей будущей жены, которая не давала согласия на их брак, пока он не пообещал, что уйдет с флота. Можно лишь удивляться тому, что море и моряки не стали предметом романов Купера значительно раньше. Ведь в представлении писателя две стихии всегда были неразрывно связаны между собой – морская пучина и лесная глушь, водная гладь и чаща леса. Обе эти природные стихии являлись неизменными предметами его напряженного интереса.

И вот теперь, ранней весной 1823 года, Купер принялся за свой первый морской роман. Знание местных условий и полученная им достоверная информация о действиях американских разведчиков послужили основой для написания «Шпиона». Воспоминания детства нашли свое отражение в «Пионерах». Теперь наступил черед отразить на бумаге его четырехлетний опыт моряка. На торговом судне «Стирлинг» он

прошел вдоль восточных берегов Англии и сошел на берег в Лондоне. Вероятно, поэтому и действие его нового романа происходило у этих знакомых ему берегов.

Задумав написать морской роман, который моряки ценили бы за точность описаний корабля и морской службы, а незнакомые с морем читатели понимали бы специфику и сложность жизни на море, Купер взял на себя весьма сложную задачу. «Я ставил себе целью избежать технических описаний, чтобы создать поэтическое произведение. Хотя сам сюжет требовал следования мельчайшим деталям обстановки, чтобы повествование выглядело правдивым» – так охарактеризовал свои намерения писатель.

Поначалу жизненные обстоятельства способствовали успешной работе Купера над романом. Он прерывал свои занятия лишь для самых важных дел – участия в чествовании генерала Лафайета; поездки по Гудзону с известным актером Чарльзом Мэтьюзом; присутствия на самых интересных конных состязаниях, о которых он написал репортаж для газеты «Нью-Йорк патриот». К лету первый том романа, получившего название «Лоцман», был закончен.

Но тут на семейство Куперов обрушились беды, надолго оторвавшие писателя от его труда. В июле в Куперстауне сгорел их новый каменный дом. 5 августа умер младший сын Фенимор. В октябре судебные маршалы описали имущество в связи с неуплатой в срок долгов. И в довершение всего департамент по военно-морским делам предъявил Куперу иск за полученные им в 1810 году (то есть тринадцать лет тому назад!) суммы для набора рекрутов на флот, за которые Купер якобы не отчитался своевременно. Все эти невзгоды сказались на здоровье писателя, он проболел все лето, к тому же в конце августа с ним случился солнечный удар.

Читатели не ведали о всех этих обрушившихся на писателя бедах и с нетерпением ожидали нового романа Купера. Газета «Нью-Йорк стэйтсмэн» 17 ноября 1823 года поместила на второй странице следующее сообщение: «Часто задают вопрос, почему четвертый роман г-на Купера «Лоцман», о выходе которого было объявлено много месяцев тому назад, так долго задерживается изданием и когда же он наконец появится? Мы с сожалением должны сообщить, что автор был так серьезно болен в последнее время, что он был вынужден прекратить свои литературные занятия. Публике будет приятно узнать, что он уже поправляется и возобновил работу над неоконченным романом. Насколько нам известно, «Лоцман» находится в стадии завершения и выйдет в свет в течение нескольких недель».

«Лоцман, или Морская история» наконец увидел свет в Нью-Йорке 7 января 1824 года. Купер знал, что некоторые типично американские персонажи романа «Пионеры», как, например, Хирам Дулитл и доктор Элнатан Тодд, вызвали неодобрение некоторых бостонских литературных снобов. «Но недалек тот час, когда Дик Барн-стейбл исправит это положение, – писал Купер в апреле 1823 года Ричарду Генри Дана. – Я описываю людей и события так, как я их наблюдал. Немного мужчин моего возраста видели мир в таком многообразии его проявлений, как я. Может быть, я и страдаю недостатком умения изобразить ту или иную картину, однако никто не может поставить под сомнение мои мотивы».

Дик Барнстейбл, молодой капитан шхуны «Ариэль», вместе с лейтенантом Гриффитом является одним из главных действующих лиц рассказанной в «Лоцмане» любовной истории. Чтобы морской роман читался, нужна была любовная интрига, налет таинственности и замысловатый сюжет. Купер следует этим, им же самим установленным канонам. Основной герой романа, по мысли его автора, – это мистер Грей, таинственный лоцман, в честь которого и назван роман, поднявшийся на борт американского фрегата у берегов враждебной Англии п с этой минуты руководивший действиями американских моряков и их кораблей. Никто, кроме капитана безымянного фрегата, не знает ни подлинного имени лоцмана, ни его житейской истории. Видно, что это прирожденный моряк, хладнокровный и мужественный, прекрасно знающий морское дело, стратегию и тактику морских сражений. Его спокойному голосу беспрекословно повинуются все и на море, и на суше.

Современники писателя без особого труда узнавали в Лоцмане хорошо известного в те годы американского морского офицера Джона Поля Джонса, прославившегося своими удачными рейдами против превосходящих его сил английских кораблей. Журнал «Альбион» писал через шесть месяцев после публикации романа: «Мы можем с известной долей уверенности утверждать, что ни один из читателей «Лоцмана» не может не испытывать известного интереса и любопытства в отношении таинственного образа, играющего такую значительную роль во всей этой истории; …и хотя его имя из осторожности не называется, в романе делаются ссылки на некоторые действия и обстоятельства, которые не могут быть отнесены ни к кому другому, как к некогда знаменитому Полю Джонсу».

Биография этого морского джентльмена удачи весьма красочна и не лишена противоречий. Он родился в 1747 году в Шотландии и в двенадцатилетнем возрасте был определен юнгой

на торговый корабль. Пройдя курс матросской науки, он служил на кораблях, занятых перевозкой рабов. В двадцать два года он уже командовал торговым кораблем «Джон». Он отличался неуравновешенным и жестоким характером, дважды привлекался к суду за убийство матросов. Какое-то время он провел на суше, у своего дяди в штате Виргиния. В 1775 году Джонс в чине старшего лейтенанта вступил в только что создававшийся американский военно-морской флот. Вскоре он был назначен капитаном военного корабля и провел несколько удачных экспедиций против англичан.

Звездный час Джонса наступил в сентябре 1779 года, когда он вступил в бой со значительно превосходящим его силами фрегатом англичан. Артиллерийский огонь английского фрегата нанес серьезный урон кораблю Джонса, и ему предложили сдаться.

– А я еще и не начинал драться! – ответил Джонс и повел свой корабль на абордаж. Три с половиной часа длилась кровавая рукопашная схватка менжду американскими и английскими моряками. В конце концов экипаж Джонса одержал трудную победу. Американцы перешли на захваченный корабль, ибо их собственное судно потонуло в результате полученных в ходе битвы повреждений.

Французский король, союзник американцев в этой войне, преподнес Джонсу золотое оружие, американский конгресс удостоил его золотой медали. Но морская служба Джонса Соединенным Штатам Америки, как это ни покажется странным, на этом кончилась. Несколько лет он еще представлял США на переговорах с французами по вопросам денежной компенсации за переданные им захваченные американцами английские корабли. Но Джонса по-прежнему тянуло в море, и в начале 1788 года он принял предложение российской императрицы Екатерины Второй и в чине контр-адмирала поступил на службу в российский флот, сражавшийся в те времена с турками. В результате интриг через год ему пришлось уйти с российской службы, и он поселился в Париже, где умер в 1792 году.

Такова непростая жизненная история морского офицера, послужившего прототипом куперовскому Лоцману. Фигура Джонса привлекала внимание и других известных писателей, в том числе Германа Мелвилла и Александра Дюма-отца. Купер знал историю жизни Джонса по изданной в 1803 году в Нью-Йорке книге «История жизни капитана Натаниэля Фэннинга, офицера американского военно-морского флота, который в период американской революции служил под началом Коммодора Джона Поля Джонса». Книга эта имела свою историю.

Первоначально она вышла в 1806 году анонимно под названием «История приключений американского военно-морского офицера». Ее автор Натаниэль Фэннинг составил это описание в 1801 году, когда он подал прошение о зачислении его в регулярные ВМФ США, В декабре 1804 года он был принят на флот в чине лейтенанта, но в сентябре 1805 года умер от желтой лихорадки.

Кроме книги Фэннинга, было известно письмо Джонса леди Селкирк. 23 апреля 1778 года Джонс с группой моряков высадился на острове Святой Марии с единственной целью – захватить в плен лорда Селкирка. Обнаружив, что лорда нет на острове, Джонс дал команду к отплытию. Но два его офицера и часть команды потребовали, чтобы им было позволено захватить в качестве трофеев фамильное серебро Селкирков. Джонс согласился с этим требованием. Впоследствии он выкупил у команды это серебро и отправил его леди Селкирк с извинительным письмом, которое попало в печать и широко публиковалось. В то же время англичане публиковали истории о зверствах моряков Джонса, пытаясь представить его не столько храбрым моряком, сколько пиратом и разбойником. Так, в 1803 году в Лондоне вышла книга «Интересная жизнь, путешествия и схватки прославленного и печально знаменитого пирата Поля Джонса».

Достоверных документов, проливающих свет на личность и деяния Джонса, во время написания «Лоцмана» Купер не имел. Отчасти поэтому образ Лоцмана покрыт завесой таинственности. Однако интерес Купера к этому морскому офицеру со временем не пропал. Тому способствовали некоторые обстоятельства.

Джонс последний раз посетил Соединенные Штаты Америки в 1787 году. В Нью-Йорке он жил в семье адвоката Роберта Хислопа, который был его поверенным в делах. Р. Хислоп скончался в 1797 году от желтой лихорадки, и все его имущество по наследству перешло к двоюродному брату Джону, содержавшему пекарню. Он продал ее человеку по фамилии Хардинг.

После того как «Лоцман» вышел в свет, интерес к личности Поля Джонса в США значительно возрос. Джордж Уорд совершенно случайно увидел в пекарне Хардинга бумаги, на которых стояла подпись Джонса. Он тут же приобрел все бумаги Джонса (более 700 писем и документов) и поставил об этом в известность 28 июля 1824 года Купера. Лондонский журнал «Ньюмантслу мэгезин» сообщил о находке 1 ноября 1824 года и высказал предположение, что Купер, по всей вероятности, уговорит своего издателя Уйали опубликовать эти письма.

Однако Уорд, вероятно не без участия Купера, передал все документы в военно-морской департамент США, и они были опубликованы в 1825 году.

Опираясь на эти и другие ставшие известными документы, Купер написал краткую биографию Поля Джонса, которая была опубликована в июльском и августовском номерах журнала «Грэхемз мэгезин» за 1843 год. Прочитав эту биографию, Жаннет Тэйлор, племянница Джонса, написала Куперу письмо на двадцати страницах, в котором исправляла ошибки, допущенные писателем, и предоставила новую информацию о Джонсе, которой Купер не имел. Писатель учел все замечания и новые материалы, когда готовил биографию Джонса для своего труда «Жизнеописания заслуженных американских военно-морских офицеров» (1846 год).

Но вернемся к «Лоцману». В романе Купера описываются годы, когда Джонс был уже не у дел и оказывал отдельные услуги американским кораблям, совершавшим рейды против Англии.

Писатель рассказывает, что американские корабли подбирают Лоцмана в заранее условленном месте на английском берегу. Выполнив свое задание, Лоцман уходит на маленькой шлюпке в открытое море. Купер как бы подчеркивает романтическую таинственность и необычность своего героя. Некоторые американские критики упрекали писателя в том, что он «так и не понял, что расплывчивости изображения и налета таинственности еще недостаточно для создания героического образа. В Лоцмане, человеке без родины, он хотел изобразить трагического героя. Вместо этого получился байронический герой, исполненный печали, с нахмуренным челом, таинственными влечениями и весьма комичными манерами».

«Лоцман» – роман не только о моряках, но и о грозной морской стихии, о кораблях, о верности и дружбе, о тяжелой судьбе моряка. В то же время это роман исторический, отражающий определенный период в истории борьбы молодого американского государства за свою независимость. Герои романа борются и с врагом, и с бушующей стихией, и победа в этой борьбе достается им дорогой ценой. Вражеское ядро обрывает жизнь капитала фрегата, а разбушевавшееся море увлекает в свою пучину рулевого Длинного Тома Коффина. Погибают многие моряки, но лейтенанты Барстейбл и Гриффит благополучно проходят через все выпавшие на их долю испытания и возвращаются на родину вместе со своими суженными Кэтрин и Сесилией.

Некоторые американские критики противопоставляли образ рулевого Длинного Тома Коффина образу Лоцмана. При этом они

подчеркивали, что Том Коффин «столь же реален, как «Ариэль», первая доска которого была прибита на его глазах и гибель которого он разделил. Каждое соленое слово, каждый его маневр с пушкой или гарпуном, все его простые чувства обнаруживают те качества, которые писатель уже подметил в Гарви и Кожаном Чулке. Еще в июле 1826 года журнал «Бритиш критик», сравнивая таких разных героев романов Купера, писал: «Подобно разносчику Гарви Бёрчу и моряку Тому Коффину, старый охотник Натти Бампо – подлинный герой эпизодов, в которых он действует. И поистине точки соприкосновения между моряком и обитателем лесной глуши весьма многочисленны, несмотря на их совершенно различные сферы действия».

Между тем сам Купер не был удовлетворен тем, каким у него получился Длинный Том Коффин. В этой связи заслуживает внимания следующее свидетельство дочери писателя Сюзан: «Что касается Длинного Тома Коффина…, то в свои последние годы отец был менее удовлетворен им, чем многие читатели. Возвращаясь мысленно снова и снова к этому образу, он, опираясь на свой длительный зрелый опыт, видел его более четко, более полно, с большим количеством присущих ему черт и поэтому рассматривал образ Тома лишь как набросок, который он с радостью превратил бы в полнокровный образ, в законченный портрет, как он это сделал с Натти Бампо».

Первый тираж романа в количестве 3 тысяч экземпляров разошелся в течение месяца, и издатель Уайли в феврале выпустил второе, исправленное издание.

Купер с интересом ожидал реакции критиков на свое новое детище. «Лоцман» определенно пользуется успехом, – писал он в конце февраля 1824 года своему другу Шубрику. – Продажа – лучший судья в подобных случаях, а спрос на книгу огромный. Она не менее популярна, чем «Шпион», хотя мнений столько же, сколько и умов… Если ее и не слишком расхваливают, то, во всяком случае, ее меньше ругают, чем любую другую книгу, которую я написал».

Впоследствии, лет через двадцать после выхода «Лоцмана», Купер так охарактеризовал отношение американских и европейских критиков к его роману: «Эта книга по своему характеру была настолько нова, что критики – если в этой стране есть критики – не знали, как оиенить ее. Несколько недель ее судьба была под вопросом. И ее репутация в Америку, безусловно, пришла с Востока… В Европе ее успех был быстрым и внушительным». В другом письме в это же время он признавался: «Пока не пришли вести из Англии, Уайли и я полагали, что книга провалилась; хотя Уайли твердо полагал, что она не должна

провалиться».

Одним из первых на роман откликнулся Роберт Уолш, редактор филадельфийской «Нешнл газетт». В своей рецензии он отмечал, что «автор чувствует себя как дома на борту корабля», и предсказывал, что роман будет популярен «среди американских моряков». Рецензия эта 16 января 1824 года была перепечатана балтиморской «Американ энд коммершиэл дейли адвертайзер», а 28 января – бостонской «Нью-Инглэнд Гэлекси».

Рецензии на «Лоцмана» появились в «Нью-Йорк спектейтор» и «Нью-Йорк миррор», в «Американ монтхи мэгезин» и «Минерве», «Нортх Американ ревью» и «Юнайтед стейтс литерари гэзетт». Чувствовалось, что редакторы и рецензенты озадачены новым произведением Купера. Так, например, «Нью-Йорк коммершиэл адвертайзер» в номере от 21 января 1824 года считал «наиболее заметным успехом» писателя его «правдивое представление обязанностей, чувств, привычек и манер моряков, безо всяких непристойностей как в мыслях, так и в словах; а также провозглашение морали и великодушия и правильного понимания долга, чести и патриотизма».

Совсем по-другому роман был оценен в февральском номере журнала «Портфолио», посвятившего «Лоцману» 15 страниц. На четырех страницах излагалось содержание романа, девять были отданы выдержкам из романа, но приведены были только сцены, происходящие на суше. С похвалой отзываясь об этих сценах, автор двухстраничного комментария утверждал, что «все морские операции, мы опасаемся, будут пропущены при чтении теми, чье внимание автор хотел бы привлечь».

Интересно в этом смысле письмо, полученное 24 февраля 1824 года Катериной М. Седжуик от своей золовки: «Лоцман» нынче в моде, Купер теперь нравится даже тем, кто раньше его терпеть не мог, кроме меня. Но и я чувствую запах смолы и моря в каждой строке его книги настолько сильно, что заболеваю морской болезнью. У меня нет ни малейшего сомнения в его гениальности, но все же то, что пишут моряки, должны и читать моряки. Подобные книги нравятся госпоже Роджерс, которая чувствует себя нормально только в морской стихии».

Ближе всего к пониманию замысла Купера подошел Уэнделл Филлипс в своей рецензии в журнале «Нортх Американ ревью»: «С момента первого появления кораблей вечером до их спасения от нависшей угрозы следующим утром опасные ситуации, нагромождение случайностей, картины небес и океана, действия кораблей – все поддерживает в читателе интерес и беспокойство в то время, как его воображение заполнено процессией величественных, ярко выписанных образов».

Филлипс хвалил роман как проявление патриотизма, возвышение «нашего морского умения… А это та струна, на которую глубоко и определенно отзываются национальные чувства. И автор играет на этой струне с большим эффектом».

Другие рецензенты подчеркивали, что в «Лоцмане», как и в «Шпионе», писатель «возбуждает законную гордость и лучшую энергию Америки». Купер, отмечали рецензенты, «душой и телом – моряк. Океан – его подлинная стихия, а палуба корабля – его настоящий дом». Своими романами он «пробуждает в гражданах страны дух национального единства, рождает у них законную гордость как за их собственные достижения, так и за их национальные институты… Это поистине настоящий талант».

«Лоцман» сразу же был по достоинству встречен и широкой читающей публикой США, в жизни которой море играло весьма существенную роль. Профессиональное знание морского дела, любовь к морю и большой литературный талант Купера позволили ему создать правдивое, романтически возвышенное произведение, положившее начало морскому роману не только в американской, но и в мировой литературе. Такие корифеи этого жанра, как Герман Мелвилл и Джозеф Конрад, всегда отдавали должное урокам гения Купера, который, по словам Бальзака, «бросив вас в открытое море, одушевил необъятную ширь океана…» и который обладал особым даром «описывать моря и моряков…». Уже в «Лоцмане» Купер показал, что настоящим предметом морского романа является не море и даже не корабль, а люди, команда корабля, рассматриваемая как частица того общества, которое она представляет. И именно поэтому, как отмечали американские критики, «как ни коротка литературная жизнь Длинного Тома, он стоит в одном ряду с Кожаным Чулком».

Интересна реакция английских критиков на новый роман Купера. В Англии «Лоцман» был издан Джоном Миллером в январе 1824 года тиражом в 1 тысячу экземпляров. Вскоре вышло второе издание в 750 экземпляров. Лондонская «Литерари гэзетт» сообщала 31 января 1824 года, что «роман появился слишком поздно, чтобы дать па него рецензию. Однако мы успели просмотреть его и составили себе благоприятное впечатление о его достоинствах».

Более десяти английских газет и журналов откликнулись на роман сразу по его выходе. Характерна рецензия, опубликованная в двух номерах журнала «Мюзыем» (31 января и 7 февраля 1824 года). «Труд этот, хотя он и является сочетанием истории и вымысла, написан так ярко, что ближе к истории, чем к вымыслу… В описаниях г-на Купера чувствуется свежесть,

которую мы редко встречаем (да и на которую редко надеемся) в нынешние дни, когда на ниве литературы изредка появляется невозделанный ранее участок».

В том же духе высказывался и рецензент «Литерари гэзетт» (7 февраля 1824 года). «Величайшим достоинством» романа он считал создание «нескольких морских характеров, проявивших себя в конкретных действиях». И далее рецензент писал: «В этих томах столько силы и оригинальности, что мы осмелимся утверждать, что они продержатся на волне читательского расположения достаточно долго, прежде чем канут в Лету».

Ряд английских критиков сравнивали роман Купера с прославленными произведениями Д. Дефо и Тобайаса Джорджа Смоллета. При этом Куперу отдавалось явное предпочтение. Так, например, журнал «Эдинбург скотсмен» отмечал, что Дефо «по ряду позиций оказался отброшенным на приличное расстояние» Купером. Что же касается Смоллета, то автор той же рецензии утверждал, что если Смоллету и случалось «бывать на море, то Купер – душой и телом моряк!».

Многие из этих английских рецензий были перепечатаны американскими газетами и журналами, что и позволило Куперу заявить, что репутация его романа пришла с Востока. Но в то же время «Лоцман» поднял репутацию Купера как писателя в Европе и привлек к нему внимание ряда крупных европейских писателей. Частично этому способствовало и то обстоятельство, что в лондонском театре «Аделхи» в 1825 году пошла трехактная пьеса, созданная Эдуардом Фитцболлом по роману Купера, в которой роль Длинного Тома Коффина играл известный актер Т.П. Кук. В предисловии к пьесе отмечались «дух» и «энергия» «хорошо известной истории» Купера, которую отличают «смелость характеров и красочность, присущие настоящему гению». В январе 1828 года пьеса «Лоцман» была опубликована в драматической серии для постановки в домашних условиях.

Правда, следует отметить, что драматург поступил с куперовским оригиналом весьма вольно. Предоставим слово такому свидетелю, как Вальтер Скотт. Он записал 21 октября 1826 года в своем дневнике: «…Смотрели «Лоцмана», по одноименному американскому роману. Пьеса пользуется исключительной популярностью. Драматург сумел охватить всю историю, и к тому же все отвратительные и нелепые черты, которыми автор оригинала наградил англичан, он перенес на американцев».

Вальтер Скотт прочел роман Купера вскоре по его выходе и рекомендовал его писательнице Эджуортс: «Роман очень умный, особенно замечательно выписаны морские сцены и характеры.

Советую вам прочесть его как можно быстрее».

Несколькими месяцами позднее В. Скотт, как свидетельствует Сэмюэль Г. Гудрич, заявил, что роман Купера – «очень умный. Я думаю, что окажется, что его подлинная сила заключена в описаниях морской жизни и приключений. У нас нет хороших морских историй, а здесь – широкое поле, открытое для подлинных гениев». Дочь Скотта возразила, что морской жаргон и незнание моря «массой читателей» не позволят им оценить морскую жизнь. На это английский писатель ответил: «Без сомнения, трудная задача донести все это до сердец читающих миллионов. И тем не менее для гения здесь достаточно интересного материала… А кроме того, книга, на которую я ссылался, – «Лоцман», – сочетает действие на море с действиями на суше».

Интересно и суждение о романе Купера английской писательницы Мэри Рассел Митфорд. Она писала своему знакомому 5 марта 1824 года: «Читали ли вы американские романы? Я имею в виду серию г-на Купера – «Шпион» и другие. Если нет, то пошлите за ними и сообщите мне ваши впечатления. По-моему, они так же хороши, как любое произведение сэра Вальтера Скотта. Купер также открыл новое поле (если можно так сказать о море). Никто, кроме Смоллетта, до сих пор не пытался воссоздать морской характер; да и к тому же он настолько вульгарен и тяжел. Теперь этот новый роман написан также правдиво и с такой же силой, но только и с глубоким возвышенным чувством. Мне не следует перехваливать его из-за опасения произвести реакцию, которую такой неблагоразумный энтузиазм только и способен вызвать. Но я должна вас просить прочесть его. Только прочтите его. Представьте себе нахальство автора, избравшего в качестве героя Поля Джонса, и его способность заставить читателя беспокоиться о нем! Я завидую американцам, что у них есть г-н Купер. Напишите мне, как вам понравится «Лоцман».

Значительно позднее, в 1838 году, один английский критик начал свою рецензию на морские романы Купера с выражения недоумения: «Странно, что морские романы пишутся иностранцами, в то время как само море так долго является любимым и хваленым владением Великобритании…»

Как бы подводя итоги влиянию «Лоцмана» на развитие литературы и его месту в мировой литературе, поэт У.К. Брайант писал, в 1850 году, что Купер «в своем романе «Лоцман» создал образ, который будет жить так же долго… как любой из героев Шекспира. Он стал наставником и создателем школы авторов морских романтических историй, которые освоили свое

искусство, читая «Лоцмана» и другие его морские истории». Еще более кратко высказался американский критик Фрэнсис Паркмэн: «Лоцман» – «по правде говоря, является шедевром его гения…»

Занятия литературой в эти годы Купер сочетает с довольно активной светской и общественной жизнью. Он был признанным главой неофициального клуба нью-йоркских интеллектуалов под прозаическим названием «Хлеб и сыр». Среди членов клуба, участвовавших в его еженедельных дискуссиях за обедом, было немало известных людей – поэт и редактор Уильям Каллен Брайант, художник и драматург Уильям Данлеп, профессор-юрист Джеймс Кент, журналист и политик Гулиан Кроммелин Верпланк, поэт Грин Халлек, политик и бизнесмен Филип Хоун, издатель Чарльз Уайли, изобретатель и художник Сэмюэл Морзе и другие. Проживавший в Европе писатель Вашингтон Ирвинг был избран почетным членом клуба.

На своих встречах члены клуба обсуждали политические и литературные новости, городские события, вести из Европы. По свидетельству участников суждения Купера всегда отличались глубиной наблюдений, богатством деталей, всесторонним пониманием американской специфики.

Глава 5
ПОИСКИ ГЕРОЯ

Страна в эти годы переживала сложный и противоречивый период своей истории. Англо-американская война 1812–1815 годов проходила с переменным успехом. Кратковременный захват английскими войсками столицы США города Вашингтона не приблизил их к победе. Последующие победы американцев над британской флотилией (сентябрь 1814 года) и над сухопутными войсками англичан под Новым Орлеаном (январь 1815 года) показали, что Англия не сможет добиться победы в этой войне. Но и американцы не могли нанести англичанам сокрушительного поражения. В результате длительных переговоров был подписан Гентский мирный договор, который так и не разрешил спорных проблем, вызвавших эту войну. Однако по своим объективным результатам война 1812–1815 годов явилась продолжением революционной войны за независимость и способствовала консолидации американской нации. Газета «Уикли реджистер» писала по этому поводу в сентябре 1815 года, что «народ начинает все более и более сознавать свой национальный характер».

Окончание войны совпало с очередными президентскими выборами. Пятым президентом США в 1816 году был избран активный участник войны за независимость, раненный в боях Джеймс Монро (1758–1831). Территория США в этот период непрерывно расширялась. В союз один за другим выступали новые штаты: Индиана (1816), Миссисипи (1817), Иллинойс (1818), Алабама (1819), Мэн (1820), Миссури (1821). За десять лет – с 1820 по 1830 год – население западных штатов увеличилось на 1,5 млн. и составило более 3,7 млн. человек.

Купер внимательно следил за всеми происходящими в стране событиями, они были предметом оживленных обсуждений среди друзей и знакомых, в семейном кругу. Родители жены писателя, ее братья и сестры сочувствовали англичанам, и домашние обсуждения часто выливались в ожесточенные словесные баталии, приводили к ссорам и размолвкам.

Территориальные приобретения США в эти годы происходили в основном за счет обширнейших угодий земли, принадлежавших индейским племенам. Формально эти земли «выкупались» у их владельцев, но платили им за это гроши. Так, к концу 1819 года у индейцев было «выкуплено» 192 миллиона акров земли, а заплатили им всего 2,5 миллиона долларов, то есть немногим

более, чем по одному центу за акр. Продажная же государственная цена была установлена в 200 раз выше – 2 доллара за акр, а фактически составляла в зависимости от участка от 6 до 30 долларов за акр. При переговорах с индейцами в ход пускалась чистейшей воды демагогия. Представители американских властей, например, ссылались на то, что огромные угодья земли принадлежат малочисленным племенам индейцев и что это, мол, противоречит намерениям «отца вселенной», который против такого неравенства между его «белыми и краснокожими детьми».

Два срока президентства Джеймса Монро (с 1817 по 1825 год) характеризовались спадом внутриполитической борьбы, так как некогда влиятельная федералистская партия фактически перестала существовать. Развивались промышленность и торговля, росли города. Коммерческим и деловым центром страны постепенно становился Нью-Йорк с его расширяющимся портом. В городе возводились роскошные особняки и жилые дома, здания банков и торговых палат, фабрики и магазины, школы и театры.

Расширялась власть федерального правительства, и в то же время укреплялись права частной собственности. Господство во внутриполитической жизни одной республиканской партии утихомирило внутрипартийные распри, способствовало укреплению национального единства. Достигнутая стабильность, расцвет промышленности, ремесел и торговли позволили журналистам назвать этот период «эрой доброго согласия».

В эти годы влияние Купера постепенно перерастает собственно литературные рамки и приобретает общенациональное общественное звучание. Его избирают членом престижного Американского философского общества (апрель 1823 г.), Колумбийский колледж присуждает ему почетную ученую степень (апрель 1824 г.). В мае 1826 года Корпорация города Нью-Йорка наградила писателя серебряной медалью в знак «высокого уважения к гражданину США, который своими литературными трудами способствовал славе Республики».

Граждане молодой республики в это время готовились торжественно отметить 50-ю годовщину войны за независимость и образования Соединенных Штатов Америки. Живы были еще ветераны, которые с гордостью рассказывали о трудных победах над англичанами при Лексингтоне и Конкорде, на высотах Банкер-Хилл в районе Бостона, о смелом захвате Дорчестерских высот, в результате которого английским войскам пришлось эвакуировать Бостон.

В местах боев воздвигались памятники и монументы, в

газетах и журналах публиковались воспоминания участников боев и патриотические стихи и поэмы. Читатели ожидали новых книг о героических временах и событиях, когда рождалось американское государство. Естественно, что эти надежды были прежде всего связаны с именем Купера. Писатель видел и чувствовал подъем патриотических настроений в стране, все усиливающийся интерес к ее историческому прошлому. Он задумывает написать серию исторических романов, объединенных в цикл «Легенды тринадцати республик». Каждый роман должен был рассказать о событиях в одной из тринадцати колоний, которые объединились и образовали новую республику. Первый роман нового цикла Купер решает посвятить событиям 50-летней давности – блокаде Бостонского порта английскими войсками и жестокой битве за высоты Банкер-Хилл.

Несмотря на то, что американская тематика понемногу завоевала – в основном стараниями самого же Купера – права гражданства в американской литературе, обращение к фактам живой американской истории требовало немалой смелости. «Мыслимое ли дело создавать поэмы и романы об этом мире, который едва выбрался из пеленок? – так характеризовал состояние умов мыслящих американцев того периода известный американский историк литературы Ван Вик Брукс. – Ведь нигде ни яркого пятнышка, ни следа былого великолепия, никаких романтических причуд, которые в старых странах буквально срослись с каждой крышей и деревом, холмом и равниной. А здесь, насколько хватает глаз, все скучно, плоско, и надо всем равномерно разлит пресный свет будней».

Известный бостонский издатель Сэмюел Г. Гудрич подсчитал, что в 1820 году соотношение книг американских и английских авторов, издаваемых в США, составляло 30 и 70 процентов. При этом большинство книг американских писателей, как подчеркивал американский критик Джон Нил в 1825 году в журнале «Блэквудз Эдинбург мэгезин», было «английским по духу, английским по своему характеру, английским – по сюжету и по описываемым событиям, английским – с начала до конца…»

Осада Бостона восставшими колонистами является одной из самых ярких страниц истории борьбы американских колоний за свою независимость. Бостон с его крупным портом долгие годы был коммерческим, политическим и интеллектуальным центром колоний. Все происходящее в Бостоне гулким эхом отзывалось во всех 13 колониях. Бостон стоял во главе движения за неуплату налогов и пошлин Англии. Кульминационным пунктом этого движения явилось так называемое «бостонское чаепитие», когда группа граждан, переодевшись индейцами, захватила один из

кораблей Ост-Индской компании, стоявший в Бостонском порту, и выбросила находившиеся на нем тюки с чаем в море. Англичане ответили закрытием порта и блокадой города. Вызов оказался брошенным не только Бостону и бостонцам, но всем колониям. Началось широкое движение помощи Бостону и отпора англичанам. Формировались отряды ополченцев, создавались склады оружия.

Военный губернатор англичан генерал Томас Гейдж 18 апреля 1775 года послал два пехотных полка с приказом захватить склады оружия колонистов в Конкорде и попутно арестовать в Лексингтоне руководителей колонистов Джона Адамса и Джона Хэнкока. Узнавшие об этом патриоты зажгли сигнал на одной из бостонских церквей. По этому сигналу трое связных, возглавляемых известным бостонским ювелиром Полем Ревиром, верхом на лошадях поскакали в Лексингтон, а затем в Конкорд. Ополченцы поднялись на борьбу против англичан. Американские историки считают, что война за независимость началась с бешеной скачки Поля Ревира. Кстати, именно Поль Ревир принес в Нью-Йорк сообщение о «бостонском чаепитии». А его скачка апрельской ночью 1775 года послужила поводом для создания Лонгфелло поэмы «Скачка Поля Ревира».

Осада повстанцами Бостона, в котором укрылись отступившие английские войска, и борьба за его освобождение и составили сюжет нового романа Купера, который он назвал «Лайонел Линкольн, или Осада Бостона. Из цикла легенд о тринадцати республиках». Работая над романом, Купер серьезно изучил доступные ему исторические материалы, описания сражений при Лексингтоне и Банкер-Хилле, воспоминания очевидцев, газеты, журналы и альманахи того периода. Он специально съездил в Бостон и посетил места описываемых им событий. Он интересовался всем – расположением войск противоборствующих сторон и обстановкой в захваченном англичанами городе, особенностями рельефа и погодой.

Главным героем романа писатель избрал коренного американца, служившего в чине майора в английской королевской армии. Звали его Лайонел Линкольн. История его любви к молодой бостонской жительнице Сесилии Дайнвор и составляет сюжетную канву романа. Но роман в соответствии с литературными канонами своего времени насыщен странными и таинственными событиями, внутренними предчувствиями и побуждениями главных героев. Литературоведы отмечали, что в этом смысле роман сродни готическим романам Натаниела Готорна (1804–1864), которым присуще изображение сверхъестественного и страшного. Носителями этого

сверхъестественного и таинственного в романе являются Джэб Прей – полоумный молодой человек, которого связывают какие-то таинственные узы с майором Линкольном, также полоумный старик Ральф и мать Джэба Эбигейл.

Роман написан с присущим Куперу умением заинтересовать читателя, дает полнокровную картину жизни Бостона и его окрестностей в эти тяжелые времена. Американские историки считают, что описание сражения у Банкер-Хилл – одна из лучших и наиболее достоверных батальных сцен во всей американской литературе. Первый отклик на роман появился в мартовском номере за 1825 год бостонской «Юнайтед стейтс литерар гэзетт». Рецензент подчеркивал историческую достоверность описаний военных сражений и в то же время резко критиковал «придуманную автором» жизненную историю Лайонела Линкольна. «Вкус нынешних читателей романов, – писал рецензент, – требует чего-то совершенно отличного от деликатных душевных страданий и различных запутанных житейских историй с их потайными дверями и ходами-ловушками – историй, которые, завораживали умы и потрясали души более романтических поколений».

Рецензент другого журнала – «Нью-Йорк ревью энд Атениум» также отмечал историческую достоверность романа. Писатель «начинил свое повествование стойким духом тех времен, когда каждый гражданин был солдатом, а каждый солдат – патриотом. В описаниях схватки у Лексингтона, отступления от Конкорда, битвы у Банкер-Хилла он перенес нас в те времена и на те места, которые он описывает. И сделано это с той редкостной удачей… которая одновременно является свидетельством триумфа и испытанием истинного таланта…».

Но, несмотря на эти в общем-то положительные отклики литературных критиков, читательского успеха роман не имел. Объяснение этому заключается прежде всего в фигуре главного героя романа. Патриотически настроенные американцы ожидали от своего крупнейшего романиста произведения, соответствующего духу эпохи, их настроениям, показывающего героизм колонистов в войне за независимость. Героем же нового романа Купера был блестящий, благородный офицер армии противника, сочувствующий борьбе колонистов, но и только. Как отмечала дочь писателя, «Мы закрываем книгу с чувством, что познакомились с приятным, воспитанным, благородным и честным офицером-гренадером, и ничего больше». Конечно, роман с таким главным героем в этих условиях не мог иметь успеха.

Возникает вопрос: почему же писатель остановил свой выбор

именно на таком герое, как Лайонел Линкольн? Думается, что тому причиной внутренние разногласия в семье писателя, длинные споры его с тестем – сторонником англичан, с другими родственниками жены. Купер невольно отразил существо этих семейных споров в своем творчестве, пытаясь как-то примирить враждующие стороны. Именно поэтому его герой – коренной американец – служит в английской армии, являясь как бы связующим звеном между двумя враждующими сторонами.

Летом 1825 года Купер вместе с несколькими приезжими англичанами отправился в путешествие вверх по реке Гудзон с целью осмотреть озеро Джорджа. Пароход медленно плыл по реке. Пассажиры любовались открывавшимися видами, на остановках сходили на берег, внимательно осматривали поля и дома, цветы и деревья, сравнивали все с родными местами. Им казалось, что в Англии и деревья в парках намного крупнее, чем их сородичи в американских лесах, и цветы красивее, и дома лучше. Купер с интересом вслушивался в эти оценки, удивляясь высокомерию и чувству превосходства, с которыми изрекались подобные суждения.

После остановки в Олбани, где путешественники были встречены со всем провинциальным радушием и гостеприимством, они отправились далее на север. Большое впечатление на всех произвел водопад Гленн с его мрачными, устрашающими скалами, причудливым падением воды, скрытыми под водопадом пещерами. Один из англичан заметил Куперу, что это место отлично подходит для какой-нибудь романтической истории. Купер тут же ответил, что он напишет роман, действие которого будет происходить в этих краях и эти таинственные пещеры сыграют важную роль. На следующий день Купер снова внимательно осмотрел и пещеры, и подступающий к реке лес, и водопад, и стремительное течение реки. Он действительно задумал новый роман.

Теперь, когда место действия будущего романа было выбрано, встал вопрос о его главных героях. Конечно, это должны быть типичные американцы. В его четырех романах (не считая «Предосторожности») были представлены разные герои. В «Шпионе» – это простолюдин Гарви Бёрч, выходец из самой гущи американского народа, который «ничем не отличался от местных простолюдинов, разве только своей сообразительностью, а также тем, что его действия были всегда окутаны какой-то тайной». Его история была рассказана писателем, к ней ничего уже нельзя добавить.

В центре романа «Пионеры» – судья Мармадьюк Темпл, его дочь Элизабет и влюбленный в нее пришелец Оливер Эдвардс. Их

романтическая история завершилась браком всего лишь тридцать лет тому назад. Описывать их семейную жизнь Купер пока не собирался. Правда, в романе действовали еще и друзья Эдвардса – старый охотник по прозвищу Кожаный Чулок и индеец Джон, или, как он сам называл себя, Чингачгук, что в переводе с языка делаверов означало Великий Змей. В поселке у истоков Сасквеханны Кожаный Чулок и Чингачгук – старые люди, но ведь были же они молодыми, и, судя по их характерам, им немало пришлось вынести на своем веку. Они естественно вписывались в облюбованную для романа местность, их-то писатель и сделает главными действующими лицами своей новой книги.

Купер недавно прочел в последнем номере журнала «Северо-американское обозрение» статью своего доброго друга, писателя и критика Уильяма Каллена Брайанта «Американское общество как источник для романа». Американский писатель, подчеркивал Брайант, «…должен показать как бесконечное разнообразие человеческих характеров еще более усугубляется условиями, существующими в нашей стране, раскрыть специфические особенности нашего мышления и наших действий и показать, насколько они способны воздействовать на индивидуальные судьбы людей и на их благополучие».

Купер также помнил высказывание другого своего современника – Джеймса Кирка Полдинга, соратника Вашингтона Ирвинга, который говорил: «Там, где есть человек, там есть и материал для романтических приключений… Подлинная жизнь преисполнена приключений, которые не придумает и самая буйная фантазия…»

Новый роман Купера получил название «Последний из могикан, или Повествование о 1757 годе». Как видим, по времени действия этот роман почти на двадцать лет отстоит от последней книги писателя. Описанные в нем события относятся к совершенно иной главе американской истории, а главные действующие лица весьма далеки от английских аристократов, описанных в «Лайонелле Линкольне».

В «Последнем из могикан» Купер впервые выводит на первый план в качестве главных героев Натти Бамио и его двух друзей-индейцев Чингачгука и Ункаса, отца и сына из племени могикан. Выбор индейцев был далеко не случайным. Купер в Нью-Йорке довольно часто встречался с индейскими вождями, направлявшимися в Вашингтон для переговоров с правительственными чиновниками. С некоторыми из них он сам ездил в столицу. Среди его индейских знакомых был Онгпатонга, вождь племени омаха, известный своим красноречием. Хорошо писатель знал и молодого Петалесхаро из племени пауни. «Этот

юноша мог бы стать героем любой цивилизованной нации», – говорил о нем Купер. Считают, что Онгпатонга послужил прообразом Чингачгука, а Петалесхаро – Ункаса.

Купера привлекли в его новых знакомых «возвышенность их помыслов, благородная терпимость и безрассудное мужество…». Писатель с пониманием относился к их тяжелому положению, сочувствовал им, стремился всячески помочь. Он принимал активное участие в организации торжественной встречи в Нью-Йорке для обоих индейских вождей.

Приключения охотника и разведчика Натти Бампо – Соколиного Глаза и его друзей Чингачгука и Ункаса, пытающихся выручить попавших в засаду английского офицера и его молодых спутниц, описаны Купером с талантом подлинного художника. Уходящий в прошлое мир индейцев, вражда одних индейских племен с другими, война между англичанами и французами за владение колониями – и на этом фоне личные судьбы Соколиного Глаза и Чингачгука, гибель Ункаса – этого последнего из могикан – все это встает перед читателем со страниц нового романа Купера. Реалист в романе все чаще берет верх над романтиком, и читатель с интересом изучает подлинные картины жизни индейцев, осознает всю трагическую неизбежность предстоящего столкновения патриархального образа жизни с неуклонно наступающей на них цивилизацией белого человека, предопределившего их дальнейшую трагическую судьбу.

Куперу удалось создать типические, подлинно американские самобытные характеры, естественные и героические в своей простоте. Это относится прежде всего к образу бесстрашного, преисполненного врожденного благородства индейского юноши Ункаса, способного на глубокое чувство и наделенного необычайной смелостью. Романтически возвышенный Ункас погибает в конце романа, и его гибель как бы олицетворяет гибель всех индейцев, вызванную нашествием белых завоевателей. Роман не случайно назван «Последний из могикан». На его страницах еще жив и действует отец Ункаса – Мудрый Змей Чингачгук, но род могикан не имеет продолжения, и ему суждено исчезнуть с лица земли.

Но не имеют будущего не только могикане. Белый охотник и разведчик Бампо – Соколиный Глаз на страницах романа в расцвете своих духовных и физических сил. Но и его судьба предрешена. Читатели хорошо знали об этом. В романе «Пионеры» они уже видели Натти Бампо – Кожаного Чулка на исходе его жизни – одинокого, не нашедшего себе достойного места в новой действительности, плохо понимающего смысл наступления своих собратьев на природу, не приспособленного к

жизни в новых условиях нарождающегося капитализма.

«Последний из могикан» – это прежде всего роман о человеческих отношениях – любви и ненависти, дружбе и предательстве. Дружба между белым охотником Нат и индейцем Чингачгуком принадлежит к бессмертным созданиям мировой литературы и свидетельствует о глубоком понимании Купером характера и его устремлений независимо от цвета его кожи. Любовь Ункаса к Коре также описана с подлинным проникновением в глубины человеческого сердца. Именно эти общечеловеческие ценности, показанные на фоне опасных, захватывающих дух приключений главных героев, и снискали роману всемирную славу.

В своих отношениях с окружающими Купер придерживался определенных взглядов. Он высоко ценил мужскую дружбу, был скрупулезно точным в финансовых расчетах, отличался доброжелательностью и терпимостью, верил людям и был глубоко разочарован, если эта вера не оправдывала себя. Он бывал излишне резок в своих суждениях и оценках, но, как правило, его выводы опирались на жизненные факты. Его не раз подводили люди, которых он считал своими друзьями, и он каждый раз глубоко страдал от этого. Куперу были чужды расовые предрассудки, он одинаково уважительно относился к белым, черным или краснокожим своим согражданам.

Но писатель видит не только положительные свойства людей. Среди основных действующих лиц романа – индеец-гурон Магуа, человек вероломный и жестокий, самолюбивый и хитрый. В то же время автор показывает, что Магуа искусен и умен, осмотрителен и выдержан. Его стремление завладеть Корой продиктовано жаждой мести.

Красавица Кора – с самого начала в центре борьбы между Магуа и влюбленным в нее Ункасом. В ее жилах течет небольшая доля негритянской крови. Это послужило поводом для утверждений некоторых западных литературоведов о том, что взаимоотношениями Ункаса и Коры писатель хотел показать связи, возникающие между тремя основными группами жителей США – белыми, индейцами и неграми. И в этом смысле гибель Ункаса и Коры как бы говорила о невозможности объединения этих различных групп.

Купер, безусловно, хорошо понимал расовые проблемы, стоящие перед молодым американским государством. В своей публицистической работе «Американский демократ» (1838 г.) он, в частности, писал: «Неизбежно придет день, когда рабство в Америке исчезнет. И когда этот день наступит, две расы будут обитать в одном и том же районе. Их чувства будут преисполнены

неискоренимой ненависти… Борьба между этими расами превратится в войну на уничтожение. Этот судный день можно отсрочить, но избежать его невозможно».

Таким образом, не исключено, что судьба Ункаса и Коры в романе была определена общим взглядом писателя на развитие расовых отношений в стране. Сам чуждый расовых предрассудков, он в то же время не видел будущего для междурасовых браков, и его понимание действительности не позволило ему привести историю отношений Ункаса и Коры к счастливому концу. В то же время в силу тех же причин любовь метиски Коры к майору Хейворду также не могла быть счастливой. Поэтому в романе, в точном соответствии с исторической правдой, гибнет не только Ункас, но и Кора, а майор Хейворд находит свое счастье с англичанкой Алисой.

Совсем другое дело бескорыстная мужская дружба между Натти – Соколиным Глазом и Чингачгуком – Мудрым Змеем. Правда, читатели «Пионеров» уже знали, что и она трагически оборвется: Чингачгук погибнет в огне пожара, а Натти, одинокий, не понятый своими соотечественниками и сам не способный понять их, отправится заканчивать свой век дальше, на Запад, туда, где пока еще сохранились девственные леса.

Вышедший в феврале 1826 года, роман «Последний из могикан» был сразу же с энтузиазмом встречен читателями, восторженно отзывавшимися о новой книге писателя. И дело здесь было не только в таланте Купера-рассказчика, в его умении все время держать читателей в напряжении. Этими качествами, как известно, отличался и предыдущий роман писателя – «Лайонель Линкольн», однако книга не имела читательского успеха. Необычайный успех «Последнего из могикан» объяснялся прежде всего типично американскими образами его главных героев.

В новом романе Купера разнообразие человеческих характеров проявлялось и усиливалось типично американскими условиями и событиями, хотя в основе действий всех без исключения героев романа лежат чувства древние как мир – любовь и ненависть, благородство и мстительность, честность и коварство, долг и предательство. Показанные в обычных американских условиях и на чисто американской почве, чувства эти и их проявления подчеркивали не только естественность их носителей, но и их исключительную американскую самобытность. Герои книги и их действия были типично американскими, немыслимыми ни в какой другой стране. Именно в этом неоценимая заслуга автора романа, сумевшего еще раз на почве американской действительности создать подлинно

художественное произведение, которое, будучи американским, в то же время явилось и общечеловеческим достоянием.

Однако некоторые рецензенты подвергли сомнению как правдивость описанных в романе событий, так и достоверность его действующих лиц. Прежде всего это относилось к образам индейцев. Губернатор Мичигана Люисс Касс утверждал на страницах «Северо-американскоского обозрения», что герой романа – «это индеец, вышедший из школы миссионера Джона Г.Э. Геквелдера, а не из школы жизни…». В другой статье в том же журнале он продолжил свою мысль, заявляя, что «Его Ункасы… не имеют реальных прототипов в наших лесах».

Подобной точки зрения придерживался и известный критик Уильям Говард Гардинер, чья обширная статья о последних романах Купера была опубликована в июльском номере «Северо-американского обозрения» за 1826 год. Индейцы Купера, утверждал Гардинер, «…Никак не списаны с жизни, это создания поэтического мозга, смутное видение возбужденного воображения… Автор целиком положился на описания энтузиаста и мечтателя Дж. Геквелдера, чей труд – всего лишь панегирик достоинствам его любимого индейского племени и содержит наряду со множеством интересных фактов чистый вымысел… Мы были бы рады узнать, к примеру, в каком племени и в какой период индейской истории процветал такой цивилизованный воитель, как Ункас?..»

Интересно отметить, что тот же Гардинер в своей предыдущей статье о творчестве Купера («Северо-аме-риканское обозрение», июль 1822 г.), явно обращаясь к писателю, выражал надежду, что «мы действительно надеемся увидеть тот день, когда более сложное творение – современный исторический роман – будет воздвигнут во всей своей самобытной элегантности и мощи на американской почве и из чисто американских материалов».

И вот теперь, когда такой современный американский исторический роман наконец-то появился, тот же критик не сумел разглядеть в нем именно то творение чисто американского происхождения, за создание которого он сам еще не так давно ратовал. Гардинер забыл и о том, что именно ему принадлежал совет Куперу при описаниях индейцев опираться на труды не кого-нибудь иного, как Джона Г.Э. Геквелдера.

Конечно, Купер в известной мере идеализировал своих индейцев. Как отмечали американские литературоведы, он превратил конец XVIII века в свое «романтическое прибежище», в котором он с радостью поспешил укрыться. Прошлое он видел смягченным дымкой времени. «Сумерки – могучий волшебник, –

подчеркивал известный историк американской общественной мысли В.Л. Паррингтон, – и Купер поддался волшебству сумеречного освещения, окружавшего мягким ореолом хорошо знакомое ему прошлое».

Некоторые рецензенты романа сокрушались, что Ун-кас и Кора не смогли соединить свои судьбы, и считали их гибель искусственной и ненужной. Купер и сам хорошо знал, что читатели предпочитают благополучный конец: одна-две свадьбы в конце романа только прибавляют книге притягательности. Однако писатель предпочел не подлаживаться под читательские вкусы, а следовать исторической правде жизни, как он ее понимал и видел.

Это следование исторической правде характерно для всего романа. Замысел писателя заключался не в том, чтобы достоверно показать конкретные перипетии Семилетней войны между англичанами и французами за владение колониями, а в том, чтобы отразить историческую трагедию индейских племен, «исчезающих под напором или вторжением цивилизации, как опадает листва их родных лесов под наступлением мороза». Купер писал, что в центре романа он хотел поставить индейцев – этот «замечательный народ», – «на войне отважный, кичливый, коварный, беспощадный, готовый к самопожертвованию; в мирное время – справедливый, великодушный, гостеприимный, мстительный, суеверный, скромный и обычно целомудренный».

Читатель видит, как под напором буржуазной цивилизации исчезает многовековой жизненный уклад целого народа, как рушатся, казалось бы, незыблемые устои, на которых века зиждилось благополучие индейцев. И в этом смысле смерть красавицы Коры и храбреца Ункаса, этого «последнего из могикан», олицетворяет неизбежность трагического конца этого гордого народа, не сумевшего найти свое место в новых исторических условиях, обреченного на полное уничтожение в когда-то принадлежавшей ему стране.

«Последний из могикан» – вершина творческого гения Купера, выдвинувшая его в число тех немногих властителей человеческих дум, чье влияние и значение никак не уменьшаются с течением времени. Все новые и новые поколения читателей в самых разных странах и самого различного социального положения с душевным трепетом следят за приключениями смелого Ункаса, восторгаются храбростью Соколиного Глаза и житейской мудростью Чингачгука. Название же романа стало устойчивым нарицательным словосочетанием, получившим новую самостоятельную жизнь на многих языках.

В то время, как «Последний из могикан» печатался в

типографии, Купер задумал написать еще один роман и также об индейцах. В ходе работы над «Последним из могикан» и после он, как мы уже отмечали, неоднократно встречался с группами индейцев, направлявшихся в столицу страны, чтобы «выкурить трубку мира» в вашингтонских залах власти. Ехали они из-за реки Миссисипи и рассказывали о своем житье-бытье охотно, если замечали в слушателе подлинный интерес. Купер был благодарным слушателем, он не только с интересом вникал в рассказы о незнакомой ему жизни в прериях, но и подмечал манеру поведения, обращал внимание на одежду, обувь, отмечал неожиданные вспышки злости или радости. Он выслушивал длинные рассказы об охоте на буйволов и о схватках между враждующими племенами, о лесных пожарах и бесчисленных погонях за противниками.

Сам Купер не бывал западнее Ниагарского водопада и поэтому с известным сомнением принялся за роман, действие которого должно было происходить в прериях за рекой Миссисипи. Было и еще одно, более серьезное сомнение: выводить ли на страницах нового романа Натти Бампо? Как отнесутся читатели к его появлению в третьей книге? Сумеет ли он достойно изобразить стареющего охотника, приближающегося к концу своего жизненного пути? Но Натти уже занял прочное место в душе писателя. Он доведет жизнь Натти до логического завершения и уж тогда расстанется с ним навсегда. Весну и лето 1826 года Купер работал над новым романом.

Глава 6
ОТЪЕЗД В ЕВРОПУ

Между тем финансовое положение писателя благодаря успеху его книг за эти годы серьезно упрочилось. Крупные долги были почти полностью погашены, можно было подумать и о долгожданном путешествии в Европу, благо имелось достаточно средств, чтобы спокойно прожить там какое-то время всей семьей. К тому же напряженная работа последних лет пагубно сказалась на здоровье писателя, его мучили приступы лихорадки, он сильно похудел, болезненная бледность не сходила с его лица. Конечно, в Европу имело смысл ехать, если пробыть там несколько лет. Но важно за эти годы не потерять связь с родиной, не отвыкнуть от американских обычаев. Лучше всего было бы получить необременительное дипломатическое назначение, которое связывало бы его прочными узами с родиной. Помог нью-йоркский губернатор Клинтон. По его ходатайству в Вашингтоне подыскали для Купера подходящее назначение – консулом США во французском городе Лионе. Жалованья новому консулу не полагалось, но и обязанностей не было никаких, да и жить он мог в Париже или в любом другом европейском городе по своему выбору.

Готовясь к отъезду, Купер обращается к нью-йоркским городским властям с официальной просьбой изменить его фамилию и имя на Джеймс Фенимор Купер. Тем самым он выполнял обещание, данное матери, урожденной Фенимор, что добавит ее девичью фамилию к фамилии своего отца. В марте 1826 года городские власти приняли соответствующее решение, и с тех пор писатель всегда подписывался именем Джеймс Фенимор Купер – именем, под которым он известен всему миру.

Перед отъездом Купер также улаживает свои дела с американскими издателями. Дело в том, что его постоянный издатель Чарльз Уайли, испытывавший серьезные финансовые трудности, скончался, и Купер передает права на издание всех своих произведений крупнейшим в то время американским издателям Карей и Ли из Филадельфии. Он старается добиться изменения авторского права с тем, чтобы оградить права американских писателей от так называемых пиратских изданий. Избранный членом палаты представителей конгресса США от штата Нью-Йорк, писатель Гуллиан К. Верпланк внес в Юридический комитет конгресса проект закона, который обеспечил бы права американских авторов. Однако проект этот не

был доведен до формального обсуждения и голосования и так и остался на бумаге.

Друзья и почитатели таланта писателя устроили ему торжественные проводы. Члены клуба «Хлеб и сыр» организовали 29 мая 1826 года прощальный банкет, на котором присутствовали губернатор штата Нью-Йорк Клинтон, губернатор штата Огайо Э.А. Браун, епископ Хобарт, видные литераторы, бизнесмены, ученые, друзья писателя. От имени собравшихся с напутственным словом выступил Чарльз Кинг, редактор ежедневной газеты «Нью-Йорк американ». Он пожелал, чтобы «здоровье и удовольствие» сопутствовали Куперу в отъезде и чтобы «попутный ветер способствовал его возвращению». В ответном слове Купер обещал своим доброжелателям, что его перо не будет бездействовать и за пределами родины.

На следующий день газета «Нью-Йорк американ» опубликовала пространное сообщение о банкете, перечислила его участников, дала изложение произнесенных речей. Как оказалось, банкет этот явился самым крупным общественным мероприятием, организованным в честь писателя на его родине за всю его жизнь.

В Европе в этот период доминировали государства Священного союза, созданного в сентябре 1815 года российским императором Александром I, Францем I Австрийским и Фридрихом-Вильгельмом III Прусским. В этот союз постепенно вошли все континентальные монархи, за исключением папы римского и турецкого султана. «Пустой и звонкий документ», как назвал австрийский канцлер Меттерних соглашение об организации Священного союза, тем не менее в течение 15 лет определял политику европейских держав и направлял ее на подавление революций и политического и религиозного свободомыслия, где бы и в какой бы форме они ни проявлялись. К середине 20-х годов XIX века начинают резко проявляться разногласия между Священным союзом и Англией, появляются трещины и между отдельными членами союза.

Путешествие через Атлантический океан на корабле «Гудзон» заняло 31 день. В Англии сделали двухнедельную остановку. Жена писателя с пятью детьми и племянником оставалась в Саутгемптоне, пока Купер ездил в Лондон, чтобы обсудить свои литературные дела с издателями. Первые впечатления от Англии у него сложились самые неблагоприятные. «Это чрезвычайно неприятная страна для любого иностранца, и американца в особенности… Если вы хорошо платите и много заказываете, вас окружает необычайное подобострастие, но если вы не соответствуете их требованиям в смысле денег, то вами пренебрегают и вас даже презирают. Это служит плохим

комплиментом стране наших праотцов, и мы были крайне рады выбраться отсюда».

В Париже Куперы сначала остановились в гостинице, но вскоре сняли хорошую большую меблированную квартиру в здании, на нижнем этаже которого размещалась школа для девочек, в которую Куперы определили и своих дочерей. «Вот мы и в Париже, – писал Купер знакомому в Нью-Йорк, – частично довольные, частично разочарованные, старающиеся приноровиться к странной стране, созданной из грязи и позолоты, хорошего настроения и постного супа, клопов и кружев». Своей сестре он писал, что в Париже его поразила «непостижимая мешанина претенциозности и скаредности, безвкусицы и грязи».

Статус американского дипломата открыл перед Купером двери высшего парижского общества, хотя, как отмечает писатель в своих письмах, на торжественных обедах его место всегда оказывалось в самом конце обеденного стола: послы и посланники, бароны и графы котировались выше, чем знаменитый писатель. «Люди здесь, похоже, удивлены самим фактом того, что американец умеет писать. Я твердо убежден, что девять десятых французской читающей публики и не представляет себе, что в Америке когда-либо создавались книги… Вы будете удивлены, узнав, что Вашингтон Ирвинг практически неизвестен здесь, и это несмотря на то, что он так долго здесь прожил. Его стиль и его юмор не поддаются переводу… А уж если книга способна высоко держать голову после того, как она была отдана на милость французского переводчика, то это значит, что в ней имеются и кости, и жилы».

Постепенно знакомясь с Парижем и его окрестностями, с его космополитическим высшим обществом, Купер продолжал упорно трудиться над новым романом, начатым еще в Нью-Йорке. Весной 1827 года роман был закончен, и в апреле он вышел в свет в Лондоне, а в мае – в Филадельфии. Новый роман назывался «Прерия», был он прямым продолжением «Пионеров» и рассказывал о событиях, происшедших через десять лет после того, как Кожаный Чулок, предав земле тело своего старого друга Чингачгука и попрощавшись с Эдвардом и Элизабет Эффингемами, ушел дальше на Запад. Теперь, «отягченный годами, он уже не охотник и не воин, он становится траппером, то есть звероловом, каких немало на Великом Западе. Стук топора прогнал его из его любимых лесов, и в безнадежной покорности судьбе он ищет прибежища на голой равнине, протянувшейся до Скалистых гор».

Случай сталкивает Натти с семейством скваттера Ишмаэла Буша, двигающимся на Запад в поисках новых земель. Не

признающие никаких законов, не прислушивающиеся к голосу совести Ишмаэл Буш и семеро его сыновей охвачены единственным желанием – как бы захватить земли получше и разбогатеть. Ради этой цели они не брезгуют никакими средствами. Натти Бампо – умудренный жизненным опытом, но все еще слишком доверчивый, не сразу разгадывает хищническую сущность Ишмаэла и его семейства. Из-за этого он попадает не в одну передрягу, прежде чем находит безопасное место среди солдат капитана Дункана Ункаса Мидлтона, оказавшегося внуком старых добрых знакомых Натти – майора Хейворда и Алисы («Последний из могикан»).

Среди друзей Натти – славный индейский воин по имени Твердое Сердце. В одном из своих писем Купер подчеркивал, что он лично хорошо знал индейца Петерлашароо, послужившего прообразом Твердого Сердца. «Этот человек был бы героем любой цивилизованной нации… Я ни в коей мере не приукрасил ни его физические данные, ни его невозмутимое хладнокровие».

Во Франции незадолго до этого вышел в свет роман Франсуа Рене де Шатобриана «Натчезы» – о быте и нравах северо-американских индейцев. В этой связи знакомые Купера обращали его внимание на то, что индейцы в его романе и в книге Шатобриана описаны по-разному. «Если господин Шатобриан изобразил индейцев по-другому, чем это сделал я, его просто ввели в заблуждение, – отвечал своим критикам Купер. – Он, вероятно, черпал свою информацию из книг старых французских авторов, изданных по меньшей мере полстолетия назад. Я же пользовался моими собственными источниками и моими личными наблюдениями. Конечно, мое описание не лишено поэтичности, как и подобает в романе, но в целом оно достаточно достоверно».

Интересно отметить, что полстолетия спустя Карл Маркс, характеризуя творчество Шатобриана, писал, что его отличают «фальшивая глубина, византийские преувеличения, кокетничанье чувствами, пестрая игра красок, чрезмерная образность, театральность, напыщенность – одним словом, лживая мешанина, какой никогда еще не бывало ни по форме, ни по содержанию».

После всех приключений и злоключений своей долгой жизни Натти Бампо умирает среди своих друзей. Предсмертные его слова обращены к капитану Мидлтону и индейцу Твердое Сердце, которые остаются с ним до последней минуты. Натти умирает, «как жил – философом-отшельником лишь с немногими недостатками, не знавшим пороков, честным и искренним, как сама природа».

Идеалист и романтик в своих помыслах, но реалист и

прагматик в повседневной жизни Натти Бампо, как он описан Купером в трех романах, – фигура трагическая. Он прекрасно понимает, что все, что ему дорого и мило, весь этот девственный мир природы, все это могущество земли и ее недр разрушается его соплеменниками, белыми завоевателями континента. Сам он под их натиском уходит все дальше и дальше на Запад, но даже в бескрайних прериях Великого Запада не может найти убежище. И здесь его настигает хищническая хватка скваттера Ишмаэла Буша. Натти некуда больше податься, ему не остается места на этой земле, и он покидает ее. Из жизни уходит философ естественного существования, проповедник равноправия всех людей независимо от цвета их кожи и расы. В памяти читателей навсегда останется образ этого правдолюбца, который сродни другому великому герою – рыцарю печального образа – хитроумному идальго Дон Кихоту Ламанчскому.

Натти Бампо олицетворял собой Америку, уходящую в прошлое, Америку наивную, благородную, чистосердечную, трудолюбивую, чуждую предрассудков. Эта Америка уходила под натиском нового поколения, представленного в романе Ишмаэлом Бушем и его семейством. Это совершенно другие люди – поклоняющиеся только богу богатства, чуждые страха и угрызений совести, верящие во власть оружия и топора. Они завоевывали Великий Запад огнем и мечом, не гнушаясь никакими средствами, не останавливаясь ни перед насилием, ни перед убийством ближнего.

Реалистично описав Буша и его методы захвата новых земель, Купер создал роман нравов, приоткрыв завесу над еще не таким далеким неприглядным прошлым своего народа. В этом смысле «Прерия» – роман не только остроприключенческий, но и социальный. Английский журнал «Нью мантсли мэгезин энд юниверсал реджистер» в рецензии на роман отмечал: «Действующие лица романа в большинстве своем настолько же грубы и примитивны, как и окружающая их природа… Из них наиболее оригинален Ишмаэл Буш, один из авантюристов-скваттеров, и его семеро сыновей. Невежественные, ленивые, тупые, но наделенные недюжинной физической силой, они способны под влиянием момента принять решение и пустить в ход всю свою энергию… Но наиболее популярным героем, вероятно, станет старый траппер, уже известный читателям господина Купера… Он подан весьма скупо и просто. Его отличительные черты – страсть к кочевой жизни и любовь к вольным лесным просторам. Полное хладнокровие перед лицом опасности сочетается в нем с более глубоким пониманием ценности человеческой жизни, чем у его друзей-индейцев. Ему

свойственно почти отеческое сочувствие ко всем несчастным и бездомным… И когда он умирает, мы теряем старого друга и горько сожалеем о том, что нам уже никогда не придется встретиться с ним в новых романах».

Купер, как и его английский рецензент, считал, что история жизни Натти Бампо им уже полностью рассказана и что он больше не будет к ней возвращаться. Три романа о Натти Бампо, но его мнению, представляли собой «законченную серию романов, описывающих американскую жизнь. Герой одного является героем всех трех, только показанный в совершенно различных ситуациях. И разведчик из «Могикан» становится охотником в «Пионерах» и траппером в «Прерии». Все три романа можно издать вместе под одним общим заглавием».

Оценивая романы Купера, тот же безымянный рецензент «Нового ежемесячного журнала» писал: «Достоинства последнего, как и других произведений писателя, – в их безусловной национальной принадлежности. Их дух, как и их описания, – американские. Они принадлежат к ранней стадии развития литературы, которая однажды превратится в гигантскую… Это первые по-настоящему американские романы… Купер поистине подлинный американец. Его труды делают честь его стране».

Но, как это ни покажется странным, в родной стране писателя «Прерия» большого успеха не имела. Издатель Генри Ч. Кери сообщал писателю из Филадельфии, что роман вообще провалился. Однако в Европе, как видно из цитировавшейся рецензии, роман оценивался весьма высоко.

Во времена Купера Париж находился в самом центре европейских политических бурь. В самой Франции дворянско-клерикальный режим второй реставрации вызывал все растущее недовольство не только трудящихся масс, но и либеральной буржуазии. Экономическое развитие страны искусственно сдерживалось властями, что приводило к ухудшению и без того печального положения трудящихся. Буржуазия также была недовольна политикой властей, так как она ратовала за более быстрое развитие капитализма. Страна раздиралась противоречиями.

Купер, достаточно хорошо овладевший французским языком, встречался и беседовал со многими французами, внимательно следил за парижскими газетами. Он прекрасно понимал, что страна переживает тяжелый период. «Право, и не знаю, что сообщить тебе нового о событиях во Франции. Власти неусыпно наблюдают за происходящим, тверды и не испытывают страха, – сообщает он в одном из своих писем в июле 1827 года. – Народ – болтлив, ко всему придирается, но послушен… Однако абсолютно

точно, что в этом королевстве наблюдается очень широкое и весьма опасное недовольство. Время покажет, к чему все это приведет».

Внимательный, все замечающий, искушенный наблюдатель нравов и обычаев Купер не ограничивался их описанием в частных письмах. Уже вскоре после приезда в Париж он начинает регулярно отправлять статьи в нью-йоркскую ежедневную газету «Коммершиэл адвертайзер», с редактором которой Вильямом Литом Стоуном, он в те времена еще поддерживал дружеские отношения. В одной из таких статей дается описание большого королевского обеда, состоявшегося 1 января 1825 года по случаю Нового года.

«Как низко пали могущественные владыки! Кто из тех, кто помнит, какими величественными были монархи, скажем, еще пятьдесят лет тому назад, сможет узнать это непогрешимое, священное и почти сверхъестественное существо в нынешнем владельце трона Капетингов! Подводя итог, скажу, что королевский обед 1 января 1827 года был весьма богатым событием, если судить по количеству золота, бриллиантов, звезд и перьев, представленных на нем. Но это был просто жалкий спектакль, чтобы на нем представлять народу короля. Королевская власть не должна выставляться напоказ во время поглощения пищи… И для меня образ короля Карла X всегда будет ассоциироваться с тем, как он ест свой суп».

Купер постепенно и не без труда осваивался в непривычном для него парижском обществе. Прежде всего следовало оформить свой официальный статус дипломата. Полномочный министр США во Франции Джеймс Браун направил все необходимые документы министру иностранных дел Франции, и вскоре Купер получил уведомление от имени короля, согласно которому он официально признавался консулом США в Лионе. На основании полученной экзекватуры Купер назначил члена лионской торговой палаты Ахилла Франсуа Бускета консульским агентом США в Лионе и поручил ему ведение всех дел. Впоследствии Бускет был произведен в вице-консулы и оставался в этой должности и при преемнике Купера. Следует отметить, что назначение американского консула было с удовлетворением встречено торговой палатой Лиона, члены которой намеривались расширить свою торговлю с США.

Возложив исполнение консульских обязанностей на господина А. Бускета, Купер продолжил свои занятия литературой и, как мы уже знаем, вскоре закончил роман «Прерия». Вместе с тем он много времени уделял изучению французского этикета, французской литературы, издательской

практики и вообще жизни новой для него страны. Конечно, местные обычаи воспринимались не сразу, и из-за этого случалось немало недоразумений. Помогал писателю небольшой кружок друзей. Уже в первый день своего пребывания в Париже Купер получил приглашение от маркиза де Лафайета, с которым познакомился во время посещения им Соединенных Штатов. Активный участник войны северо-американских колоний за независимость, друг Б. Франклина и Д. Вашингтона маркиз де Лафайет сохранял добрые чувства к Америке и американцам. Для Купера он был настоящим воплощением республиканских идеалов, и, несмотря на большую разницу в возрасте, отношения Купера и Лафайета отличались подлинным взаимопониманием и дружбой. Историки отмечают, что из числа молодых людей, окружавших прославленного генерала, Купер, несомненно, был ближе всех ему и по духу, и по складу ума. Купер с семьей неоднократно бывал в имении Лафайета под Парижем, имел с ним долгие откровенные беседы о политическом положении во Франции и в Соединенных Штатах, о том, как в Европе неправильно воспринимают все американское.

Большую помощь Куперам на первых порах оказали полномочный министр США Джеймс Браун и его жена. Они не только ввели Куперов в круг дипломатических представителей, но и познакомили с некоторыми весьма интересными лицами. Среди них выделялась русская княгиня П.А. Голицына (Шувалова), в салоне которой Купер неоднократно бывал. Уже в одном из своих первых писем из Парижа писатель сообщал в ноябре 1826 года: «Княгиня Голицына по-прежнему весьма любезна, что очень нам полезно, так как у нее собирается лучшее французское и русское общество в Париже… Ее невестка, княгиня М.А. Голицына, внучка фельдмаршала А.В. Суворова, очень преуспела в музыке. Поверьте мне, что они устраивают прекрасные небольшие вечера».

Здесь уместно отметить, что внимание русского общества к американскому писателю не ограничивалось гостеприимством княгини П.А. Голицыной. В далекой России книги писателя к этому времени уже были известны читающей публике. В 1825 году в переводе с французского на русский язык был издан роман Купера «Шпион». Новый роман, содержащий в себе подробности американской войны с описанием нравов и обычаев сей страны». Правда, Московский цензурный комитет, давая 3 июля 1824 года разрешение на издание романа, исключил из второй и третьей частей книги несколько мест, которые показались цензору Дм. Тростину не вполне благонадежными.

23 ноября 1826 года Куперу нанес визит Вальтер Скотт. Вот

как сам Купер описывает эту встречу: «…Я спускался по лестнице нашей гостиницы, …когда встретил пожилого человека, подымающегося, как мне показалось, с трудом. Во дворе стояла карета. По всей фигуре и по выражению лица входившего, как и по виду экипажа, мне показалось, что посетитель приехал ко мне. Мне даже показалось, что его лицо мне знакомо, хотя я никак не мог вспомнить его имя. Мы разошлись, раскланявшись, и я уже выходил из двери, когда незнакомец вдруг остановился и спросил по-французски: «Не могу ли я видеть господина Купера?» – «Я – Купер». – «Мое имя Вальтер Скотт». …Мы пожали друг другу руки, и я поблагодарил его за оказанную честь. Мы проговорили около часа в моем кабинете… Затем я дважды завтракал с ним, он снова побывал у меня, и мы встретились еще раз у княгини Голицыной, которая устроила прием в его честь… На следующий день сэр Вальтер уехал в Лондон».

Активная светская жизнь не могла отвлечь Купера от работы над новым романом. На этот раз его мысли снова были заняты морской стихией и теми далекими временами, когда северо-американские колонии только еще набирали силу.

Лето 1827 года Куперы жили в небольшой деревушке под Парижем. Просторный дом стоял на берегу Сены, вокруг дома раскинулся большой сад, на самом берегу реки был деревянный настил и небольшой летний павильон. Купер любил работать в этом павильоне, здесь-то и были написаны многие страницы нового романа, который получил название «Красный корсар». В ноябре 1827 года он вышел отдельными изданиями в Париже и Лондоне, а в январе 1828 года – и в Соединенных Штатах Америки.

Романтическая, полная опасных приключений и таинственных превращений история молодого английского морского офицера Поля де Лэси, выступающего под вымышленной фамилией Уайлдер, и его спутниц переплетается в хитросплетении с судьбой таинственного Красного корсара, чей корабль «Дельфин» наводит страх на суда всех стран и во власти которого оказываются Поль де Лэси и его спутницы. Содержание книги в духе тех романтических историй о морских пиратах, которые в свое время вдохновили Джорджа Байрона на создание знаменитой поэмы «Корсар» (1813 г.).

Поль де Лэси не знает ни своего настоящего имени, ни происхождения. Он служит лейтенантом в английском королевском флоте под именем Генри Арк. Ему вместе с двумя простыми матросами – белым Ричардом Фидом и черным Сципионом Африканским – поручают выследить Красного корсара и проникнуть на его корабль «Дельфин». Под видом

торгового моряка Уайлдер де Лэси вместе с двумя матросами прибывает в крупный торговый порт Ньюпорт, расположенный на острове Род-Айленд. Купер хорошо знал гавань Ньюпорта, ему неоднократно приходилось бывать в ней на принадлежащей ему китобойной шхуне «Юнион». Поэтому и описание гавани и города изобилует точными деталями, которые убеждали читателей в правдивости рассказанной истории.

Де Лэси удается разыскать таинственный «Дельфин» и поступить на него офицером. По совету Красного корсара он вскоре устраивается капитаном на торговое судну «Каролина», где судьба его сводит с двумя пассажирками – молодой девушкой Гертрудой Грейсон и ее гувернанткой. «Каролина» гибнет во время бури, де Лэси и обе женщины спасаются на шлюпке и после долгих мытарств в бушующем океане оказываются на «Дельфине». У де Лэси налаживаются дружественные отношения с Красным корсаром, и тот рассказывает молодому моряку, что он когда-то служил на королевском флоте. Он был преисполнен лояльности к северо-американским колониям и однажды убил английского офицера, грубо выразившегося по их адресу. В результате он стал пиратом.

Так случилось, что однажды родной английский корабль де Лэси «Стрела» сблизился с «Дельфином», не зная, что это за корабль. Красный корсар, прикинувшись английским морским офицером, отправился на разведку на «Стрелу». Там он узнает, что офицер «Стрелы» по имени Генри Арк послан в качестве лазутчика на «Дельфин». Возвратившись на свой корабль, он решает повесить де Лэси. Но тут неожиданно выясняется, что молодой офицер – сын гувернантки, а сама она вдова известного моряка де Лэси. Красный корсар освобождает офицера, его мать и их молодую спутницу. Он распускает свою команду, сжигает «Дельфин» и исчезает.

Проходит двадцать лет. Умирающий Красный корсар переступает порог дома де Лэси, и тут выясняется, что он родной брат госпожи де Лэси и значит – дядя Поля де Лэси. Все эти двадцать лет он боролся за деле колоний. Романтично-трагический образ Красного корсара, именем которого назван роман, преисполнен таинственности. Его жизнь до конца остается загадкой для читателя, но его действия, какими бы ни были они жестокими и противозаконными, носят тоже ореол загадочности и объясняются какой-то неизвестной, но якобы высокой и благородной целью. Эта цель полностью раскрывается только на последних страницах романа – свобода северо-американских колоний.

История борьбы американских колоний за свою

независимость знает немало подобных людей, чье корсарство было первыми ласточками борьбы колоний за независимость. Один из таких знаменитых корсаров, прототипом которого послужил небезызвестный капитан Поль Джонс, выведен писателем в романе «Лоцман». В «Красном корсаре» Купер обращается к более раннему периоду американской истории и показывает, как и в каких условиях создавались характеры, подобные Лоцману, как эти «благородные корсары» в жестоких условиях необъявленной войны с флотами всех европейских держав пытались своими действиями служить делу борьбы за освобождение колоний. Но к этой благородной цели они шли кровавым и жестоким путем, с помощью головорезов и отъявленного сброда, ярким примером которого может служить команда «Дельфина».

В своем новом романе Купер исторически правдиво изобразил не только определенный этап борьбы американских колоний за свою независимость, но и реалистически обрисовал типичные образы участников этой борьбы – американских корсаров и приватиров, людей по-своему благородных, но оттого не менее жестоких и беспринципных. Личная судьба Красного корсара вызывает у читателей сочувствие, но методы его борьбы за справедливость, как он ее понимал, были жестокими и бескомпромиссными, такими, каким было его время.

Среди описанных в романе моряков обращает на себя внимание негр, бывший раб Сципион Африканский, которого его белый приятель Ричард Фид называет то «Гвинея», то «Золотой Берег», намекая на те районы Западной Африки, откуда работорговцы вывозили негров на американские плантации. Проницательный, отличный моряк-профессионал, играющий роль этакого простачка, Сципион – образ в известной степени символический. На военном корабле он равный среди равных. Ему вместе с белым моряком Ричардом Фидом доверено сопровождать офицера Арка на опасное секретное задание по выявлению корабля пиратов «Дельфин». Его сообразительность и сметка не раз выручают всю их группу. Такое изображение негра в американской литературе тех лет было явлением неординарным, знаменательным и свидетельствовало о глубоких демократических воззрениях автора книги, о том, что ему были чужды расовые предрассудки, весьма живучие в те годы на его родине.

Не только сам Купер, но и некоторые его нью-йоркские друзья были лишены расовых предрассудков и принимали участие в судьбе негров. Показательно в этом смысле письмо друга детских лет писателя Вильяма Джея от 5 января 1827 года.

Он рассказывает Куперу о последних политических новостях – переизбрании Клинтона губернатором штата, избрании Аарона Уорда членом палаты представителей конгресса США. В связи с Уордом Джей поведал Куперу следующую историю. Свободный негр по фамилии Хортон, служащий семейства Джона Оуэна из поселка Сомерс, поехал в Вашингтон по делам. Там его схватили и арестовали по подозрению, что он беглый раб с Юга. В газетах поместили объявление, что, если хозяин не заберет Хортона, он будет продан на аукционе, а выручка от продажи пойдет на оплату его «содержания в тюрьме».

Узнав об этом, В. Джей и еще несколько граждан устроили собрание жителей графства, на котором приняли резолюцию, требующую освобождения Хортона. Губернатор Клинтон поддержал их резолюцию и сопроводил ее со своим письмом президенту США. В результате Хортон был освобожден и вернулся домой. Конгрессмен А. Уорд в этой связи внес в конгресс США резолюцию, требующую строгого расследования обстоятельств ареста Хортона… «Горячие головы с Юга резко возражали против резолюции, – пишет В. Джей, – и довольно грубо обращались с Уордом, внесшим ее, но резолюция была принята большинством голосов, и таким образом Уорд добился своего, что говорит в его пользу. Граждане нашего графства направили в конгресс петицию, требующую ликвидировать рабство… Эта петиция, когда ее начнут обсуждать, может вызвать взрыв, но у меня нет никакого сомнения, что окончательный результат будет положительным».

В «Красном корсаре», помимо храбрых моряков, есть и другие герои – корабли и морская стихия. Совершенно разные рецензенты в разных странах обратили внимание на ту роль, которую в этом романе играют корабли. «Посмею заявить со всей смелостью, – писал в рецензии на роман в парижском журнале «Глоб» молодой французский критик Шарль Огюстен Сент-Бев, – что в этом романе корабли – два наиболее важных и наиболее сильных характера и что «Дельфин» более интересен, чем сам корсар».

Тот же Сент-Бев отмечал, что «никто не понимал океан лучше, чем Купер, – звуки его голоса и переливы его цветов, тишину его спокойствия и гром его шторма. Никто не передал с такой образностью и правдой чувства самого корабля и его преисполненную сочувствия гармонию с командой».

Такой же точки зрения придерживался и рецензент журнала «Лондон мэгезин»: «Корабль – главный герой этой истории, а мужчины и женщины – всего лишь вспомогательные аксессуары сюжета».

Подобно предыдущему морскому роману Купера – «Лоцману», его новый роман имел всеобщий успех и в Европе, и в Америке. Писатель получал немало писем, в которых рассказывалось, что именно эта его книга пробудила во многих в детстве интерес к чтению. Сам Купер считал, что в «Красном корсаре» ему лучше всего удались характеры действующих лиц и преисполненный драматизма диалог.

Успех романов Купера в Европе и, в частности, во Франции привел к тому, что его творчество становится неотъемлемой частью местной литературной жизни. Его романы не только рецензируются в местной печати, но критики сравнивают с романами Купера и произведения местных авторов, оценивают их на основе этих сравнений. Характерно в этом смысле письмо известного французского писателя Эжена Сю, посланное Куперу 3 марта 1831 года, то есть через несколько лет после приезда Купера в Париж. «Некоторые критики, – писал Эжен Сю, – больше из чувства доброжелательности, чем справедливости, оказали мне в наших газетах великую честь, сравнив одну из моих юношеских попыток с вашими замечательными и впечатляющими творениями. Я понимаю, что не могу принять подобные похвалы в отношении моего несовершенного произведения. Но скажу честно, что заслужить тяжелым и добросовестным трудом право на такое почетное сравнение станет постоянной целью моего честолюбия». Эжен Сю передал Куперу свой роман «Плик и Плок», который сам он охарактеризовал, как «очень сырое произведение».

Купер встречался с Эженом Сю, бывал у него дома, говорил с ним о литературе, о французской истории, об Америке и, конечно, о море, так как Эжен Сю, подобно Куперу, служил моряком.

Глава 7
АМЕРИКАНЦЫ И ЕВРОПА

Уже первый год пребывания Купера в Европе, внимательное чтение местных газет, многочисленные встречи и беседы с европейцами из самых разных стран привели Купера к мысли о том, что и в Англии да и в Европе в целом господствует крайне искаженное мнение об Америке и американцах. Он неоднократно обсуждает эту проблему с приезжающими американцами, с генералом Лафайетом. Многие соглашаются с выводами Купера. Генерал советует ему написать публицистическую книгу о своей родине, которая бы правдиво рассказала европейцам обо всем, что происходит в Америке.

«Я нахожу здесь такое дремучее невежество в отношении Америки, такое высокомерие в отношении нас, что каждой строкой своей новой книги я намерен живописать, а не просто рассказывать… – пишет Купер в январе 1828 года своему приятелю Чарльзу Уилки, президенту нью-йоркского банка. – Чем больше познаешь эти страны, тем больше переполняешься чувством любви к Америке. Конечно, если вы способны заглянуть за внешнюю позолоченную оболочку, которой здесь покрыто буквально все… Моя цель заключается в том, чтобы занять средний курс между общепринятой пустотой обычных путевых записок об Америке, в которых все необычайно скучно из-за полного отсутствия разнообразия, и высокопарностью и напыщенностью тех авторов, высокомерие которых не позволяет им иметь дело с чем-либо другим, кроме статистических данных и философских рассуждений».

Купер начал работать над своей новой книгой. Он задумал ее в форме путевых заметок некоего холостого джентльмена и намеревался дать в ней полный портрет американского общества и его институтов. С одной стороны, Купер хотел развеять ложные представления европейцев об американцах и их образе жизни, а с другой – он намеревался нарисовать картину американской демократии в действии, так, как он ее видел и понимал. Купер прекрасно отдавал себе отчет в том, что перо в руках умелого и умного писателя представляет собой силу не меньшую, чем та, которая сосредоточена в руках той или иной государственной личности. «Книги, – отмечал он еще в 1820 году, – в большой степени являются инструментами, с помощью которых контролируется общественное мнение таких наций, как наша. Они, подобно оружию, обладают силой, чтобы спасти или

разрушить».

Купер внимательно следил за борьбой между сторонниками монархий и либеральными республиканцами я во Франции, и в Англии. Он был убежден, что американские демократические институты способны оказать мощное влияние на те пути, по которым пойдет политическое развитие Европы. Поэтому ему хотелось в своей книге представить Америку и американцев в лучшем свете. Он тщательно изучает материалы и документы. Он приобретает два тома эссе «Федералист», созданных в 1787–1788 годах Гамильтоном, Мэдисоном и Джеем в защиту американской конституции, но впоследствии превратившихся в авторитетнейший источник, объясняющий общие принципы американской демократии и американской системы власти. Куперу казалось, что его соотечественники сами утрачивают понимание фундаментальных принципов, на которых зиждилась система американских демократических институтов. И своей новой книгой он хотел раскрыть американцам глаза на достоинства их собственного образа жизни.

Новая книга потребовала от ее автора значительно больше усилий, чем он предполагал. Куперу пришлось па несколько месяцев уехать в Англию, чтобы ускорить работу над книгой. «Ваш отец трудится весьма упорно, – сообщала из Лондона оставшимся в Париже дочерям жена писателя. – Он рано встает и иногда пишет до тех пор, пока не становится настолько возбужденным и нервным, что у него начинают дрожать руки».

Задумав свою книгу как удар прежде всего по предрассудкам и предвзятостям англичан, Купер не рассчитывал на слишком теплый прием в Англии. Однако лондонское общество встретило писателя довольно радушно. «Эти Джоны Буллы настолько вежливы и корректны по отношению к нему, что я боюсь, что он не посмеет оскорбить их, и это может уменьшить остроту его книги», – отмечала в одном из писем его жена. И действительно, Купер чувствовал себя не очень-то уютно в лондонских гостиных. Он был настолько преисполнен решимости подтвердить чувство собственного достоинства и готов резко ответить на любое явное или кажущееся проявление снисходительности, что хозяева терялись в догадках, что бы значило такое не совсем обычное поведение писателя, и относили все на счет его характера. Один из английских друзей писателя рассказывал, что когда Куперу однажды сказали, что его романы доставляют удовольствие англичанам, он резко ответил: «Я к этому никак не стремился».

Монархическая Англия в известной степени импонировала врожденным аристократическим предрассудкам писателя, но в то же время заставляла возмущаться его демократические

убеждения, тем более что в этот период все его помыслы были направлены на утверждение и прославление американских демократических идеалов. Виднейшие представители английской литературной общественности Вальтер Скотт, Томас Мур, Томас Кэмпбелл, Сидней Смит и другие крупные политические деятели устраивали в его честь обеды и приемы. «Он имел блестящую возможность познакомиться с английским обществом, но оно ему не понравилось» – такой вывод сделала жена писателя. 9 июня 1828 года после трех с половиной месячного отсутствия Куперы возвратились в Париж.

«Представления американцев, как их наблюдал путешествующий холостяк» вышли в свет в Лондоне в середине июня 1828 года. Американские издатели особого энтузиазма в отношении книги не изъявляли. «Мы думаем, что вы ошибаетесь в отношении того интереса, который ваша книга вызовет здесь, – сообщали писателю 17 июля 1828 года его американские издатели. – Чтобы вызвать большой интерес, необходим сарказм, и, как бы мы ни ворчали, мы предпочитаем читать книгу, которая нас бичует, чем ту, которая нас превозносит. Следует учесть и тот факт, что это плод трудов американца, а не мнение иностранца, исследующего наши институты. Наша общественность выступит против книги». Однако книга все же была издана в Америке через два месяца после того, как она вышла в свет в Англии.

В «Представлениях американцев» Купер попытался проанализировать американскую жизнь и американские институты со всех сторон и со всех точек зрения. Он пишет об американской избирательной системе и американской армии, о характере американских женщин и состоянии американской литературы, о становлении американского варианта английского языка и о повседневной жизни небольших поселений. Содержащиеся в книге статистические данные и факты соответствовали действительности, тем не менее она создавала приукрашенное, утопическое представление о характере американского парода и условиях его жизни. В ней ни слова не говорилось о тех экономических, социальных и политических процессах, которые назревали внутри нации. А ведь им суждено было определить направление дальнейшего развития американской демократии и в не таком уже далеком будущем привести к коренным изменениям традиционного образа жизни подавляющего большинства американцев.

Весьма интересны наблюдения Купера над применением и развитием английского языка в Америке. «Факт заключается в том, что народ Соединенных Штатов… в целом говорит на несравненно лучшем английском языке, чем население самой

матери-Англии… Как нация, мы говорим на нашем языке значительно лучше, чем любой другой народ. Если представить огромные территории нашей страны, то точность и единообразие в произношении и применении смысла слов покажутся поразительными. Это единообразие речи может быть объяснено только распространением интеллигентности и неутомимой активностью населения, которая сокращает любые расстояния».

Вместе с тем Купер выступал против насильного навязывания американцам искусственных английских стандартов в языке, ратуя за его свободное развитие. «Через одно-два поколения в этой стране будут пользоваться значительно более приемлемым английским языком, чем мы пользуемся сегодня… Я думаю, что тогда Англия захочет следовать нашему примеру так же, как мы следовали ее примеру двадцать пять лет тому назад».

Нужно отметить, что в этом же 1828 году известный американский ученый и общественный деятель Ной Уэбстер выпустил в свет первое издание своего ставшего знаменитым и существующим до сегодняшнего дня «Американского словаря английского языка». Поэтому то внимание, которое Купер уделил развитию английского языка в Америке, было отнюдь не случайным и отражало те общественные процессы, которые происходили в образованном американском обществе.

Естественно, что Купер в новой книге останавливается и на проблемах развития американской литературы. Прежде всего он отмечает крайне невыгодное экономическое положение американских авторов в своей собственной стране. Дело в том, что американские издатели не обязаны были платить гонорар английским авторам за опубликованные в США их труды. И уже одно это «имело тенденцию сдерживать развитие национальной литературы». Один крупный американский издатель уверял Купера, что в США не найдется и дюжины писателей, чьи книги он бы мог издать с твердой уверенностью в коммерческом успехе. И в то же время он перепечатывает буквально сотни книг английских писателей без малейшего сомнения в их доходности. Частично это объяснялось тем, что в США издавались лучшие английские книги, те, что уже получили одобрение и критиков, и читающей публики в самой Англии.

Другим препятствием для развития национальной американской литературы, по мнению Купера, являлась «бедность материалов… Нет исторических хроник для историков. Нет глупых недостатков (за исключением самых вульгарных и обычных) для сатириков. Нет характерных обычаев для драматургов. Нет таинственных преданий для романтиков. Нет серьезных безрассудных проступков против правил приличия для

моралистов. И никакой поэтичности… Здесь не найдется ни настоящего крестьянского костюма (да вряд ли здесь есть и сами крестьяне), ни парика для судьи, ни генеральского жезла, ни судейской шапочки».

Убеждение в том, что американская действительность – слишком проста, слишком обыденна, слишком пресна, а характеры американских граждан – слишком одномерны и ординарны, чтобы служить подходящим материалом для литературы, надолго пережило Купера. Его придерживались такие крупные представители американской литературы, как Натаниел Готорн и Генри Джеймс. Но их собственное литературное творчество, как и творчество Купера, свидетельствует об обратном.

Следует отметить, что в описаниях повседневной американской жизни Купер не всегда был объективным, многое он недоговаривал. Рассказывая о федеральной помощи индейцам он ни слова не говорит о той жестокости, с которой обращались с индейцами переселенцы и местные власти. Говоря о рабстве, он не находит ничего лучшего, как сослаться на исторический факт, что первыми рабовладельцами были европейцы. Он пытается оправдать грубость и плохие манеры многих своих соотечественников, очень мало пишет о нравах фронтира, всячески стремится приглушить варварские методы покорения новых земель.

Американские исследователи творчества Купера тем не менее считают, что «При всех недостатках «Представления американцев» являются блестящим описанием Америки третьего десятилетия XIX века. Книга заключает в себе нечто более ценное, чем точность и беспристрастность, – она передает подлинный смысл развивающейся цивилизации, взаимодействие ее институтов, манер, обычаев, местной политики, литературы, идеалов и господствующих физических условий».

Создавая свою первую публицистическую книгу, Купер преследовал по меньшей мере две цели. Во-первых, как мы уже говорили выше, он хотел представить европейцам Соединенные Штаты Америки в их истинном свете. Книга прежде всего была нацелена в англичан, чья предвзятость и высокомерие в отношении Америки и американцев возмущали писателя больше всего. Затем он хотел показать, какой должна была бы быть книга об американской действительности, написанная пером непредвзятого интеллигентного европейца. Именно поэтому путешествующий по Америке холостяк, через чье восприятие показывается страна, является бельгийцем. Правда, Купер приставил к нему местного гида, чистокровного американца по

фамилии Кадуолладер, ярого патриота, но совершенно неспособного дать серьезный анализ всего увиденного путешественником.

Неудивительно, что новая работа Купера сразу же вызвала поток критических замечаний в. английских журналах. «Нынешняя попытка господина Купера, хорошо известного американского романиста, представить в правильном свете его соотечественников, их манеры и институты, подверглась в этой стране предвзятому осмеянию со стороны некоторых критиков, а со стороны других – незаслуженной брани» – так охарактеризовал создавшееся положение 9 июля 1828 года рецензент лондонского журнала «Колбурнз нью мантсли мэгезин».

Журнал признает, что отношение к Америке и американцам в Англии в то время было резко отрицательным. «Любовь американцев к своей стране рассматривается как преступление, а любовь к свободе где бы то ни было как ужасная ересь… Достоинства Америки отрицаются, факты преднамеренно искажаются, недостатки преувеличиваются… Эти злобные стрелы направлены не против американцев как таковых, а лишь против их свободных и активных институтов».

Критики обвиняли писателя прежде всего в непомерном расхваливании своей страны. Один из рецензентов в этой связи писал: «Неужели он виновен в преступлении, когда утверждает, что женщины его страны так же прекрасны, как и представительницы любой другой нации?» Как мы уже отмечали, описание американской действительности у Купера действительно изрядно приукрашено и идеализировано, однако английские критики не стремились к непредвзятому анализу книги, а пытались уничтожить ее путем высмеивания и передергивания фактов…

Другим грехом писателя считали предвзятость по отношению к Англии. Отвечая на эти обвинения, тот же рецензент «Колбурнз нью мантсли мэгезин» писал: «В двух томах новой книги Купера нет и половины того предубеждения в отношении Англии, которое можно найти в любой статье журнала «Куотерли» в отношении Америки. Господин Купер – человек с воображением и к тому же романист, и он часто употребляет превосходную степень там, где достаточно простого сравнения. Именно в этом его крупнейшая ошибка».

Резкой критике новая работа писателя подверглась в престижной лондонской «Литерари гэзетт». По утверждению ее рецензента «Представления американцев» являлись «весьма видным образцом надутой напыщенности, высокомерного тщеславия и непревзойденного хвастовства». Рецензент выбрал

все эпитеты, которыми писатель наградил своих соотечественников, и перечислил их в своей статье. «Читатели должны будут признать, что американцы (мы используем только эпитеты самого писателя) являются наиболее активными, сообразительными, предприимчивыми, мудрыми, непорочными, цивилизованными, либеральными, вежливыми, просвещенными, чистосердечными, умеренными, прекрасными, верными, свободными, целомудренными, благонравными, добродетельными, простыми, сильными, здоровыми, мужественными, великодушными, справедливыми, интеллигентными, благоразумными, доброжелательными, честными, независимыми, храбрыми, внимательными, мыслящими, хорошо воспитанными, возвышенными, благородными, бескорыстными, безупречными, замечательными и все еще совершенствующимися (и это самое большое чудо из всех, если учесть, что они уже настолько подобны сверхчеловеку и самому Господу Богу) людьми, которые когда-либо существовали или будут существовать на Земле. Аркадия также похожа на Америку, как свинарник на дворец; Эльдорадо – всего лишь бедная и жалкая пустыня; да и сам рай – всего лишь огород…»

В заключение автор статьи выражал уверенность, что и в самой Америке «здравый смысл отвергнет это бахвальство и галиматью с большей издевкой и антипатией, чем это можно ожидать в любой другой части света… Подобное отвратительное хвастовство противно каждому читателю, не лишенному вкуса и благоразумия».

В таком же тоне была выдержана и рецензия в широко известном журнале «Эдинбург ревью», полностью перепечатанная в США. Неудивительно, что на родине писателя также не появилось ни одной статьи в его защиту. При этом американцы были задеты той характеристикой, какую писатель дал американской демократии. Купер отмечал, что она создает уравниловку и посредственность, граждане США отличаются порядочностью, приличием, компетентностью, даже интеллигентностью, но ни в коем случае не исключительностью: «Что крестьянин приобретает, то настоящий джентльмен теряет». Купер отметил ту же ограниченность американской демократии, на которую через несколько лет обратит внимание французский социолог и историк Алексис Токвиль в своей широко известной работе «О демократии в Америке». Токвиль писал, что «извращенная склонность» к равенству низводит всех до уровня массы и в конце концов приводит к «равенству в рабстве».

Купер в этот период внимательно следил за серьезными статьями об Америке, появлявшимися на страницах европейских

изданий, ж отвечал па многие из них. Показателен в этом смысле следующий случай. Известный экономист и историк, один из основоположников мелкобуржуазной политической экономии Жан Шарль Сисмонди (1773–1842) в 1827 году опубликовал в парижском журнале «Ревью Энциклопедию) статью, в которой, в частности, обращал внимание на взрывоопасную расовую обстановку в США и призывал американские власти к большей расовой терпимости и к подлинному равноправию между расами. Купер посчитал, что Сисмонди излишне драматизирует обстановку, и он ответил ему письмом, которое было опубликовано в очередном номере журнала.

Когда в феврале Купер отправлялся в Лондон, он рассчитывал, что летом он совершит длительное путешествие по маршруту Амстердам – Гамбург – Ганновер – Киль – Копенгаген – Норвегия – Швеция – Санкт-Петербург – Москва – Варшава – Берлин – Париж. Однако его пребывание в Лондоне затянулось. Пришло сообщение о смерти тестя, и, конечно, Купер не мог и помышлять о том, чтобы в этих условиях оставить жену одну на несколько месяцев. К удовольствию жены и детей, Купер отказался от своих планов и взамен решил вместе с семьей провести лето в Швейцарии. Подготовка к путешествию затянулась, и только 20 июля семейство Куперов на дилижансе прибыло в пригород Берна, где они сняли удобную каменную виллу.

Купер к этому времени задумал новый роман из жизни индейцев, однако красоты окружающей виллу природы звали его к путешествию, и вместо романа писатель решает написать путевые заметки о Швейцарии. Уже через несколько дней после приезда Куперы всем семейством отправились в первое путешествие по стране, которое заняло четыре дня. В конце августа они едут в северо-западные кантоны, останавливаются в Цюрихе и Люцерне. В первой половине сентября Купер с гидом отправляется пешком по центральной Швейцарии, за десять дней он проходит более 300 миль. В конце сентября писатель посещает Лозанну и Женеву.

Во время своих путешествий Купер внимательно осматривает развалины, слушает предания и легенды. В один из дней гид обратил внимание писателя на отдаленную скалу. Когда-то на ней стоял замок Роденфлухов. У владельца замка было два сына. Когда владелец умер, старший находился в дальней стране, и замок и земли унаследовал младший. Прошло несколько лет, старший брат вернулся и потребовал свою долю наследства. Младший не захотел делиться наследством, братья схватились в жестокой схватке, и один из них был убит. Но и другой вынужден

был бежать из страны, бросив все свое имущество. Он погиб вдали от родных мест в безвестности.

«Слушая эти романтические легенды, – писал в своем дневнике Купер, – всегда следует помнить, что цивилизованность этих старых баронов была ненамного выше цивилизованности вождя племени могауков, да и богатство и власть были примерно такими же… Необходимо немалое доверие и известная доля неведения, чтобы сохранить высокое уважение к так называемым древним фамилиям».

Посещал Купер и исторические места. Надолго запомнилось ему короткое посещение Констанцы, где в 1414 году проходил церковный собор, на который был вызван Ян Гус – национальный герой чешского народа, проповедник, идеолог чешской Реформации. Он надеялся на соборе в открытом споре с церковниками защитить свое учение. За свою жизнь он не опасался, так как имел охранную грамоту императора Сигизмунда I. Но грамота ему не помогла, его заточили в тюрьму, осудили как еретика и сожгли на костре.

Констанца – «чистый, просторный, но выглядящий пустынным город, известный состоявшимся здесь церковным собором и судом над Гусом», – записывает в своем дневнике писатель. – «Показывали деревянную клетку, имитирующую настоящую каменную, – менее чем три фута шириной, футов десять в длину и футов семь-восемь в высоту. Говорят, что это точная копия той, в которой содержали Гуса».

Купер любуется открывающимися видами. «Контраст между белыми домами и зеленью лесов и полей, как его видишь в пасмурный сырой день, вероятно, наиболее совершенное сочетание цветов швейцарской природы», – записывает он в дневнике 15 сентября 1828 года. Обращает он внимание и на одежду людей, на общественные правы. Вот он встречает паломников в церкви: «Грязь, болезни, невежество». Прогуливается по улице – и новая запись: «Пьянство здесь не редкость. Видел пьяную женщину». Увидел озеро, новые мысли: «Видел несколько мест, которые сильно напоминают окрестности озера Отсего».

Однако картины местных нравов, красоты природы и живописные древние развалины не могли отвлечь писателя от мыслей о своей последней книге, от взаимоотношений между американцами и европейцами. «Не сообщу тебе ничего нового, если скажу, что европейцы оценивают нас слишком низко, – пишет он 16 августа 1828 года из Берна своему другу Лютеру Бредишу. – Они думают, что раз они живут в рамках старых выпестованных институтов и как индивидуумы существуют

дольше, чем мы, то и знают они больше… Я думаю, что мы будем предметом общей антипатии во всей Европе именно в силу того, что мы пользуемся преимуществами, которые время и судьба отняли у них… Хотя европейцы в целом слишком поглощены своими собственными делами, чтобы думать или заботиться о нас, это никак не относится к их правительствам. Если бы Англия и Франция не ненавидели друг друга, они бы объединились политический воспользовались бы первым же подходящим случаем, чтобы силой сокрушить нас… Европа накануне великих потрясений».

На вилле Купер наслаждался тишиной, любовался видом Берна с его собором и часовой башней. Он помнил, что именно на этой вилле его парижский знакомый Жозеф Бонапарт провел часть лета после знаменитой битвы при Ватерлоо. По свидетельству дочери писателя Сюзан, он все время находился в состоянии какого-то «не поддающегося описанию поэтического вдохновения».

Осенью 1828 года Купер официально ушел в отставку со своего поста американского консула в Лионе, «устав от этого высокого отличия, которое ничего мне не дает». В это же время Купер решает переехать на юг, сменить «гордыню одиночества» на «яркость красок итальянского тепла». 8 октября 1828 года семейство Куперов на коляске с четверкой лошадей, сопровождаемые фургоном с парой лошадей, покидает Берн и направляется на юг. Путь их лежит во Флоренцию. Дорога предстояла длинная и небезопасная. Поговаривали, что на этом пути путешественники нередко подвергаются нападениям бандитов. К счастью, путешествие проходило вполне благополучно. По дороге сделали несколько остановок. Одна из них была в Милане, где путешественники осмотрели знаменитый миланский собор Дуомо, величественный вид которого привлек их внимание еще на подъезде к городу, и другие достопримечательности. 22 октября Куперы прибыли во Флоренцию.

Вскоре они сняли часть замка Рикасоли и обосновались в его высоких, отделанных деревом комнатах с отличными каминами и элегантной мебелью. Купер с детства любил сидеть у горящего камина и наблюдать за игрой огня. Обычно он сам складывал дрова в камине одному ему известным способом и с наслаждением наблюдал, как медленно разгорается пламя. Бережливые итальянцы, холодными зимними вечерами собиравшиеся у Куперов, восторженно реагировали на ярко горевшие камины, этот обычай они считали типично американским.

«Когда по вечерам мы опустим гардины на окнах, разожжем яркий огонь в камине, вокруг которого соберутся наши детишки, а иногда к нам присоединится и кто-либо из приезжих американцев, мы чувствуем себя настолько уютно, что я представляю себя дома» – так описывала эти вечера своей сестре жена писателя. Купер наслаждался осмотром картин, скульптур, архитектуры, знакомством с новыми интересными людьми. Но не меньше его интересовали положение простых граждан, их повседневная жизнь и работа, возможности для образования, роль властей.

Каждое утро писатель работал в своем кабинете. Еще в Париже он задумал роман из жизни индейцев и ранних американских поселенцев – пуритан. Купер работал над ним в Париже, в Швейцарии, и вот теперь роман был закончен. Необходимо было опубликовать небольшое количество экземпляров на английском языке, чтобы разослать их издателям в Англии, Америке, Франции, Германии. Но оказалось, что сделать это не так-то просто: во всей Италии не было английских наборщиков. Наконец Куперу сообщили, что есть возможность издать книгу в Марселе. Он тут же отправляется в Марсель.

Но и в Марселе удалось найти всего лишь одного наборщика, способного работать на английском языке. Купер не хотел долго оставаться в Марселе, вдали от своей семьи. Он договаривается с наборщиком, что тот поедет с ним во Флоренцию и будет работать там под непосредственным наблюдением писателя. Проблема заключалась лишь в том, что наборщик был глухонемым. Но другого выхода у писателя не было. Вместе с наборщиком он возвратился во Флоренцию, выделил ему комнату в своем доме и начал работу. К сожалению, набор продвигался очень медленно, наборщик часто впадал в такое состояние, что вообще не мог работать, п вскоре от его услуг пришлось отказаться. Выручил библиотекарь герцога, который нашел издателя. Вскоре книга была набрана, отпечатана, и ее листы были отправлены издателям в Лондон, Париж и Филадельфию.

Новый роман писателя назывался «Плакальщица из Виш-тон-Виша» и был посвящен событиям в американском штате Коннектикут во второй половине XVII века. Действие начинается в 1666 году в небольшом поселке Виш-тон-Виш в семействе старого колониста Марка Хиткота, в доме которого работает пленный молодой индеец. Во время одного из налетов индейцев на селение молодой индеец исчезает, захватив с собой маленькую внучку Хиткота Руфь.

Проходит десять лет. Снова поселок Виш-тон-Виш подвергается набегу индейцев, которым руководит индейский

вождь Конанчет – бывший работник Хиткота. Самого Хиткота с семейством индейцы забирают в плен. Оказывается, что жена индейского вождя – это внучка Хиткота, носящая теперь имя Нарра-матта. Она и ее муж спасают Хиткотов от смерти. Однако об этом узнает верховный индейский вождь, и по его приказу Конанчета казнят. Нарра-матта погибает вместе со своим мужем. Вскоре от горя умирает и ее мать – «Плакальщица из Виш-тон-Виша».

Как свидетельствует дочь писателя, сочетание Виш-тон-Виш на одном из индейских наречий означает название небольшой птицы козодоя жалобного. Английским издателям это название не поправилось, и они выпустили книгу под названием «На границе». В Англии роман до сих пор издается под этим названием.

Марк Хиткот – пуританин. Купер никогда не был поклонником пуритан и их религии. Но он по достоинству ценил их мужество, расчетливость, трудолюбие, упорство в достижении целей, их простые жизненные устои. Знал Купер и о той существенной роли, которую пуританские колонии Новой Англии сыграли в становлении североамериканского независимого государства. Поэтому выбор героев нового романа не мог быть случайным.

Обращает на себя внимание образ индейского вождя Конанчета. Автор наделяет его такими высокими качествами, как благородство, деликатность, великодушие, терпимость. Взяв себе в жены белую женщину, он тем самым обрекает и себя и ее на гибель. Купер показывает, что межрасовые браки в Америке того периода не могли завершиться благополучно. К теме межрасовых отношений писатель еще не раз вернется в своих произведениях.

Интересно отметить, что двумя годами раньше писательница из штата Массачусетс Катарина Седжуик опубликовала роман «Хоуп Лесли, или Давние времена в Массачусетсе», в основу которого положена похожая история. Находившийся в Европе Купер не читал романа Седжуик и ничего не знал о нем. Как отмечает дочь писателя, вероятно, они оба черпали свои истории из древних преданий и рассказов о ранних поселенцах.

Единственная американская рецензия на «Плакальщицу из Виш-тон-Виша» появилась в феврале 1830 года в журнале «Сатзерн ревью», издававшемся на юге страны в городе Чарльстоне (штат Южная Каролина) известным адвокатом и государственным деятелем Хью С. Ле-гаром. Рецензент уже в первой строке заявил, что «Это произведение является неудачей». По его мнению, писатель «топчется на поле своих былых успехов», навязывая читателям «скуку» и лишая их надежды на что-то

новое. Рецензент призывал писателя «оставить поле, которое уже ничего не сможет произвести при его методе обработки». Он также обвинил Купера в том, что он попросту имитирует Седжуик и романы Скотта. Это было самое критическое выступление о романах Купера в американской печати 20-х годов XIX века.

Жизнь Куперов во Флоренции шла своим чередом. Хотя писатель «избегал принимать приглашения лордов, герцогов и принцев, чем обижал их», как свидетельствует жена Купера, ему все же приходилось поддерживать отношения как со многими иностранцами, жившими во Флоренции, так и с американцами, которых бывало во Флоренции немало. Поведение многих соотечественников вызывало возмущение писателя. «Скупость и мелочность, которые мне пришлось наблюдать среди некоторых наших граждан, просто делают меня больным, – пишет он знакомой в Америку. – А что вы думаете об американцах – к тому же дамах, – которые в Париже посещают званые вечера небезызвестного печальной памяти шпиона капитана Генри! Они знают, что я не стесняюсь говорить во всеуслышание о такой постыдной низости, и, конечно, жаждут мести».

Купер, как известно, был весьма щепетилен в вопросах чести, и поэтому его так возмущало отношение многих его соотечественников к капитану Джону Генри. Ирландский рыцарь удачи, он в 1809 году поступил на службу к канадскому генерал-губернатору и был послан в штаты Новой Англии с заданием доносить о всех фактах недовольства населения федеральным правительством. Позднее он за 50 тысяч долларов раскрыл американским властям заговор, имевший целью отделить штаты Новой Англии от Соединенных Штатов и создать из них конфедерацию, пользующуюся поддержкой Великобритании. В 1812 году Джон Генри уехал во Францию, где и обосновался. Отношение Купера к подобным рыцарям наживы без стыда и чести было однозначным, и он не мог простить своим соотечественникам заигрывания с такими людьми.

В то же время именно во Флоренции Купер познакомился со многими американцами, которых в этот город привела любовь к искусству, стремление усовершенствовать свое мастерство. Одним из них был бостонский скульптор Горацио Гриноу, который предложил писателю сделать его бюст. За год до этого известный парижский скульптор и медальер Пьер Ман Давид д'Анже изваял бюст Купера. Однако писатель был заинтересован в поощрении отечественных талантов, поэтому он не только согласился на новый бюст, но и заказал Гриноу мраморную скульптурную группу. Так как Гриноу никогда раньше групповых скульптур не делал, он настоял на том, что заказ будет считаться

выполненным только в том случае, если и сам скульптор и заказчик останутся довольны его работой.

Было решено, что скульптор попытается передать в мраморе сцену, изображенную на одной из картин кисти Рафаэля. Работа скульптора понравилась Куперу, весьма высоко оценил ее и известный флорентийский скульптор Лоренцио Бартолини. «Насколько я знаю, это первая групповая скульптура, изваянная американским скульптором… – писал Купер в мае 1829 года Джеймсу де Кей, активному члену клуба «Хлеб и сыр», большому любителю искусств. – Для нашей страны приобретение хорошего скульптора отнюдь не пустяк. Из всех искусств искусство скульптора, пожалуй, нужно нам больше всего. Монументы и архитектурные украшения больше соответствуют вкусам нашего народа из-за своей доступности и осязаемости, чем другие виды искусства… Существует теснейшее взаимодействие между всеми средствами национального процветания… Если мы хотим соперничать с европейскими промышленниками в области художественных промыслов, то мы должны воспитывать вкус… Европа находится в затруднительном положении. В Англии они тешат себя тем, что все их беды происходят от перепроизводства. Но ведь Джон всегда крайне изобретателен, когда нужно презирать свои недостатки, и крайне глуп, чтобы увидеть прогресс других народов. Что касается американцев, то я здесь вижу их мало, а знаю и того меньше».

Горацио Гриноу был человеком небогатым. Свое второе путешествие в Италию в 1828 году он совершил благодаря богатому бостонскому торговцу Томасу Перкинсу, который предоставил молодому скульптору право бесплатного проезда на своем корабле до Гибралтара. Во Флоренции Гриноу нуждался в средствах, и встреча с Купером помогла ему решить его финансовые проблемы. «Фенимор Купер, – писал впоследствии Гриноу, – спас меня от отчаяния во время моего второго приезда в Италию. Он предоставил мне работу, которую я хотел и которая была мне необходима. Он относился ко мне с добротой и сердечностью отца».

Достаточно поездив по Европе, побывав во многих городах и в нескольких странах, Купер не мог без смеха вспомнить те россказни посетивших Европу американцев, которые ему приходилось выслушивать в Нью-Йорке. Похвальба и заносчивость соотечественников выводили его из себя.

31 июля 1829 года Куперы покинули Флоренцию и па двух экипажах отправились в Ливорно. По дороге они остановились в Пизе, поднялись на знаменитую падающую башню. Купер внимательно осмотрел башню и решил, что она так была

построена первоначально. В Ливорнском порту Купер прежде всего обратил внимание на корабли: «Один американский в порту и три на якоре. Десять английских. Много из Сардинии… Три русских… вероятно, из Одессы. Они – среди лучших кораблей, находящихся в порту».

В Ливорно на протестантском кладбище был похоронен сослуживец писателя коммодор Томас Гамбл. Купер посетил его могилу и написал затем стихотворение в память о своем товарище. В порту Купер нанял феллуку, на которой все семейство отправилось в Неаполь.

Тридцатитонная посудина «Прекрасная генуэзка» имела команду из десяти человек. Это обстоятельство весьма удивило писателя. «Мне самому пришлось быть одним из одиннадцати моряков, включая офицеров, которые провели корабль водоизмещением триста тонн через Атлантический океан», – отмечал в этой связи Купер. Пять дней морского путешествия с заходами в небольшие прибрежные городки, включая посещение острова Эльбы, пролетели быстро, и наши путешественники прибыли в Неаполь.

«Нелепо сравнивать нью-йоркскую бухту с неапольской, – записывает Купер 9 августа 1829 года в своем дневнике. – Неапольская, безусловно, сильно впечатляет окружающими горами, игрой света и тени на отрогах, и всем этим сочетанием гор, воды, света и тени. Нью-Йоркская же лучше оборудована, как порт, и окружена со всех сторон сушей. Только Гудзон и его скалистые берега, пожалуй, могут сравниться по красоте с Неаполем, да и то они сильно проигрывают перед неапольским побережьем. Хотя в нью-йоркской бухте есть места, с которых открывается прекрасный вид на обе реки, морские проливы, берега, и эта картина превосходит любой морской вид в Неаполе».

Через несколько дней Куперы обосновались в Сорренто, в старом большом доме, который называли вилла Торквато Тассо в честь родившегося по преданию в этом доме итальянского поэта. Писатель ежедневно работал над новым романом, который он начал еще на даче под Флоренцией. Роман назывался «Морская волшебница, или Бороздящий океаны», он снова переносил читателей в так любимую Купером морскую стихию. В центре романа – пират и контрабандист по прозвищу Бороздящий океаны. Романтическая история его приключений, похищения и спасения двух богатых наследниц рассказана писателем на фоне жизни приморского городка Нью-Йорка в конце XVII века.

Действие романа начинается, когда Бороздящий океаны, капитан небольшой быстроходной бригантины «Морская

волшебница», похищает красавицу Алинду де Барбери, наследницу богатого нью-йоркского торговца.

В погоню за бригантиной отправляется небольшой английский корвет, капитан которого Ладлоу добивается руки Алинды. «Морская волшебница» уходит от своего преследователя, а на английский корвет нападают два французских военных корабля. Бороздящий океаны видит, что корвету приходится туго, и решает идти ему на помощь. Французские корабли разбиты, и Бороздящий океаны возвращает свою пленницу капитану Ладлоу. Благодарный капитан предлагает Бороздящему океаны защиту английских властей, но тот предпочитает на «Морской волшебнице» уйти в океан навстречу новым приключениям.

Купер идеализирует в романе и Нью-Йорк конца XVII века, и его богатых торговцев, и отношения между белыми и неграми. Но есть в романе реалистические описания и сцены, достойные пера автора. Это прежде всего описания моря, кораблей и морских сражений. Интересен и образ почтенного торговца Бевероута, для которого смысл всей жизни заключается в получении прибыли. Вот он рассказывает, как сделанные в Англии бусы он меняет на меха у индейцев, как продает эти меха герцогине в Германию, а его пальцы автоматически откладывают на счетах полученную прибыль. И становится ясно, что главное удовольствие для него заключается не в путешествиях через леса и к индейцам и не в плавании через океан с мехами, а в тех цифрах, которые он откладывает на счетах и которые говорят о его доходах.

Купер намеревался издать роман в Риме, как обычно, небольшим тиражом на английском языке, чтобы отправить его тут же своим обычным издателям в Америке, Англии и других странах. Книга была набрана и отправлена в цензуру. День проходил за днем, а разрешения на издание книги все не было. После нескольких попыток удалось наконец-то получить ответ: разрешения на печать романа не будет, так как одна строка на второй странице вызвала резкие возражения итальянских властей. Строка эта была следующая: «Да и сам Рим можно отличить только по разрушенным храмам и упавшим колоннам».

Куперу ничего не оставалось, как забрать рукопись из цензуры и попытаться издать книгу в другой стране. Удалось это сделать в Дрездене. А вскоре роман был издан и в Англии и в США.

Первой на новый роман Купера откликнулась «Нью-Йорк миррор» – еженедельная газета, освещавшая жизнь высшего общества, а также проблемы литературы и искусства. В декабре 1830 года она опубликовала рецензию, принадлежавшую перу Чарльза Силсфилда, беглого монаха из Моравии, который

обосновался в Швейцарии и оттуда совершил несколько длительных путешествий в США. «Один из недостатков нашего автора, – писал Силсфилд, – заключается в том, что он повторяет самого себя и представляет на суд читателя второе издание тех же самых героев. Ничто не может быть более похоже друг на друга, чем «Красный корсар» и «Бороздящий океаны». Просто невозможно представить себе, что одно произведение не является простым пересказом другого. И каждый читатель неизбежно увидит это тождество, несмотря на то, что они отличаются ростом и цветом волос. «Морская волшебница» – это тот же прекрасный корабль, что мы видели в «Красном корсаре». И в каждом романе одна и та же скрытная девица, действующая в той же сомнительной роли… Наш автор, безусловно, умеет писать по-английски, хотя его стилю и недостает простоты и краткости».

Небезынтересно отметить, что Чарльз Силсфилд путешествовал по США в качестве торговца и журналиста и в 1828 году издал три книги об Америке. Одна из них – роман из индейской жизни «Токеа, или Белая роза» – была написана под явным влиянием романов Купера.

Находясь в Сорренто, Купер поддерживал активную связь со скульптором Горацио Гриноу, продолжавшим свои занятия во Флоренции. «Что нам сейчас нужно, – писал Купер в ноябре 1829 года, – это талантливые люди, способные дать пашей стране атмосферу изысканности и уверенность в себе. Мы должны разорвать цепь умственной зависимости, которая превращает нас в рабов, и начать думать самим. Три четверти оценок и мнений Европы традиционны и приняты, чтобы служить обстоятельствам, которые они не могут изменить, как бы им этого ни хотелось. А наши политические и религиозные пуритане готовы проглотить все, что ни говорится в Европе, конечно, если они сами остаются свободными от необходимости платить церковную десятину или склонять голову перед королями… Во всяком случае, абсолютно невыносимо, что группа людей второго сорта дома пытается представить дело таким образом, что они выражают мнение нации на том только основании, что эти олухи, побывав в нескольких странах, претендуют на исключительность. В истинном таланте нет ничего исключительного. Он ниспослан природой и апеллирует к ней же».

Интересно сравнить эти суждения писателя и другие подобные им, которые он высказывал в письмах близким друзьям и знакомым, с теми, которые он излагал в своих «Представлениях американцев» и которые, как мы видам, были изрядно приукрашены и продиктованы понятным стремлением представить свое отечество и его граждан в наилучшем свете. Сам

же писатель видел свою страну в истинном свете и никак не обольщался ни ее успехами, ни ее демократическими устоями.

Купера заботит будущее молодого скульптора. Узнав, что англичане советуют ему уехать в Англию, Купер резко возражает: «Ни один человек в здравом уме, в вашем возрасте не оставит молодую и процветающую страну, чтобы уехать в другую, где конкуренция достигла грани безумия и которая сама уже приходит в упадок». Что же касалось утверждений о том, что Англия способна создать скульптору репутацию, то Купер не без оснований считал, что скульптору или художнику в Италии добиться хорошей профессиональной репутации легче, чем в Англии.

Писатель пешком и на лошадях путешествует по окрестностям Сорренто, осматривает развалины древних построек и недавно построенные дома простых граждан. На лодке он едет на прибрежные острова, подымается на высшую точку острова Капри. Дома он внимательно прочитывает местные газеты, интересуясь всем, что происходит в мире. Вести из-за океана приходят редко. «Я вряд ли видел хоть одну американскую газету за последние несколько месяцев, – жалуется он в письме американскому дипломату Роберту Р. Хантеру, – ничего не знаю, что происходит дома. Если у вас есть, что рассказать нам, мы будем вам весьма признательны».

Его волнуют сообщения из Франции и Англии, из далекой России, которая воевала с Турцией и «чья армия находилась у ворот Константинополя». Но, конечно, больше всего Купера беспокоили вести из Франции. «Не сошел ли с ума Карл X? Неужели он думает, что Полиньяк способен утихомирить этих неистовых французов?.. Все французы, с которыми мне приходится встречаться, в бешенстве от позиции Англии, так как считают, что во всех переменах к худшему виноват Веллингтон. Самое худшее, что может быть для правительства Политика, – это если его начнет расхваливать английская пресса. Подобное чтение способно привести французов в ярость».

Купера возмутила статья известного английского публициста Уильяма Коббета, опубликованная 22 августа 1829 года в его еженедельнике «Политикал реджистер». «…Если освобождение Греции, предоставление свободы черным, независимость Южной Америки, как бы все эти действия ни согласовывались – и согласовывались довольно точно – с абстрактными принципами права и справедливости, если они все же будут опасными для Англии, если они хотя бы в малейшей степени будут способны уменьшить ее мощь, ослабить ее влияние в мире в будущем или же поставить под угрозу в какой-либо степени ее безопасность, то

святой обязанностью английского правительства будет решительно выступить против подобных действий».

«Читали ли вы утверждения Коббета по поводу того, что надлежит предпринять Англии, чтобы сохранить ее господство на море и в торговле? – спрашивает Купер в письме к Горацио Гриноу. – Высказанное им и есть тот несправедливый принцип, на основе которого английское правительство действует вот уже 400 лет. И при этом оно еще все время читает нравоучения».

Глава 8
ПОЛИТИКА И ЛИТЕРАТУРА

В первых числах декабря 1829 года Куперы распрощались с Сорренто и на лошадях отправились в Рим. Путешествие заняло пять дней. После короткого пребывания в гостинице они переехали в комфортабельную квартиру, из окон которой открывался вид на площадь Святого Петра и на реку Тибр. Писатель сразу же начал осматривать город.

«Нет нужды говорить о Риме, – сообщал Купер в письме жене своего друга Питера Джея. – Рим – все еще Рим, со своими руинами, своим положением, своими воспоминаниями. Первое знакомство с Римом потрясает, подобное чувство можно испытать лишь раз в жизни… Я никогда не забуду моего первого впечатления от Рима… Рим следует осматривать не торопясь, на досуге. И если хотите его осмотреть хорошо, то отправляйтесь верхом. Ежедневно в полдень я садился па лошадь и в некоторые дни по пять-шесть часов не слезал с седла. И город буквально врезался в мою память со множеством детален, которые я надеюсь никогда не забыть. Что касается римского общества, то это смесь разных национальностей, по все же преобладают англичане. Их можно найти всюду в Европе, где есть хоть что-то достойное внимания. Я стараюсь встречаться с ними как можно меньше, ибо кому же хочется иметь дело с ними за пределами Англии».

Купер незадолго до этого прочел рецензию Уильяма Эмпсона на «Представления американцев», опубликованную в журнале «Эдинбург ревью» за июнь 1829 года. В ней автор сравнивал книгу Купера с трехтомным «Путешествием по Северной Америке», принадлежащим перу английского морского офицера Базиля Холла, вышедшем в свет в этом же году. Сравнение было далеко не в пользу Купера. Писатель счел необходимым ответить письмом в редакцию журнала, в котором, как он сам признавал, «присутствовали некоторые политические нюансы… имеющие отношение к Америке и Англии…»

Хотя Купер, как мы видели из его письма госпоже Джей, был больше заинтересован в исторических памятниках Рима, чем в его высшем обществе, тем не менее ему приходилось встречаться и со своими согражданами и с иностранцами. По просьбе соотечественников он председательствовал на патриотическом обеде в день рождения первого американского президента Джорджа Вашингтона, принимал участие в званых обедах и

ужинах.

Среди его новых знакомых были люди известные и даже знаменитые. Одним из них был великий польский поэт, деятель освободительного движения Адам Мицкевич, вместе с которым Купер часами осматривал священный город. Знакомство с Мицкевичем оказало известное влияние на Купера, позволило ему лучше понять цели польского освободительного движения, подтолкнуло впоследствии к активным действиям в поддержку этого движения.

В этот период Купер познакомился с известным датским скульптором Бертелем Торвальдсеном, одним из крупнейших представителей позднего классицизма, занимавшим в то время пост президента римской Академии святого Луки. В числе знакомых Купера были лорд и леди Уильям Расселл, немецкий ученый и дипломат Христиан фон Бунсен и другие известные в то время лица. Леди Элизабет Анна Расселл была одной из образованнейших женщин своего времени. Она хорошо владела греческим и латинским языками, могла объясняться на иврите и санскрите. Это ее воспел Джордж Гордон Байрон в поэме «Беппо. Венецианская повесть»:

> Но лишь одна, взлетев с последним танцем,
> Одна могла смутить восток румянцем.
> Не назову красавицы моей,
> Хоть мог бы: ведь прелестное созданье
> Лишь мельком я встречал среди гостей.
> Но страшно за нескромность порицанье,
> И лучше имя скрыть, а если к ней
> Вас повлекло внезапное желанье, —
> Скорей в Париж, на бал! – и здесь она,
> Как в Лондоне, с зарей цветет одна.[1]

Вряд ли случайно именно леди Расселл послала Куперу только что вышедшую в Лондоне книгу английского поэта Томаса Мура «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни». Куперу книга не понравилась, хотя он и не относил себя к числу поклонников Байрона как человека. «Что касается вашего фаворита Мура, – писал он леди Расселл, – то придет время, когда ему захочется вычеркнуть из памяти все, что его связывает с этой книгой, за исключением, пожалуй, гонорара».

Купера беспокоило положение в Европе. «Прямо не знаю, что сказать тебе о Европе, кроме того, что она в очень плохом положении, – сообщает он Чарльзу Уилки 9 апреля 1830 года. – Во Франции назревает кризис… Народ Франции, точнее – та его

часть, которая участвует в голосовании, будет управлять королевством, или же она вызовет революцию. Герцог Орлеанский уже готов взойти на трон, а кроме того, есть молодой Бонапарт в том возрасте, когда каждый готов выступить, если потребуется».

Крупные перемены происходили не только в Европе, но и в самих Соединенных Штатах Америки. На президентских выборах 1828 года кандидат южан Эндрю Джексон одержал победу над кандидатом северян, шестым президентом страны Джоном Куинси Адамсом и стал седьмым президентом США. Э. Джексон на выборах выступал в качестве борца за демократию и выразителя воли народа в противовес ставленнику аристократии Дж. К. Адамсу. Уже в своем первом годичном послании конгрессу в декабре 1829 года Э. Джексон подчеркивал, что «право избрания главы исполнительной власти принадлежит народу». Далее он еще раз обращал внимание на то обстоятельство, что «первый принцип нашей системы – править должно большинство». Как показала жизнь, Э. Джексон понимал волю большинства весьма своеобразно, отождествляя ее с собственной волей.

Ознакомившись с посланием Э. Джексона в американских газетах, Купер писал Чарльзу Уилки: «Думаю, что вы должны признать, что г-н Джексон направил конгрессу весьма хорошее послание. Могу заверить вас, что во всей Европе считают, что оно оказывает честь и ему и всем нам. Мне оно кажется разумным, проникнутым духом конституции, демократическим и вразумительным. Я сильно склонен поверить в перемены».

В конце апреля 1830 года Куперы покидают Рим и направляются в Дрезден, где писателю удалось найти издателя для «Морской волшебницы». Путешествие заняло без малого месяц, по дороге Куперы останавливались в Болонье, Венеции, Вероне, Инсбруке, Мюнхене. Германия вначале Куперам не понравилась, сказывалось незнание языка, отсутствие хороших знакомых да и длительное пребывание вдали от родного дома. Они начали серьезно подумывать о возвращении в Америку. Однако были и серьезные мотивы в пользу того, чтобы продлить пребывание в Европе еще на пару лет. «Мои младшие дети как раз начинают пользоваться преимуществами своего пребывания здесь, и было бы неразумно лишить их этого так рано, – делится своими мыслями Купер с Питером Джоем. – Они уже маленькие лингвисты, а вскоре вообще будут весьма прилично говорить на четырех языках. Поль начинает читать на трех языках… Он говорит по-французски и по-итальянски лучше, чем по-английски… Прожив девятнадцать месяцев в Италии, мы оставили ее с сожалением. Италия и Швейцария – единственные

две страны, стоящие того, чтобы пересечь океан, чтобы их увидеть. Мы находим Германию неинтересной после тех стран, что мы покинули».

Политические бури, разыгрывавшиеся в эти годы на Европейском континенте, вызывали у писателя желание докопаться до сути происходящих событий, понять скрытые пружины действий той или иной группировки. Он снова и снова возвращается к этим проблемам в письмах друзьям и знакомым. Показательно в этом смысле уже цитировавшееся нами письмо Питеру Джею, посланное из Дрездена 15 июля 1830 года.

«Право, и не знаю, что написать тебе о Европе. Думаю, что все движется к кризису… Чтобы ты понял природу конфликта, остановлюсь на некоторых деталях. На этом континенте все разделено на две крупные партии. Они называются по-разному в разных странах, но их цели и устремления всюду одни и те же, с небольшими поправками на сугубо местные обстоятельства. Одна сторона борется за то, чтобы пожать плоды революции, другая пытается уничтожить эти плоды… Двигающая пружина всего этого, как ты сам понимаешь, собственные интересы… Все жаждут сохранить свои монополии… Английская система рассматривается во всей Европе… как направленная на сохранение всех аспектов монополии под предлогом защиты либерализма и свободы… Две основные цели Англии – это сохранить свою монополию как государства и одновременно сохранить господство своей аристократии».

Купера беспокоят также сообщения об интригах Англии, направленных на ослабление и даже расчленение Соединенных Штатов Америки. «Я абсолютно уверен, что Англия в настоящее время интригует в наших южных штатах с тем, чтобы отторгнуть их от США», – делится он своими опасениями в том же письме. Для таких подозрений у Купера были весьма веские основания. Английская «Курьер» опубликовала со ссылкой на газету штата Южная Каролина план расчленения США на пять независимых друг от друга частей: Новая Англия, Средние Штаты, Южно-Атлантические штаты, Западные штаты и Юго-Западные штаты. Купер не без оснований полагал, что подобная идея вряд ли может прийти в голову американцу. Такое развитие событий было бы выгодно только Англии: «Она хочет нас разодрать на мелкие части ради своих собственных интересов!»

События июльской революции, свергнувшей власть династии Бурбонов во Франции, заставили Купера покинуть Германию (одному, без семьи) и побыстрее возвратиться в Париж. Писатель предвидел общее развитие событий во Франции, но, конечно, не мог знать, что послужит толчком к ним. Непосредственным

поводом к июльской революции послужили опубликованные 26 июля 1830 года королевские ордонансы. В соответствии с ними распускалась палата депутатов, избирательное право ограничивалось земельным цензом, ужесточались ограничения против прогрессивной прессы. Массовое вооруженное восстание рабочих и ремесленников, поддержанных мелкой и средней буржуазией и передовой интеллигенцией, привело к смещению правительства Полиньяка и к отречению Карла X от престола. Власть в Париже перешла в руки «муниципальной комиссии», в которую входили крупные деятели умеренно-либерального крыла крупной буржуазии. Важную роль играл маркиз Лафайет, возглавивший возрожденную национальную гвардию.

Лафайет – «по общему мнению сейчас наиболее могущественный человек во Франции, – сообщал жене 21 августа 1830 года Купер в своем первом письме по прибытии в Париж. – Все соглашаются с тем, что он мог бы сделать себя главой правительства. Перед ним заискивают, ему льстят, его боятся и уважают». К тому времени, когда Купер писал свое письмо, новым королем французов уже был провозглашен герцог Орлеанский Луи-Филипп, тесно связанный с крупными банкирами.

Некоторые американские историки полагают, что после отречения Карла X Лафайет мог бы провозгласить республику и сам стать ее президентом. Но этого не произошло, Лафайет поддержал создание конституционной монархии. Однако новая конституция, или – как ее называли – «Хартия 1830», не предоставила права голоса широким массам и мелким собственникам, хотя и снизила имущественный и возрастной цензы для избирателен. Власть в стране окончательно перешла от дворянства к финансовой буржуазии.

Июльская революция привела в движение освободительные силы в ряде стран Европы. Бельгийцы восстали против власти голландского короля. В ноябре 1830 года вспыхнуло восстание в Польше против царизма. Наблюдались волнения в центральной Италии. Купер был в курсе всех событий. Его близость к Лафайету позволяла ему изнутри увидеть все происходящее во Франции. Поначалу он, как и большинство находящихся в Париже американцев, считал, что «Лафайет здесь – все. Он фактически держит судьбу Франции в своей руке… Похоже, что он и король доверяют друг другу. По его словам, король намного демократичнее, чем его министры».

Однако Купер вскоре мог сам убедиться, что и доверие короля к Лафайету и его показная демократичность – не более чем поза, продиктованная обстоятельствами. Посещая вместе с Лафайетом королевский дворец, бывая на аудиенциях у Луи

Филиппа, писатель не мог не заметить, что популярность Лафайета среди народных масс вызывает недовольство и самого короля, и его ближайшего окружения. Пройдет еще несколько месяцев, и в конце декабря 1830 года пост Лафайета будет ликвидирован, и сам он останется генералом без армии.

Тем временем жена и дети писателя вернулись из Германии, и Куперы обосновались в двухэтажной квартире в фешенебельном районе города. Жена Купера хотела остановиться в более дешевой гостинице с тем, чтобы летом можно было уехать в Швейцарию, но Купер не согласился, говоря, что в гостиницах ему не хватает воздуха. Он теперь много времени проводил за письменным столом, начав работу над новым романом.

На этот раз писатель обратился не к хорошо знакомой ему американской истории, а решил изобразить события, разыгравшиеся в Европе конца XVII – начала XVIII века. Толчком к написанию этого романа, получившего название «Браво», послужило краткое пребывание в Венеции весной 1830 года. На писателя Венеция произвела глубокое впечатление – ее каналы и гондольеры, подымающиеся из воды старинные дома, узенькие улочки, величественная площадь Святого Марка, дворец дожей, мост вздохов. Он с интересом углубился в историю Венецианской республики. Современная писателю Европа, сотрясаемая революциями и войнами, стремящаяся к республиканскому правлению, подталкивала к созданию романа политического, в какой-то мере отвечающего нынешним размышлениям писателя. Ему казалось, что в истории Венецианской республики он найдет ответы на волнующие его вопросы.

История любви неаполитанского герцога Камилло Монфорте и богатой знатной венецианки Виолетты рассказана на фоне жизни, быта и нравов вольного города Венеции. На пути Камилло и Виолетты к счастью стоит всесильный венецианский сенат, не желающий, чтобы богатая наследница вышла замуж за иностранца и лишила тем самым город своих богатств. Судьба Камилло и Виолетты переплетается с судьбой тайного агента сената Якопо Фронтони и его возлюбленной Джельсомины. Якопо, пытаясь облегчить судьбу своего несправедливо брошенного в тюрьму отца, выдает себя за браво – наемного полицейского убийцу, на которого списывают не одно политическое убийство.

Любовная интрига в романе служит путеводной нитью по хитросплетениям коридоров власти, по замысловатым переплетениям венецианских каналов и человеческих судеб. Со страниц романа встает, пользуясь определением В. Белинского, «коварная, мрачная кинжальная политика венецианской

аристократии». Не случайно и сам Купер подчеркивал, что «цель этого произведения – политическая».

События июльской революции 1830 года во Франции, очевидцем которых был Купер, не только произвели на пего большое впечатление, но и поставили перед писателем целый ряд вопросов, которые требовали прямого ответа. Каковы возможные пути развития буржуазной республики? Обратившись в своем романе к временам венецианской аристократической республики, в которой властвовала финансовая и торговая буржуазия, Купер как бы приоткрывает завесу над одним из возможных путей дальнейшего развития республики в Европе и Америке. Показав корыстные низменные цели правителей вольного города Венеции, писатель разоблачает царившие в нем ложь, насилие, лицемерие и подкуп. Тем самым Купер как бы предупреждал о тех опасностях, которыми угрожало его родине нарождающееся господство олигархии финансистов и торговцев.

Камилло и Виолетта благополучно избегают расставленных сетей и убегают из Венеции. Погибает Антонио, друг Якопо. Чтобы успокоить разбушевавшиеся страсти, сенат обвиняет Якопо в гибели Антонио и приговаривает Якопо к казни. В истории жизни и смерти простого венецианца Якопо Фронтони, как в капле воды, отразились самые низменные закулисные стороны деятельности буржуазной республики. Купер не проводил в своем романе исторических параллелей, не делал прямых сравнений между Венецианской республикой и Соединенными Штатами Америки, он как бы просто рассказывал романтическую историю двух влюбленных, лишь изредка отвлекаясь, чтобы «познакомить читателя с особенностями государственного устройства страны, о которой мы рассказываем…».

Писатель подчеркивает, что Венеция – республика. И тем не менее «основу венецианской политики составляли сословные различия, ни в коей мере не определявшиеся волей большинства. Власть, хотя и не принадлежавшая одному человеку, была здесь наследственным правом в не меньшей степени, чем в странах, где она открыто признавалась даром провидения. Сословие патрициев пользовалось высокими и исключительными привилегиями, которые сохранялись и поддерживались с чрезвычайным себялюбием и всеми средствами».

Как видим, Купер не делал слишком большого различия между властью в монархическом государстве и в стране с буржуазно-демократическим устройством, в которой отдельный человек «по воле случая мог сосредоточить в своих руках власть самого ужасного и деспотического свойства». Современные исследователи творчества писателя считают, что подобные

выводы были вызваны не только всем происходящим в Европе, но в известной мере определялись и мыслями о дальнейшем развитии событий в самих Соединенных Штатах Америки. Постепенный переход власти в США в руки финансовых тузов и коммерсантов вызывал внутренний протест у писателя, который полагал, что исконная земельная аристократия более приспособлена к тому, чтобы править государством, чем новоявленные выскочки на ниве банковского дела и коммерции.

Конечно, политические взгляды Купера не отличались точностью и противоречили историческому ходу развития буржуазно-демократического государства. Но он видел и понимал заключающуюся в этом государственном строе опасность для простых граждан страны, видел возможности для злоупотребления властью и своим романом ненавязчиво предупреждал об этом многочисленных читателей.

Роман первоначально увидел свет в Англии в октябре 1831 года, затем был переведен на французский и немецкий языки, вскоре вышло и американское издание. В Европе роман был хорошо встречен и критиками и читателями. Английский поэт и эссеист Ли Хаит опубликован весьма положительный отзыв в журнале «Тэтлер». «Ни к одному из предыдущих романов г-на Купера, насколько мы помним, не проявлялось такого сильного и такого длительного интереса, как к этому», – отмечал Ли Хант. Сравнивая в этой же статье Купера со Скоттом, английский критик приходит к выводу, «что американец имеет преимущества: его романы более интересны, его женщины более привлекательны и его герои обладают большей силой воли».

На родине писателя критическая направленность «Браво» против республики не осталась незамеченной. В июне 1832 года ежедневная газета «Нью-Йорк американ» опубликовала рецензию, подписанную псевдонимом Кассио. В ней писатель обвинялся в «неясности мотивов, повторении самого себя, корыстных побуждениях, плагиате, бессодержательности» и других смертных грехах, а сам роман назывался «бесплодной попыткой истощившегося гения». Весьма критически отозвался о романе и еженедельник «Нью-Йорк миррор».

Статья в «Нью-Йорк американ» была опубликована в переводе с французского, и Купер долго пытался разгадать, кто же все-таки скрывается под шекспировским псевдонимом Кассио. Впоследствии оказалось, что автором этой статьи был знакомый писателя, корреспондент газеты в Париже Эдуард Шерман Гоулд. Писателя не мог не огорчить тот факт, что подобная статья была опубликована в газете, которую редактировал его добрый знакомый Чарльз Кинг, активный член нью-йоркского кружка

«Хлеб и сыр». Кто знает, может быть, читая в «Нью-Йорк американ» нападки на свой новый роман, Купер невольно с горечью вспомнил речь Чарльза Кинга, которую тот произнес на торжественном обеде по случаю отъезда писателя в Европу. Именно Кинг произнес первый тост за отъезжающего: «За нашего коллегу и друга Джеймса Фенимора Купера. Пусть здоровье и удовольствие будут его спутниками в отъезде, и пусть попутные волны ускорят его возвращение!»

Прошло какое-то время, и в феврале 1833 года газета «Нью-Йорк коммершиэл адвертайзер» прямо обвинила писателя в том, что его роман проповедует «социальные и политические идеи» определенного сорта. И на этот раз статья была представлена как перевод с французского. Писателя не могло не задеть утверждение, содержащееся статье: «Мы ясно отдаем себе отчет в том, что Купер давным-давно перестал быть жителем Америки и она уже не вызывает в его душе никаких воспоминаний». И далее статье говорилось: «Мы глубоко уверены, что даже проправительственные партии во Франции не будут стремиться атаковать нас, если американцы, проживающие за рубежом, станут придерживаться такого же воздержания от вмешательства в политику, какого мы требуем от европейцев в Америке». Так роман «Браво» стал явлением по только литературной, но и общественно-политической жизни США.

Между тем Купер вопреки столь ясно выраженному совету нью-йоркской газеты все глубже погружался в волны европейской политики. Теперь его помыслы были заняты Польшей. 29 ноября 1830 года в Школе подхорунжих в Варшаве члены тайного шляхетского военного общества подняли восстание. К нему присоединились тысячи ремесленников и рабочих города, польские воинские соединения. 30 ноября восставшие захватили Варшаву, русские войска покинули город. Так началось польское восстание 1830–1831 годов, охарактеризованное Ф. Энгельсом как «консервативная революция», так как власть в правительстве в конце концов оказалась в руках консервативной шляхетской верхушки.

Купер, хорошо знавший Адама Мицкевича, принял польские события близко к сердцу. Он председательствовал на собрании американских граждан 9 июля 1831 года, на котором была принята резолюция в поддержку польских повстанцев, проведен сбор денежных пожертвований в их пользу и принято «Обращение к американскому народу» с призывом оказать посильную материальную помощь полякам. В начале сентября обращение это было опубликовано во многих американских газетах. В результате в Париж на имя генерала Лафайета, который был избран

казначеем, поступили крупные денежные суммы из Нью-Йорка, Бостона, Уэст-Пойнта и других городов Америки. 28 октября 1831 года проживавшие в Париже американцы создали Американский польский комитет, членом которого был избран и Купер.

Корреспондент газеты «Нью-Йорк миррор» в Париже Натаниель Паркер Уиллис писал, что в эти годы дом Купера в Париже превратился в «центр республиканских симпатий», котором «многие известные, но обедневшие польские беженцы имели возможность съесть единственную за сутки горячую пищу и в который приходили все кого интересовали благородные принципы их борьбы».

Как известно, польское восстание 1830–1831 годов потерпело поражение. 3 сентября 1831 года русские войска вошли в Варшаву. Американский польский комитет в Париже еще почти год оказывал помощь польским беженцам, а затем прекратил свое существование. Заключительный доклад комитета, подписанный Купером в качестве исполняющего обязанности его председателя, был опубликован в американских газетах в сентябре 1832 года. В ноябре 1832 года польские эмигранты во Франции избрали Купера членом-корреспондентом польского литературного общества.

В эти же годы Купер оказался в центре одной финансовой дискуссии, принявшей явный политический характер. Еще в своих «Представлениях американцев» он с цифрами в руках пытался доказать, что американская система власти обходится налогоплательщикам намного дешевле, чем правительственные учреждения любой другой страны. Генерал Лафайет неоднократно ссылался на выводы Купера в своих речах в Палате депутатов при обсуждении правительственных бюджетов. Консервативные министры Луи Филиппа рады были бы опровергнуть Купера с чисто прагматических позиций – приближалось очередное обсуждение бюджета, и они предвидели трудности с его одобрением.

В этих условиях в журнале «Ревью Британик» появилась статья некоего Луиса Себастьяна Солниера, в которой начисто опровергались данные Купера и утверждалось, что расходы на содержание правительственных учреждений в США значительно выше, чем во Франции и других странах. Либерально настроенные друзья Купера советовали ему ответить Солниеру. Купер поначалу отнесся к статье в «Ревью Британик» как к очередному неквалифицированному суждению европейца об Америке и решил оставить статью без ответа. Но тут к нему обратился генерал Лафайет.

«Именно Вам надлежит выступить в защиту республиканских

институтов, – советовал Лафайет, – чтобы откорректировать определенные намеки, содержащиеся в прилагаемой статье. Помимо наших общих американских интересов, я жажду раскрыть глаза тем моим французским коллегам, которые с чистой совестью выступаю! против сокращения бюджета под ошибочным впечатлением, что налоги в этой стране и так меньше, чем расходы на содержание федеральных и штатных органов США».

Купер понимал, что дело идет о чисто внутренних французских делах, в которые ему никак не хотелось вмешиваться. Но в этом якобы финансовом споре оказалась замешанной репутация Лафайета, и Купер решил прийти ему на помощь. 25 ноября 1831 года он написал «Письмо Дж. Фенимора Купера генералу Лафайету», которое вскоре было опубликовано на английском и французском языках. Письмо Купера оказалось в центре дискуссии по бюджетным вопросам в Палате депутатов Франции. Ему возражал не кто иной, как глава правительства, консервативно настроенный промышленник Казимир Перье. Один из консервативных депутатов пренебрежительно заявил, что «г-н Купер хорошо известен в мире как писатель-романист, а отнюдь не как финансовый эксперт». Солниер ответил Куперу новой статьей.

Столкнувшись со «свежими ошибочными заявлениями, чередующимися с грубыми, оскорбительными замечаниями по адресу характера, привычек и устремлений народов США», Купер счел «своим долгом во имя истины дать ответ». Ответ этот в виде нескольких обстоятельных писем был опубликован в парижской газете «Националь» в конце февраля – начале марта 1832 года.

К удивлению писателя, его позиция не нашла широкой поддержки. Его не удивляло, что консервативная печать никак не стремится к постижению истины, а лишь хочет сохранить политические преимущества, которые давали ей статьи Солниера. Но и те, кто, казалось бы, должен был быть заинтересованным в сокращении бюджета, и те не радовались появлению писем Купера. И уж совсем трудно было понять, почему его соотечественники-американцы были не на его стороне и вообще считали, что ему не стоило встревать в это сугубо французское Дело.

«Никогда не слышал большего вздора, чем тот, что несут американцы в связи с этим делом, – сокрушался Купер в письме Уильяму Данлапу 16 марта 1832 года. – Половина наших представителей за рубежом вряд ли испытывает проамериканские настроения… Теперь, когда я загнал г-на Солниера в угол, его американские сторонники утверждают, что для такого человека, как я, ниже его достоинства выступать на страницах газет! Мой

ответ им – презрение! Проповедовать правду, скажу я всем остальным, не может быть ниже ничьего достоинства…»

В этом же письме Купер делится своими сомнениями в том, что и в самих США его репутация пошатнулась. «В стране, безусловно, могут быть писатели лучше, чем я, но никто из них не встречается с таким равнодушием… Один факт бесспорен: я не вместе с моей страной – пропасть между нами огромна, кто из нас впереди – покажет время».

Между тем положение в Париже крайне осложнилось: в городе вспыхнула тяжелейшая эпидемия холеры. Еще в марте Куперы намеревались покинуть Париж, но недомогание супруги писателя помешало отъезду. Они остались в центре эпидемии и уповали лишь на судьбу. «Мы все – здесь, в центре холеры, – сообщает писатель Горацио Гриноу 22 апреля 1832 года. – Среди бедняков творится что-то ужасное… Эпидемия обойдется Парижу не менее чем в 20 тысяч жизней! Более 12 тысяч – уже в могиле… Да сохранит нас бог…»

Холера уносила не только бедных. Умер глава правительства Казимир Перье, умер руководитель республиканской оппозиции генерал Жан Максимильен Ламарк, чьи похороны превратились в вооруженное восстание. После двух дней вооруженных стычек на баррикадах восстание было подавлено, и Луи Филипп ввел еще более жестокие порядки.

По утрам Купер, как обычно, работал, а после обеда отправлялся бродить по Парижу. Его постоянным спутником был находившийся в эти месяцы в Париже известный изобретатель Сэмюэл Морзе. Они вместе гуляли по парижским бульварам, по набережным, заходили в лавки антикваров и букинистов. Морзе видел в Купере «поистине высоко интеллектуального человека», чьи весьма язвительные суждения уравновешивались мужеством на грани самопожертвования и неизменным добрым расположением духа. Морзе также весьма высоко ценил гостеприимство Куперов, что было очень важно для одинокого путешествующего американца. Морзе принимал активное участие в деятельности Американского польского комитета в Париже. С Купером его объединяло единство политических и художественных взглядов, которое никогда не омрачалось ни малейшим облачком, как сам он вспоминал впоследствии.

Наблюдая за происходящими в Европе, и особенно во Франции, событиями, Купер снова и снова мысленно возвращался за океан, сравнивая политическую обстановку в США с политической нестабильностью в Европе. «Американская нация – умеренная и благоразумная, управляемая повсюду без помощи штыков. Бог знает, что может получиться потом, но сейчас

именно таков ее характер…» – «Что же касается Англии, то по правде – это больше денежная корпорация, чем правительство, – эдакая Восточно-Индийская компания грандиозных масштабов, напрасные финансовые расходы и коррупция – естественные средства ее существования… Из всех тираний тирания аристократии – самая отвратительная…» – «В Англии ни одно министерство не может нормально функционировать без поддержки аристократии..» – «Существует сложный заговор аристократов, делающих все, что в их силах, чтобы не дать ничего народам Англии и Франции… Мы можем рассчитывать только на самих себя, ибо Европа вся против нас. Если здесь и есть какое-то исключение, то это Россия, да и та из-за совершенно очевидных интересов».

Мысли, подобные этим, Купер высказывает почти в каждом письме на родину. О себе Купер писал: «Я рожден янки, живу как янки, и умру янки…» – «Моя цель – интеллектуальная независимость Америки, и если я сойду в могилу с ощущением, что я хоть немного сделал для этого, я буду удовлетворен, зная, что моя жизнь не прошла напрасно».

В сентябре 1831 года Купер с супругой отправились в путешествие. Они посетили Брюссель, Кобленц, Франкфурт, Дармштадт, Гейдельберг. «В Германии руины одного замка так захватили мою фантазию, что я должен дать ей выход в виде книги в трех томах формата в двенадцатую долю листа…» Так возник замысел романа, получившего название «Замок Гейденмауэр, или Бенедиктинцы». Американские издатели сразу же возразили против «якобы отвратительного названия, которое никто не сможет произнести». Купер ответил письмом, в котором утверждал, что «каждый, кто понимает по-немецки, скажет вам, что Гейденмауэр значит «стоянка язычника».

Действие романа происходит в Баварии в XVI веке. Монахи ордена бенедиктинцев из монастыря Лимбург пытаются удержать под своей властью город Дюркхейм. Однако горожане, подстрекаемые своим соседом-бароном, захватывают и грабят монастырь, которому они долгое время платили налоги. На этом фоне развивается любовная интрига между лесничим барона Бертольдом Хинтермейером и дочерью одного из знатных горожан Метой Фрей.

Исследователи творчества писателя утверждают, что этот роман является иллюстрацией того, что прогресс наступает медленно и не лишен противоречий. Люди медленно расстаются со старыми предрассудками, и чтобы вести их за собой, лидеры не должны слишком забегать вперед. Неожиданные кардинальные изменения общественного мнения возможны только тогда, когда

эти изменения совпадают с практическими потребностями граждан.

В США роман был опубликован в конце сентября 1832 года. Успеха книга не имела. Единственная положительная, но весьма сдержанная рецензия появилась в газете «Нью-Йорк ивнинг пост» 4 октября 1832 года. Отмечались новизна замысла, точное изображение эпохи, а также «глубокие уроки религиозности и морали». Автором рецензии был друг писателя художник и драматург Уильям Данлап. В письме Куперу он писал: «Мое мнение о «Гейденмауэре» – в газете «Ивнинг пост». Мое мнение для вас – то же самое. Только хотелось бы, чтобы ваш следующий роман содержал больше приключений и больше возбуждал простого читателя (я – не простой читатель). Пишите больше для простого народа, но не забывайте и нас».

Американские издатели высказались в своем письме еще более определенно: «Книга вышла из печати, и мы с сожалением должны сообщить, что она провалилась – и провалилась более основательно, чем любая ваша книга до этого. Время действует против нее, но и сама она действует против себя, как вы сами убедитесь, если когда-либо перечитаете ее. В ней нет того интереса, которого все жаждут, и слишком много политики».

Что мог Купер ответить на это? Что все вокруг него пропитано политикой, что вся Европа – от высших классов до ремесленников и мелких торговцев не говорит ни о чем другом, как о политике, что даже передвижения масс людей по улицам Парижа определяются политикой и подчинены политическим целям? Европейская политика прочно вошла в жизнь писателя и в известной степени находила свое отражение и в его произведениях.

В июле 1832 года семейство Куперов отправилось из все еще охваченного холерой Парижа в очередное путешествие по Европе. Для начала они направлялись в Бельгию. Они посетили Брюссель, Льеж, затем задержались на пару недель на бальнеологическом курорте Спа, где супруга писателя приняла серию минеральных ванн. «Итак, мы в Спа, – писал Купер Сэмюэлу Морзе, – знаменитом, пьющем, разгульном, азартном, интригующем Спа, в котором совершено столько безрассудств, столько состояний промотано, столько женщин разрушили свою репутацию! Как здесь низвергались кумиры!»

Далее путешественники вдоль Рейна направились в Мангейм. Внимание писателя привлекали развалины старинных замков на холмах, живописные поселки, зеленые виноградники на склонах, извилистое течение реки. Затем Куперы посетили Цюрих, Люцерну, Берн и, наконец, остановились на месяц в небольшом

поселке Вивей. Они сняли особняк на берегу озера, и писатель начал работу над новым романом, получившим название «Палач». «Купер испытывает недостаток в собеседниках, с которыми можно было бы говорить о политике, спорить, – сообщает жена писателя своей сестре Марте. – Но все же мы вполне удовлетворены прекрасным видом, чудесным воздухом, не говоря уже о восхитительном винограде, который мы покупаем в любых количествах по цене шесть пенсов за фунт».

Купер ежедневно катался на лодке по озеру, совершал короткие экскурсии по горам, ездил в Лозанну в гости к знакомому Уильяму Коксу. В начале сентября Куперы покинули Швейцарию и возвратились в Париж.

Шел седьмой год пребывания Купера в Европе. Все эти годы он считал себя представителем американских институтов в странах Старого Света, всячески пропагандировал и защищал их. Его вмешательство в дискуссию о финансовых расходах королевского правительства Франции (в сравнении с расходами республиканской администрации США) было продиктовано именно стремлением доказать на конкретных фактах, с цифрами в руках превосходство республиканской формы правления над монархией. Естественно, что Купер был крайне удивлен, когда французский премьер-министр заявил, что американский посол во Франции Уильям К. Ривес считает более точными расчеты французов. Как оказалось, посол У. Ривес ничего подобного не заявлял, но он и не стал публично опровергать заявление французского премьер-министра. А атташе американского посольства Л. Харрис направил письмо в поддержку французской точки зрения. Купер истолковывал молчание У. Ривеса и письмо Л. Харриса как попытку дискредитировать его. А ведь он защищал свою родную страну, и, значит, страна и ее представители за рубежом должны были бы поддержать его.

Не случайно, что и появившиеся в это же время нападки на роман «Браво» в американской печати Купер рассматривал в тесной связи с этой финансовой дискуссией. «Без всякого сомнения цель заключается в том, чтобы отомстить мне за участие в дискуссии о расходах. Или же хотят запугать меня и заставить замолчать; скорее всего – второе», – делился своими мыслями писатель в письме С. Морзе.

Если постоянные нападки консервативной европейской печати не очень удивляли писателя, то все усиливающиеся критические выступления в его адрес со стороны американских газет и журналов начинали не на шутку беспокоить. Купер понимал, что определенную роль здесь играло стремление вторить европейскому мнению, как якобы более осведомленному

и более изысканному. «Как долго еще Америка намерена терпеть эту рабскую зависимость от иноземного мнения?» – с горечью вопрошает он в письме тому же С. Морзе.

Конечно, Купер не мог не заметить политической направленности критических выступлений американской печати, ее тенденциозности и недоброжелательности. Это было тем более удивительно, что не кто иной, как сама американская администрация осенью 1832 года по запросу генерала Лафайета официально подтвердила правдивость и точность финансовых расчетов Купера и тем самым, по словам писателя, доказала несостоятельность «экстравагантных утверждений… что свобода обходится дороже, чем деспотизм».

Необычный шаг американской администрации подтолкнул Купера к написанию «Письма к американским гражданам», опубликованного в филадельфийском журнале в декабре 1832 года. В письме Купер объяснял причины, побудившие его принять участие в дискуссии о финансовых расходах, и предупреждал, что некоторые официальные американские представители в Париже выступили в этой дискуссии на стороне французского правительства. Однако, как оказалось, предупреждение это было сделано впустую. Вскоре посол У. Ривес был избран в сенат США, а па его место назначили не кого иного, как Л. Харриса, о неблаговидных и непатриотических поступках которого и предупреждал Купер.

Глава 9
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Купер прекрасно понимал все сложности, связанные с возвращением на родину. Он хорошо помнил предупреждение С. Морзе: «Как обычно, каждый здесь гоняется за деньгами; как обычно, каждые полчаса раздается сигнал пожарной тревоги, и, как обычно, свиньи свободно разгуливают по улицам города». Судя по письму С. Морзе, не так уж много изменилось в США за прошедшие семь лет. Но такой вывод был бы весьма далеким от истинного положения дел. Купер хотел своими глазами увидеть все происходящее: «Боюсь, что за последние семь лет, если верить всему, что я слышу, страна сделала достойный сожаления шаг назад. Я должен сам все увидеть и сделать свои выводы».

Писателя, конечно, весьма задевали несправедливые нападки американской печати. Крайне огорчало и то, что нападки эти печатали газеты, редакторами которых являлись люди, которых Купер считал своими близкими друзьями и в газетах которых он неоднократно печатался. В американских газетах и журналах, как правило, перепечатывались из европейских газет только отрицательные отзывы на романы писателя. «Я являюсь объектом постоянных атак в американских газетах, – сетовал Купер в письме Г. Гриноу 13 июня 1833 года. – …Поистине мы скатываемся в дьявольские времена».

На Купера очень сильно действовали все эти несправедливые нападки, он стал значительно реже появляться в парижских салонах, предпочитая оставаться дома и коротать вечера с близкими друзьями в своей скромной гостиной. Литературная работа, которая всегда возбуждала его и служила источником вдохновения, теперь продвигалась с трудом. Он пишет на французском языке сатирический скетч «Затон для пароходов», в котором высмеивает представления европейцев об Америке. Но вообще он решает прекратить свои занятия литературой. «Нет смысла обсуждать наше дальнейшее сотрудничество, – сообщает он 25 мая 1833 года своим американским издателям Г. Кэрри и И. Ли из Филадельфии. – Я должен закончить книгу, над которой сейчас работаю, она уйдет в типографию в июне, чтобы выйти в свет в августе… Вы можете объявить, что это моя последняя книга… «Палач» – последний из серии романов автора «Шпиона».

Купер намеревался завершить работу над книгой путевых впечатлений о Европе, были у него наброски еще одного романа, но определенных обязательств брать на себя он не хотел. Он был

тверд в своем намерении возвратиться в Америку, а там будет видно, как все сложится.

В середине августа 1833 года семейство Куперов навсегда покинуло Париж. Поначалу они отправились в Англию, где у главы семейства были обязательства перед издателями: необходимо было написать новые предисловия к его нескольким романам, которые переиздавались в серии «Классические романы». 28 сентября Куперы на пароходе «Самсон» отплыли из Лондона и 5 ноября 1833 года благополучно прибыли в Нью-Йорк, сопровождаемые четырьмя слугами-швейцарцами. Они поселились в арендованном для них С. Морзе доме номер 4 по улице Бликер в южной части острова Манхеттен. Дом был заранее меблирован в соответствии с пожеланиями Куперов. Правда, супруга писателя нашла, что дом и вся меблировка – «слишком великолепны для нашего простого французского вкуса».

Как мы уже отмечали, Купер возвращался в Америку со смешанными чувствами. «Я возвращаюсь домой, – если это можно назвать домом, – чтобы самому вблизи разглядеть происходящее и определить, будет ли у меня в оставшейся жизни родина или нет». И первоначально Куперы не собирались задерживаться в Нью-Йорке, а хотели сразу же уехать в Куперстаун или Ньюбург. Однако по приезде Купер уступил настойчивым просьбам жены и решил остаться в Нью-Йорке по крайней мере до весны.

Через четыре дня после приезда Купера пригласили на торжественный обед в честь его старого знакомого коммодора И. Чонси. Писатель принял приглашение, надеясь встретить там множество знакомых. Действительно, он знал не меньше половины из двухсот приглашенных. Но далеко не все из знакомых говорили с ним, а те, кто стал разговаривать, были настолько сдержанно-официальны и холодны, что Купер подумывал, не пригласили ли его специально, чтобы высказать ему свое пренебрежение. Под благовидным предлогом он ушел с обеда.

В декабре писатель совершил поездку по делам в Филадельфию, Балтимору и Вашингтон. Он нашел, что страна «действительно изменилась, но перемены к лучшему не так уже заметны… Очень сильно возросла посредственность…» Это было заметно и в безвкусице новых построек, и в менее удобных каютах на пароходах, и а худшем обслуживании в тавернах.

Президентство Эндрю Джексона (1829–1837 годы) внесло серьезные изменения не только в стиль жизни американских граждан, но и в стиль правления страной. Действия вашингтонской администрации отличались непоследовательностью и противоречивостью. С одной стороны,

демократизировалась избирательная система, а с другой – необычайную власть приобрел так называемый «кухонный кабинет» друзей президента. Легализовали Центральный совет профсоюзов Нью-Йорка, и в то же время сохраняли рабство негров. Ограничили, а затем и вообще прекратили деятельность частного банка США, настаивавшего на сохранении золотого паритета доллара, и принимали в уплату за общественные земли, которыми наделяли мелких фермеров, только золото и серебро. На словах ратовали за справедливое распределение государственных должностей, а на деле после выборов все должности раздавались сторонникам победившей партии.

Американская действительность, как видим, ставила перед писателем немало вопросов. Куперу было над чем поразмыслить. Он также увидел, что критическое отношение к нему газет и журналов в известной степени определялось мнением, которого придерживались зажиточные граждане. Для них он был аристократом, исповедующим заморские ереси. И лишь небольшой кружок интеллигентных друзей оценивал его по достоинству, как подлинного американца-демократа, чуждого любого иностранного влияния. Его друзья предложили организовать торжественный обед по случаю его возвращения на родину. Он вежливо отказался. И даже этот отказ не преминули поставить ему в вину.

Накануне возвращения Купера в Америку в октябре 1833 года вышел из печати его последний роман «Палач, или Аббатство виноградарей». Как и предыдущие два романа, он был написан на материале из европейской истории. Действие происходит в самом начале XVIII века в Швейцарии, в Берне. Дочь барона Аделаида любит Сигизмунда, наемного солдата – выходца из простой семьи. Несмотря на разницу в положении, Аделаида готова выйти замуж за своего любимого. Но он открывает ей свой секрет: он сын бернского палача и по закону должен будет унаследовать должность своего отца. Пока палач скрывает, что Сигизмунд его сын, выдавая его за приемыша и надеясь тем самым спасти его от уготованной ему участи. Аделаида тем не менее не отказывается от своего суженого. В конце концов выясняется, что Сигизмунд – не сын палача, а наследник генуэзского дожа, которого младенцем выкрали из родного дома.

Большого успеха роман не имел, хотя американским критикам импонировало, как Купер показывал «несправедливость, абсурдность, неразумность и пагубность наследованных привилегий».

Купер считал необходимым объяснить американским читателям, чем вызвано его решение оставить занятия

литературой. Вместе с тем он хотел показать, какую опасность для Америки представляет рабское преклонение перед мнением европейцев, особенно когда это касалось сугубо американских дел. Так появилось на свет «Письмо соотечественникам», опубликованное в виде брошюры в Нью-Йорке в июне 1834 года. Вечерняя газета «Ивнинг пост» 14 июня в доброжелательном тоне объявила об издании брошюры и напечатала большой отрывок из нее. Как оказалось, это был единственный положительный отклик на новое произведение писателя. Купера обвиняли во всех смертных грехах и даже в «потере разума и здравого смысла».

Та же газета «Ивнинг пост» 24 июня выступила в защиту писателя со статьей «Политика г-на Купера», подписанной псевдонимом «Демократ». «Если Наполеон назвал Англию нацией торговцев, то что бы он сказал о нации, в которой правда, справедливость и мораль – я был готов добавить к этому списку и религию – все являются предметом торговли, о нации, в которой открытая оппозиция такому унизительному положению общества со стороны одного-единственного литератора рассматривается как такое сверхъестественное событие, о котором только и говорят все наши газеты…» Далее автор статьи выражал надежду, что письмо Купера к соотечественникам поможет им избавиться от позорящего нацию образа, когда всех американцев считают «торговцами вразнос, чья душа покоится в их карманах».

Поддержка Купера этой газетой объяснялась тем, что ее совладельцем и соредактором был поэт Уильям Лег-гетт, известный своими демократическими принципами. Он дружил с Купером и с декабря 1834 года до 1836 года, когда он ушел из газеты, публиковал на страницах «Ивнинг пост» статьи Купера на политические темы под псевдонимом «АБС». Со временем редакторы других газет узнали, кто скрывается под этим псевдонимом, и пытались всячески задеть автора. Одна из газет написала, что «АБС» – слишком уж кровожаден, а ведь на вид он такой приятный человек. Но Купер не обращал внимания на эти нападки и продолжал в статьях отстаивать свою точку зрения.

Впоследствии Купер так объяснял причины, по которым он написал «Письмо соотечественникам»: «Я полагал необходимым развеять те ложные представления, которые упорно распространяли мои враги. Если бы я тогда знал американскую публику так же хорошо, как я ее знаю теперь, ее абсолютное безразличие к правде, к фактам, к чувствам, да и ко всему, за исключением денег и собственного болезненного тщеславия, я, конечно, не стал бы беспокоиться и писать эту работу. Наглость тех, кто контролирует печать этой страны, и невежество нации в отношении всего, что не относится к «бизнесу», являются

поистине поразительными… Здесь нет ничего, кроме ненасытной жадности к деньгам…»

30 января 1835 года умственно неуравновешенный художник Ричард Лоренс совершил попытку убить президента Эндрю Джексона, когда тот выходил из здания Капитолия. Лоренс стрелял из двух пистолетов, но промахнулся. Американские газеты много писали об этом чреватом трагедией происшествии. Некоторые авторы статей пытались исследовать мотивы, которыми руководствовался Лоренс, и выяснить условия, способствовавшие совершению преступления, а может быть, и подтолкнувшие Лоренса на этот роковой шаг.

Вашингтонская газета «Глоб» – ведущий орган президентской партии демократов, писала в этой связи, что Лоренса могли вдохновить гневные речи сенаторов, направленные против президента с трибуны конгресса. Газета обращала особое внимание на выступление бывшего вице-президента, сенатора Джона К. Калхоунса, который 29 января в своей речи не стеснялся в выражениях в адрес президента. Калхоунс не преминул ответить на эти обвинения. Размахивая газетой «Глоб», он с трибуны сената громко заявил, что не перестанет разоблачать «злоупотребления и коррупцию» администрации и ее стремление применить «безответственную деспотическую силу», чтобы заставить замолчать своих критиков.

Купер увидел в этой истории более широкую проблему – проблему соотношения власти президента и власти конгресса, проблему толкования конституции США. Он пишет обстоятельную статью на эту тему, которую газета «Ивнинг пост» опубликовала 7 февраля 1835 года. Говоря о роли сенаторов, Купер подчеркивает, что, «принимая свои решения, им следует больше руководствоваться истиной и правдивостью, чем взрывом страстей». Он предупреждает, что «те, кто сегодня притворно называет себя нашими слугами, фактически вскоре превратятся в наших хозяев». Он обращает внимание на то, что избранные народом представители обязаны «отражать политические настроения избирателей, а не пытаться навязать им свои».

Что же касается происходящего в сенате, то «поведение большинства этого органа странно, ничем не обосновано и просто опасно… Когда люди на вершине власти прибегают к крайним действиям или же к подстрекательским речам, чем бы это ни было вызвано, они поступают неразумно, недостойно и редко когда оправданно».

В своих статьях, подписанных псевдонимом «АБС», Купер откликался и на другие злободневные события внутренней и международной жизни США. Несколько материалов он посвятил

спору между США и Францией по поводу возмещения Францией убытков, связанных с захватом французами американских кораблей. По договору от 4 июля 1831 года французское правительство обязалось выплатить США крупную сумму, однако своих обязательств не выполняло. Президент Джексон в декабре 1834 года предложил принять закон, но которому можно было бы принять ответные меры против французскою имущества, если палата депутатов Франции на своем ближайшем заседании не одобрит выплат США.Оппозиционная к администрации Джексона газета «Нешнл интеллидженсер энд Вашингтон адвертайзер» предупреждала, что «повадки старого солдата, переживающего из-за действительных или мнимых обид, раздраженного задержками и пренебрегающего возможными последствиями в погоне за возмещением убытков», могут столкнуть нацию в пучину нежелательной войны.

По свидетельству его друзей, Купер в эти дни не говорил ни о чем другом, как о политике, был весьма воинственно настроен, ругал Луи Филиппа. И в своих статьях он требовал решительных действий американской администрации в вопросе о получении возмещения от Франции. В то же время в этих статьях Купер анализирует природу монархической власти, ее отличие от республиканской. «Демократический король» – это противоречив понятий. Это просто бессмыслица, – пишет он в одной из статей. – Тот, кто долго осуществляет власть в соответствии с мнением большинства, – уже не король, а тот, кто действует вопреки этому мнению, даже если он и избран большинством, – отнюдь не демократ».

Летом 1834 года Купер с женой и детьми едет в Куперстаун. К этому времени у него не было там собственного дома, старый отцовский дом был продан после смерти старшего брата писателя. Какое-то время в нем хотели организовать школу для девочек и даже начали его перестраивать. Затем здание приобрел нью-йоркский житель, использовавший его как летнюю дачу. Писатель сразу же вступил с ним в переговоры и купил этот дом. По совету С. Морзе он поднял высоту потолков на первом и втором этажах, увеличил размеры окон, настелил новую крышу.

За время отсутствия Куперов поселок изменился: появились каменные дома, в том числе здание вновь созданного местного банка с капиталом в 100 тысяч долларов. Кроме банка, в поселке было 14 служебных зданий, 62 магазина, суд, пожарное депо, пять церквей и 169 жилых домов. Население Куперстауна за последние 15 лет почти не увеличилось: по переписи 1820 года в поселке жило 1000 человек, в 1834 году – 1115 человек. Джеймс Фенимор Купер теперь входил в пятерку первых поселенцев Куперстауна.

Еще во время своего пребывания в Европе Купер вопреки своему намерению бросить занятия литературой задумал новый роман и начал исподволь работу над ним. Писатель намеревался в форме романа отобразить основные политические тенденции своего времени. Конечно, сделать это было не так-то просто, тем более что Купер решает прибегнуть к сатирической форме и за образец берет «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. Роман был закончен уже в Америке и вышел в свет и в США, и в Европе в июле 1835 года. «Моникины» – так называлось новое произведение писателя – являлся, по определению самого Купера, «трагикомическим, романтико-ироническим романом».

В «Моникинах» Купер в литературной традиции своего времени рассказывает о необычных приключениях Джека Голденкалфа, сына разбогатевшего биржевика, в землях, населенных моникинами – обезьянами с человеческим умом. Уже сама фамилия главного героя говорит о многом английскому и американскому читателю: слово «голденкалф» значит «золотой телец». Да и само название действующих в романе обезьян происходит от измененного английского «мони» – деньги.

Волею судеб молодой Джек Голденкалф в компании со спасенными им от позора моникинами попадает в их края, расположенные где-то за Южным полярным кругом. Моникины населяли два государства – Низкопрыгию, и Высокопрыгию, жители которых отличались тем, что в первом хвосты моникинов обрубались, а во втором сохранялись естественной длины и даже удлинялись.

Низкопрыгия – республика, граждане которой происходят из королевства Высокопрыгии. Хвост здесь усекают по мерке, чтобы таким способом помешать возникновению аристократии ума, ибо у моникинов хвост-то и является вместилищем разума. В Высокопрыгии, наоборот, кичатся длинными хвостами. В этом королевстве «образ правления проявляется трояко: в законе, в общественном мнении и в практике. По закону – правит король; практически – правит его двоюродный брат; а по мнению общества – опять-таки правит король. Так сила практики уравновешивается законом и общественным мнением».

После таких объяснений моникина – доктора Резоно Джек Голденкалф задумался: «Я не во всем понял доводы доктора, но в человеческом обществе я так часто встречался с теориями как политическими, так и моральными, богословскими и философскими, в которые все верили и которых никто не понимал, что я счел дальнейший спор бесполезным…»

Читатели нового романа Купера понимали, что под Низкопрыгией писатель подразумевал Соединенные Штаты

Америки, а под Высокопрыгией – Великобританию. Этот своеобразный роман успеха не имел. Его, по утверждению известного исследователя американской общественной мысли В.Л. Паррингтона, «мало читали и плохо понимали». Американские журналисты, если хотели подчеркнуть странности какого-то человека, писали в те годы, что человек этот, мол, «читал «Моникины» Фенимора Купера». Одного этого утверждения было достаточно, чтобы поставить под сомнение его здравый смысл.

А между тем «Моникины» – серьезная и едкая сатира на общественные нравы Англии и Америки. Купер с одинаковой язвительностью высмеивает и аристократическую монархию, и буржуазную республику. В королевстве Высокопрыгии, оказывается, нет короля, а существует только трон. Этому парадоксу дается простое объяснение: «А как могли бы вельможи вопить, что трон в опасности, если бы не было трона? Одно дело не иметь монарха, и совсем другое – не иметь трона…»

Итак, с одной стороны – Высокопрыгии, монархия без монарха, в которой вельможи тем не менее вершат дело его именем. Герой романа Джек Голденкалф так резюмирует создавшееся положение: «Я полагаю, что в таком случае я могу спокойно наплевать на его величество».

Купер своим романом показал, что подлинным властителем монархической Англии является буржуазно-дворянская олигархия, сосредоточившая в своих руках все основные богатства страны, всю законодательную и исполнительную власть.

С другой стороны, республика Низкопрыгия – «либеральная, свободная и независимая, возлюбленная, счастливая и беспримерно процветающая». Политическая жизнь в республике проходит под знаком двух политических линий – горизонтальной и вертикальной, над которыми граждане Низкопрыгии кувыркались «с такой же точностью и быстротой, с какой гвардейский полк пристегивает патронные сумки».

Описание существующих в Низкопрыгии порядков – наличие двух общественных движений – горизонтального и вертикального, благородное соперничество за занятие должностей в духе принципа ротации; продажа редакторам газет эликсира ума, извлеченного из отрубленных хвостов; существование учреждений двух категорий – условных и подменительных; наличие конституции, называемой Великой Национальной аллегорией, главы государства, именуемого Великим Сахемом, двух палат Национального собрания, членов которых называют «загадками» и «легионом» – все это было едкой, остроумней

сатирой на порядки, существующие в Соединенных Штатах Америки.

В Национальном собрании Низкопрыгии заседают представители двух политических партий – горизонталистов и вертикалистов. Каждая партия имеет в обеих палатах своих политических правофланговых, задача которых – избавить «депутатов от необходимости изучать сложные вопросы и ломать себе над ними голову». Когда дело доходит до голосования, депутатам остается только следить за движениями своего правофлангового и следовать его примеру.

Роман, можно сказать, буквально нашпигован сатирическими сценами и описаниями из жизни американского общества. Чего, например, стоит уничтожающе точное изображение общественных процессов в стране, показанных в виде большого нравственного затмения, когда Великий Безнравственный Постулат, известный под названием Денежного Интереса, на время затмевает Великий Нравственный Постулат, обозначаемый понятием Принцип. Поначалу Тщеславие сменяет Благотворительность, затем Политическая Интрига приходит на смену Правдивости, Честности, Бескорыстию и Патриотизму. И, наконец, все скрывается в тени Великого Денежного Интереса, сопровождаемого ростом Амбиции, Ненависти и Зависти. Затмение завершается только после прохождения фазы Несчастий и фазы Бедствий. Продолжается оно 9 лет 7 месяцев 26 дней 4 часа 16 минут и 2 секунды.

В Низкопрыгии все определялось деньгами. «Можно сказать, что добрая половина обиходного словаря сжалась в одно слово, которое в переводе с моникинского на английский язык означает «доллар». «Доллар, доллар, доллар!» – ничего, кроме доллара!.. Короче говоря, за какое бы дело вы ни взялись, оно в конечном итоге сводилось к долларам. Всепоглощающая страсть к доллару передавалась от отца к сыну, от мужа к жене, от брата к сестре, от одного родственника к другому, пока не заразила все так называемое «общество».

Эта типично американская страсть к наживе, к обогащению, к погоне за долларом была точно подмечена писателем. Прибегнув к аллегории, он высмеивает деятельность партии вигов, направленную на поддержку частных американских банков. Так в романе нашла свое отражение реальная политическая схватка, происходившая в эти годы в США. «Война с банком», как ее называют современные американские историки, была весьма острой и многоплановой. Вопрос шел о продлении полномочий филадельфийского банка в качестве центрального банка США. Инициатором продления полномочий выступила политическая

группировка вигов, которой удалось провести через обе палаты конгресса соответствующий билль.

Однако президент Джексон, пользуясь данной ему властью, наложил на законопроект вето. Вот тут-то и развернулась настоящая война. «Некоторые сравнивали ее со спрутом, – пишет американский историк профессор Р. Ремини, – щупальца которого проникают всюду: в политику, экономику, финансы, в борьбу за власть между отдельными личностями, классами и секциями, в социальные и идеологические различия между главными антагонистическими силами». Отметим, что в конечном итоге виги потерпели поражение и филадельфийский банк после истечения полномочий продолжал действовать в качестве банка штата Пенсильвания.

«Война с банком» – отнюдь не единственный исторический эпизод, нашедший свое отражение на страницах нового романа Купера. Фактически все главы романа, описывающие пребывание героев в Низкопрыгии и рисующие впечатляющую картину царивших там нравов, в той или иной степени являлись откликом па события, происходившие в Соединенных Штатах Америки. Купер не только сумел рассмотреть и разгадать движущие силы так называемой «американской демократии», но и дал нм точную бескомпромиссную оценку. И вот что интересно: с прошествием времени сделанные им выводы ничуть не утратили своей точности и значимости. Они вполне применимы и к порядкам, царящим в сегодняшней Америку, в которой по-прежнему всецело властвует культ доллара.

В своем романе Купер сумел подняться до разоблачения политической сущности «американской демократии», показав, что в ее основе лежит культ денег, что она зиждется на беспринципности, тщеславии, ненависти, зависти. В стране все и вся затмевает Великий Денежный Интерес, прямым следствием которого является Политическая Интрига. Читая сегодня «Моникины», трудно поверить, что роман создан более полутораста лет тому назад. Описанные в романе нравы из жизни правителей Низкопрыгии не чужды и сегодня тем, кто заседает на Капитолийском холме в Вашингтоне, кто вершит судьбами в сегодняшней Америке. «Трагикомический, романтико-иронический» роман «Моникины» и сегодня звучит не менее злободневно, чем в те далекие времена, когда он впервые был опубликован.

Не приходится удивляться, что едкая социальная сатира Купера пришлась весьма не по нраву встающей на путь капитализма Америке. Один из самых влиятельных в те годы литературных журналов «Нью-Инглэнд мэгезин» писал в августе

1835 года: автор «Моникинов», «следуя по пути Свифта, вероятно, позабыл, что, хотя он и обладает в избытке тупой злобой, у него отсутствует блестящий ум, острый сарказм или же отточенный стиль английского сатирика». По мнению журнала, подобный роман «может создать любой сумасшедший, однако в нем не найти ни оживления, ни возбуждения, присущих дому умалишенных».

В таком же роде была и другая рецензия, опубликованная также в августе 1835 года в журнале «Никербокер мэгезин», издававшемся литераторами братьями-близнецами Льюксом и Уиллисом Кларками. «Мы не в состоянии описывать этот труд – он просто не поддается описанию… О чем этот труд – это выходит за пределы нашего понимания… В нем нет ни логики действия, ни изящества исполнения. Все – туманно, искажено и ненатурально… Масса шелухи и мусора, из элементов которых невозможно воссоздать ничего вразумительного». Автор рецензии дает свое объяснение неудаче автора: «Самая неудачная идея заключалась в том, чтобы политику сочетать эффективно с литературной романтикой. Политика составляет реальность, а литература – идеализм нашей жизни. Они просто не сочетаются. И если автор «Шпиона», «Красного корсара» и других романов желает сохранить незапятнанной память о творениях своей фантазии, он должен держать их на приличном расстоянии от бесплодной литературы факта…»

Американские критики, как видим, без особого труда распознали под маской аллегории факты американской действительности. Они не стали оспаривать ни их правдивость, ни правомерность их аллегорического воспроизведения. Они избрали более простой путь – путь отрицания каких-либо художественных достоинств нового романа писателя, путь прямых угроз. Рецензия в «Никербокер мэгезин» так и заканчивалась: «Это не доведет, да и не может довести, до добра».

И только газета «Ивнинг пост», в которой Купер выступал под псевдонимом «АБС», нашла добрые слова о новом романе писателя. «Если воспользоваться фразой, которую нечасто можно увидеть набранной типографским шрифтом, эти томики, как мы думаем, изумят читателей. В некоторых из своих произведений Купер выступил, как яркий писатель-сатирик. В новой книге его сатира развернулась в полную силу. Это сложная сатира. В книге многое заслуживает восхищения. Это не простое произведение, хотя в нем много по необходимости и банального. Мы поздравляем автора с тем, что он создал и опубликовал этот роман».

Но, как мы уже отмечали, это был единственный

положительный отзыв в американской печати о «Моникинах». Большинство газет и журналов предпочли не заметить этот роман Купера. Писатель считал, что такое отношение объясняется прежде всего сильным влиянием европейского общественного мнения, продолжающейся зависимостью американской общественной мысли от мнения из-за океана.

Но сам он был глубоко уверен в том, что в своем романе он не только правильно отразил американскую демократию и американский образ жизни, но и довольно точно предсказал дальнейшее развитие американских институтов. «Я уверен, – писал он в 1843 году, – что со временем обнаружится, что «Моникины» содержат довольно точный прогноз нынешнего состояния нашей страны, как морального, так и финансового, с совершенно ясным указанием причин происходящего».

Глава 10
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СХВАТКА МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ДОЛЛАРОМ

Лето 1835 года Купер с семьей провел к Куперстауне, наблюдая за перестройкой отцовского дома. Он придерживался своего решения не писать больше романов. Однако занятие литературной работой уже превратилось для него в насущную потребность, он решает создать серию очерков о своих путешествиях по странам Европы. Начинает он со Швейцарии. Над путевыми очерками он работал в Куперстауне и также в Нью-Йорке, куда Куперы возвратились на зиму. Осенью лондонский и филадельфийский издатели сообщили, что они понесли крупные убытки на «Моникинах». Поэтому условия издания его путевых очерков были значительно менее благоприятными, чем рассчитывал писатель.

Первая книга «Очерки о Швейцарии, часть I» вышла в свет в мае 1830 года в Филадельфии и в Лондоне. Вторая часть «Очерков о Швейцарии» в сентябре 1836 года была издана в Англии, а в октябре – в США. Успеха обе книги не имели, правда, часть первая использовалась в Европе в качестве путеводителя по Швейцарии. Три следующие книги путевых очерков получили название «Заметки о Европе» и были посвящены соответственно Франции, Англии и Италии. Купер намеревался написать еще книгу о Германии, но издатели не проявили никакого энтузиазма, и он отказался от своего намерения.

Путевые очерки Купера привлекли внимание и американских, и европейских газет и журналов. Рецензии на них появились в «Нью-Йорк миррор», «Никербокер мэгезин», «Норт Американ ревью» и других американских изданиях. В Европе наиболее критический отзыв был напечатан в октябре 1837 года в английском журнале «Куотерли ревью», и относился он к путевым заметкам об Англии. Его автором поначалу считали известного английского литератора Джона Гибсона Локхарта, зятя Вальтера Скотта.

«…Нам еще никогда не приходилось встречать так плохо написанное, содержащее так много неверной информации, так плохо подготовленное, такое невыдержанное и так плохо исполненное произведение… Мы никогда не встречались с подобным образцом тщеславия, глупости и небылиц, как они собраны в этой книге… Как литературное произведение она не

заслуживает даже презрения. Ее стиль, тема и изложение – банальны, поверхностны и сбивчивы. В ней нет ничего постоянного, кроме невежества, и ничего глубокого, кроме злобы… Будет справедливым назвать это произведение автобиографией обнаженного тщеславия».

Как видим, журнал не стеснялся в выражениях. Правда, статья была опубликована без подписи, но в конце концов стало известно, что ее автором был не Джон Гибсон Локхарт, а литератор Джон У. Крокер. Одна из филадельфийских газет в январе 1838 года перепечатала выдержки из этой статьи, и она стала широко известной в Соединенных Штатах.

Весной 1836 года Куперы покинули Нью-Йорк и переселились в Куперстаун. Многие друзья писателя удивлялись такому решению, не без оснований полагая, что в небольшом поселке, каким был в то время да и сейчас остается Куперстаун, писателю и его семье будет не хватать образованного общества, старых друзей, политической атмосферы, художественных выставок. Конечно, покупка и перестройка старого отцовского дома были проявлением сыновних чувств писателя, данью его памяти о родителях, о безмятежном детстве, проведенном в этом захолустном уголке. В связи с покупкой дома к Куперу практически перешли обязанности душеприказчика завещания покойного судьи. Ему, естественно, хотелось восстановить престиж фамилии Куперов в селении и его окрестностях. Кроме того, Куперы привыкли к жизни на широкую ногу, а в большом городе с их уменьшившимися доходами такую жизнь поддерживать было невозможно.

Куперы обосновались в своем заново отстроенном доме, возобновили знакомство с рядом местных семейств, приглашали к себе погостить родственников и друзей. Книги, некоторые деликатесы и вина выписывались из Нью-Йорка и Филадельфии. Купер приобрел ферму на восточном берегу Отсего и в дополнение к своим литературным занятиям занялся фермерством, которое никаких доходов ему не приносило.

Вскоре Куперы по праву стали считаться первым семейством поселка. Далеко не всем это было по душе. Многие завидовали литературному успеху писателя, других раздражали их воспитанность, европейские манеры. Глухой провинциализм заштатного американского селения восстал против чуждых ему взглядов и обычаев. Дело дошло до того, что на Куперов смотрели как на «рогатых чудовищ или еще хуже того».

Недоброжелательство местных жителей подогревалось и рядом мелких обстоятельств. Пока дом Куперов пустовал, жители ходили напрямик через двор, теперь же Купер запретил проход

через двор дома, и жителям приходилось обходить участок Куперов. И обходить-то было совсем не далеко, но недовольство таким решением писателя было всеобщим. Однако Купер действовал в полном соответствии с местными законами и обычаями, и поэтому открыто предъявить ему какие-то претензии было невозможно. Однако искра недовольства ждала лишь своего часа, чтобы вспыхнуть ярким пламенем.

И повод к такой вспышке страстей не заставил себя долго ждать. Неподалеку от поселка на западном берегу озера был участок земли, известный под названием Трехмильная зона. Участок этот принадлежал отцу писателя. Он был очень удобным для летнего отдыха, судья с семьей использовал его как место для пикников или семейного купания. В поселке в то время жило мало людей, и судья не возражал, если в Трехмильной зоне устраивали пикники и другие семьи. Все знали, что участок этот – собственность Куперов, и пользовались им как бы с молчаливого разрешения судьи.

За те годы, что Куперы были в Европе, популярность Трехмильной зоны у населения поселка значительно возросла. Теперь здесь организовывали пикники и купания не только отдельные семьи, но и целые школьные классы, большие группы соседей и друзей. Естественно, что Куперу такое положение не понравилось, но поначалу он ничего не предпринимал, не желая восстанавливать против себя большинство жителей.

Кто знает, сколько бы еще продолжалось это противостояние сторон, если бы не случай. Однажды во время верховой прогулки в Трехмильную зону Купер обнаружил, что кем-то срублено старое дерево, которое особенно любил его покойный отец. Терпению писателя пришел конец, он решил действовать. Для начала он отправил в местную газету «Фрименз джорнэл» объявление, в котором говорилось: «Предупреждение. Публика предупреждается против незаконного посещения Трехмильной зоны. Подписавший это предупреждение намерен строго осуществлять свое право собственности на этот участок земли. Публика не имеет и никогда не имела никаких прав на этот участок, помимо тех, которые признавались в виду щедрости хозяев. Дж. Фенимор Купер, душеприказчик имущества покойного Уильяма Купера. 22 июля 1837 года».

Если бы Трехмильная зона принадлежала лично писателю, может быть, он не стал бы действовать столь решительно. Но согласно завещанию этот участок земли находился в общей собственности всех наследников судьи до 1850 года, когда он должен был перейти в собственность самого младшего Купера, носившего имя Уильям. Так что Купер в данном случае защищал

не свои собственные интересы, а интересы будущего возможного наследника. «Предупреждение» Купера еще не было опубликовано в газете, как содержание его стало широко известно в поселке. Группа возмущенных граждан расклеила объявление, призывавшее жителей собраться в гостинице Исаака Льюиса, чтобы предпринять меры защиты против «высокомерных притязаний некоего Джеймса Фенимора Купера, претендующего на право владения Трехмильной зоной и отказывающего гражданам в праве пользоваться этим участком, как они привыкли это делать с незапамятных времен, не будучи обязанными щедрости кого бы то ни было, будь то местный житель или иностранец».

На собрание жителей пришло человек 60, в основном недавние поселенцы Куперстауна. На собрании была принята резолюция, извещавшая, что жители оставят без внимания требование владельца участка, и, помимо всего, потребовавшая от совета попечителей поселковой библиотеки изъять из нее все книги Купера.

На собрании были внесены и другие предложения. Предлагалось не просто изъять книги Купера из библиотеки, но и – прилюдно сжечь их. Было предложение и о том, чтобы изучить документы, на основании которых писатель претендовал на владение Трехмильной зоной. Оба эти предложения были отвергнуты участниками собрания. Секретарю собрания было поручено опубликовать резолюцию собрания граждан в местных газетах. Однако секретарь предпочел вручить резолюцию лично писателю.

Вероятно, страсти бы со временем улеглись, и дело на этом бы и закончилось. Но 2 августа 1837 года газета «Ченанго телеграф», издающаяся в расположенном неподалеку от Куперстауна городке Норвич, опубликовала редакционную статью, посвященную этому местному событию. В статье отмечалось, что книги Купера уже изъяты из библиотеки, и утверждалось: «Мы думаем, что его высокомерная наглость получила теперь отпор, который послужит ему на пользу».

12 августа краткое изложение этой статьи было напечатано в газете штата «Олбани ивнинг джорнэл», которую редактировал известный в стране представитель партии вигов Т. Уид. Газеты всей страны перепечатали версию Т. Уида в качестве авторитетного мнения. 14 августа статья из «Ченанго телеграф» была полностью перепечатана в куперстаунской газете «Отсего републикен». Купер тут же подал в суд на редактора «Ченанго телеграф», поместившего редакционную статью о его споре с согражданами, и на молодого редактора «Отсего республикен»,

перепечатавшего полный текст статьи. Первым в суде присяжных рассматривался иск Купера к Эндрю М. Бар-беру, редактору «Отсего репуликен».

Дело слушалось в суде округа Монтгомери под председательством судьи Уилларда. Зал был переполнен; вызывали интерес и сам необычный иск и слухи о том, что писатель лично будет защищать свои интересы. Интересы редактора газеты представлял Джошуа А. Спенсер, один из самых опытных адвокатов штата по гражданским делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей. Он убеждал присяжных, что Купер, будучи всемирно известным писателем, не нуждается ни в их решении вообще, ни в возмещении убытков, чтобы сохранить свою репутацию. После окончания его речи присутствующие были уверены, что присяжные последуют его совету.

Но вот предоставили слово истцу. Купер четко и убедительно изложил смысл своих претензий. Решение присяжных было в пользу Купера, и судья присудил ему 400 долларов в возмещение убытков, что считалось крупной суммой для такого рода судебного дела. Так первая судебная схватка с американской прессой закончилась в пользу писателя.

Доброжелательное изложение хода суда было напечатано в одной газете – «Нью-Йорк ивнинг пост» и принадлежало перу друга писателя Теодора Седжуика.

Что касается Трехмильной зоны, то в 1850 году она перешла в собственность пятилетнего Уильяма С. Купера, в 1871 году он ее сдал в аренду поселковой общественной компании, а в 1899 году продал поселку за небольшую сумму.

Купер жаловался друзьям, что он на собственной шкуре познал, что такое тирания американского общества и американской печати. Он осознавал всевозрастающую роль крупного капитала и в частных письмах обращал внимание на «развернувшуюся ныне политическую схватку… между человеком и долларом». О так называемой свободной американской прессе он писал еще раньше в своих «Заметках о Европе». Пресса эта, подчеркивал писатель, становится и инструментом тирании. В ней отражаются пороки, финансовые интересы и ненасытная алчность класса коммерсантов, чьи представители контролируют ее. Чтобы заткнуть рот оппонентам, эта пресса прибегает к подлости и сквернословию.

История с Трехмильной зоной подтолкнула Купера к написанию нового романа. Он хочет описать злоключения американцев, возвратившихся на родину после длительного пребывания в Европе, хотя писатель в это время уже трудился над

тремя произведениями: «Хроникой Куперстауна», «Историей военно-морского флота США» и публицистической книгой «Американский демократ».

«Хроника Куперстауна» – сухой, фактологический рассказ об истории поселка. «Любовь к определенным местам, – писал в предисловии Купер, – таким, как место, где вы родились или где прошла ваша жизнь, помогает поддерживать нашу привязанность и превращает нас в лучших граждан и, вообще, в лучших людей. Такая любовь усиливается знакомством с событиями, и по мере того, как с течением времени увеличивается интерес к прошлому, уважение к этому прошлому и память о нем усиливают нашу естественную тягу к родным местам».

В хронике поселка Куперстаун писатель не оставил никакого места для выражения человеческих чувств, она написана бесстрастным, сухим языком фактов, содержит множество полезных сведений, но никак не способна пробудить у читателей не то, что любовь, но даже обычный человеческий интерес к этому дорогому для писателя месту. В ней нет ни описаний прекрасной природы, мастером которых проявил себя Купер в своих романах, ни интересных рассказов о людях, которые осваивали и покоряли эти земли. Перечисляются имена и фамилии поселенцев, но для тех, кто никогда не знал этих людей, не видел их, все эти сухие перечисления остаются лишь поминальником.

В момент написания и публикации хроники, по свидетельству ее автора, в поселке проживало 1300 человек, Куперстаун был значительно лучше построен, чем обычные поселки такого рода, – многие частные дома, а также магазины и общественные здания были сложены из кирпича. И в отличие от многих поселков лучшие здания принадлежали частным владельцам, а не являлись тавернами, как это было в других поселках и городках. В Куперстауне было два бакалейных магазина, две аптеки, шесть фуражных лавок, торговцы шляпами, часовщики и ювелиры, жестянщики, портные, сапожники, кузнецы.

Купер с гордостью отмечает, что по крайней мере в 35 домах имеются пианино и в поселке есть два мастера, которые производят пианино и органы. Органы установлены в трех церквах. Три опытных преподавателя дают уроки музыки. В поселке по-прежнему издаются две еженедельные газеты – «Фрименз Джорнэл» и «Отсего републикен», исповедующие прямо противоположные политические взгляды.

В поселке имелось девять адвокатов, четыре практикующих врача. Самым крупным предприятием являлась типография братьев Г. и Э. Финни, в которой работали 40 человек. Она

специализировалась на печатании Библии и школьных учебников. В этой типографии, кстати, и был отпечатан тираж «Хроники Куперстауна».

Весной 1831 года французское правительство Луи Филипа Орлеанского удовлетворило просьбу двух чиновников из аристократического круга Алексиса де Токвиля и Густава де Бомонта о поездке в США для изучения реформ тюремно-исправительной системы. Запросу 26-летнего де Токвиля и его приятеля предшествовало определенное развитие событий как в семьях молодых людей, так и в истории французского государства.

Алексис де Токвиль родился 24 июля 1805 года в семье представителя старинной нормандской аристократической фамилии, пэра Франции. Его прадед Кретьен де Малишерб, говоривший о себе как об аристократе-либерале, пострадал во времена Великой французской революции. Правнук считал себя политическим наследником своего прадеда и поэтому с энтузиазмом приветствовал восстановление династии Бурбонов на престоле Франции.

Тщедушный, излишне чувствительный, подверженный с детства частым приступам сильного беспокойства, Токвиль тяготел к родителям, держал себя слишком надменно с людьми незнакомыми и тем не менее способен был поддерживать тесные узы дружбы с теми, кого он хорошо знал. Так завязалась его дружба с таким же аристократом Густавом де Бомонтом. Взгляды Токвиля на современное ему общество и государство формировались под сильным влиянием лекций известного историка и государственного деятеля Франции Франсуа Пьера Гийома Гизо – идеолога крупной буржуазии. Франсуа Гизо известен как один из авторов теории, по которой главным двигателем исторических событий признавалась классовая борьба. Конечно, понимание такой борьбы у Ф. Гизо было ограничено буржуазным мировоззрением.

А. Токвиль усвоил из лекций, что уничтожение привилегий аристократии является исторической неизбежностью. Победа буржуазной июльской революции 1830 года во Франции лишь утвердила его в мысли о том, что Франция неумолимо движется к полному социальному равенству. Если раньше он изучал историю Великобритании как модель политического развития для своей страны, то теперь, летом и осенью 1830 года, его взоры и мысли отошли от конституционной монархии Великобритании и обратились к демократической Америке. Он вместе с Бомонтом решает отправиться в США под не вызывавшим сомнений

предлогом изучения постановки тюремно-исправительного дела. Помимо официальной, была и собственная тайная цель – изучить демократические институты Америки, чтобы по возвращении во Францию можно было внести свой посильный вклад в реорганизацию ее государственных и общественных организаций.

А. Токвиль и Г. Бомонт провели в США девять месяцев – с мая 1831-го по февраль 1832 года. Они беспрепятственно путешествовали по всей стране, встречались с самыми различными людьми, внимательно наблюдали за всем происходящим, читали местные газеты и журналы, вникали во все, о чем им рассказывали новые американские знакомые, в большинстве своем люди известные, влиятельные и богатые.

«В Америке, – вспоминал впоследствии Токвиль, – я видел больше, чем просто Америку. Я искал образ самой демократии с ее отклонениями, искал, в чем заключается характер этой демократии, искал ее заблуждения и увлечения». Он полагал, что все происходящее в США «интересно не только для самих США, но и для всего мира. Это касается не только одной нации, но человечества в целом».

Токвиль пытался проникнуть в сущность американского политического устройства – равенство условий для всех граждан, которое импонировало его собственной философии политического развития общества. Он стремился понять, на чем зиждется жизнеспособность американской демократии, в чем и как конкретно проявляются ее крайности, каково ее возможное будущее.

Возвратившись на родину, А. Токвиль и Г. Бомонт опубликовали в 1833 году совместную работу «Тюремно-исправительная система в США и ее применимость зо Франции». Бомонт в 1835 году издал самостоятельную работу «Мари, или Рабство в США».

Токвиль также написал самостоятельную работу «О демократии в Америке» (1835–1840 гг.). Уже ее первая часть, опубликованная в английском переводе в США в 1835 году, принесла ему известность и выдвинула в число ведущих политологов. Во Франции он был удостоен ордена Почетного легиона, избран членом Французской академии. Его книга была издана в Англии, Бельгии, Германии, Испании, Венгрии, Дании и Швеции. В США она сначала рассматривалась как основанная на необъективных источниках, но со временем была признана классической.

Купер встречался в Париже с Токвилем и Бомонтом накануне их отъезда в США. Он с интересом прочел книгу Токвиля, так как появилась она в книжных лавках как раз, когда он работал над

своим собственным произведением на ту же тему, которое даже по названию перекликалось с работой Токвиля. Свою книгу Купер назвал «Американский демократ». Внешним толчком к ее написанию послужили события, развернувшиеся вокруг Трехмильной зоны и заставившие писателя по-новому взглянуть на складывавшийся в Америке образ жизни, на проблемы развития американской демократии.

Для писателя жители Куперстауна, организовывающие без его разрешения пикники в принадлежащей его семье Трехмильной зоне, олицетворяли собой всех американских граждан, которые перестали уважать частную собственность и поэтому способствовали беспорядкам и анархии. И начиналось это неуважение со школьной скамьи, когда на его земле проводились воскресные школьные пикники. Значит, надо было сначала привить уважение к соблюдению законов государства, к необходимости охраны частной собственности школьникам. Поэтому Купер хотел написать учебное пособие для местных школ, и он договаривается о его издании с куперстаунскими издателями братьями Генри и Элихом Финни и не помышляет о европейских изданиях.

Замысел «Американского демократа» как учебного пособия для школьников, естественно, наложил свой отпечаток и на лексику, и на форму работы, и на круг обсуждаемых в ней проблем. Однако работа Купера не получила статуса учебного пособия для школ штата Нью-Йорк, таким пособием стала книга А. Токвиля «О демократии в Америке» в английском переводе Генри Рива. Купер слишком поздно понял, что, как он сам признал, «он уделил слишком мало внимания этой книге».

Купер фактически стал первым американским писателем, который откровенно описал складывающийся американский образ жизни. «Цель этой книги, – отмечал писатель в коротком предисловии к ней, – заключается в том, чтобы положить начало движению за более справедливое различие между правдой и предубеждением». И здесь же он объясняет, что именно побудило его приступить к этой работе. «Эта небольшая книга была написана как результат многочисленных наблюдений автора над тем, как основополагающие принципы, важные для процветания общества, в умах многих граждан претерпевают кардинальные изменения. И уже господствуют бесполезные убеждения, которые, если они возобладают, не могут не привести к дезорганизации общества, а то и к подлинной революции. И хотя многие готовы протестовать, немногие готовы открыто бороться с этими явлениями».

Писатель честно признается, что после семилетнего

отсутствия он кажется иностранцем в своей собственной стране. Но это обострило его наблюдательность, позволило увидеть все происходящее в новом свете, открыло глаза на такие явления и факты, которым раньше он не придал бы ни малейшего значения. Больше всего его удивили два феномена. Во-первых, стремление большинства довести свои взгляды до крайности, придать им экстремальные формы и выводы. И во-вторых, желание меньшинства забыть обо всем, кроме насущных требований момента, в надежде, что именно настоящее в конце концов и приведет к необходимым кардинальным изменениям.

И между этими крайними выражениями общественного мнения практически не слышен голос простых, честных, бесстрашных и правдивых граждан. Одна партия провозглашает искусственные, ложные, неискренние лозунги, в которые она и сама не верит, а другая – выражает свою озабоченность и тревогу в бесполезных и трусливых жалобах.

«Работа эта написана более с целью осуждения, чем похвалы, с целью исправления создавшегося положения. Добродетели уже в самих себе содержат награду, а ошибки – крайне опасны» – таким предупреждением завершает Купер свое предисловие.

Посмотрим же, какие ошибки имел он в виду, от чего он хотел предостеречь американское общество. Книга состоит из 45 коротких глав и трехстраничного заключения. Начинается она с главы «Формы правления», в которой Купер разделяет три формы управления государством: деспотия, ограниченная монархия и республика. Хотя тут же оговаривается, что под формой монархии иногда скрывается диктатура аристократии, а иногда и республиканское правление.

Наибольший интерес представляют главы, в которых Купер рассматривает особенности государственного и общественного устройства США, права и обязанности их граждан. В главе «О республиканской форме правления в Соединенных Штатах Америки» Купер, например, анализирует права граждан по конституции США. «Много распространенных ошибок существует в отношении того влияния, которое федеральная конституция страны имеет на права и свободы граждан. Права и свободы отдельного гражданина в большей степени зависят от политических институтов штатов, чем от федеральных уложений… В конституции США нет ничего, что бы запрещало всем штатам, или любому отдельно взятому штату, отдавать официальное предпочтение той или иной религии, подчинять печать контролю цензоров, накладывать ограничения и штрафы на пользование правом свободы слова или же подвергать граждан любым политическим или гражданским ограничениям, которые

применяются при любой другой форме управления. Гарантии свобод граждан, обеспечиваемые конституцией США, весьма ограниченны, кроме тех случаев, когда это относится к действиям собственно правительства федерации».

Еще в те далекие времена Купер точно подметил противоречия между общенациональной конституцией и законами отдельных штатов и указал на то весьма ограниченное влияние, которое конституция США способна оказать на власти штатов, если они захотят в своих штатах ввести законы, идущие вразрез с конституцией США. Весь мир имел возможность наблюдать, во что выливалось это противоречие в 60-е годы нашего XX века, когда в южных штатах страны проводилась организованная штатными властями обструкция действиям федерального правительства, направленным на десегрегацию публичных школ и общественного транспорта.

Интересно отметить, что и Токвиль в своей книге указывал на кардинальные недостатки американской демократической системы: возможную тиранию большинства, опошление массовой культуры, централизацию власти, возвышение «промышленной аристократии, потенциально наиболее жестокой из всех, что когда-либо существовали». Но Токвиль не сумел рассмотреть тех противоречий, которые увидел Купер в отношениях между федеральными и штатными властями, и тот новый характер, который эти отношения принимали. Токвиль не понял, что в США главным инструментом демократии были не штатные, а федеральные власти. И сегодняшние исследователи форм и методов буржуазной демократии в США отмечают, что, как это ни парадоксально на первый взгляд, «элементарный и доминирующий факт нашей истории заключается в том, что есть причинная связь между расширением и углублением свобод в стране и укреплением сильного общенационального правительства».

Отметим со своей стороны, что это последнее утверждение можно принять только в той его части, которая относится к общим, декларированным свободам национальных меньшинств и в особенности черных граждан страны. Что же касается политических и экономических свобод всех граждан и их материальных гарантий, то тут, конечно, по-прежнему прав Токвиль, который не ждал ничего хорошего от чрезмерной централизации власти в руках федерального правительства. Вся практическая деятельность американских администраций лишний раз подтверждает правоту Токвиля. Как тут не вспомнить крылатую фразу, произнесенную Джоном Дикинсоном – этим «писателем революции» на конституционном конвенте 1787 года:

«Разум может ввести нас в заблуждение, нашим гидом должен быть жизненный опыт».

Купер в своей книге рассматривает самые различные аспекты американского образа жизни – характерные черты американской демократии; силу исполнительной власти; равенства граждан («абсолютного равенства условий в политических или гражданских правах в Соединенных Штатах в целом не существует; хотя все они существуют в большей степени в одних штатах, чем в других»); свободу («свобода, как и равенство, – это термин, который больше употребляют, чем понимают»); предубеждения и предрассудки; разницу между аристократом и демократом («аристократ – это один из тех немногих, кто обладает политической властью в стране, а демократ – один из большинства»); представительство в выборных органах; печать и свободу печати; частную собственность; общественное мнение; рабство и т. д. и т. и.

Купер хорошо помнил, что во время словесной битвы по поводу того, банку какого штата надлежит считаться банком США, или в схватках по вопросу о сохранении рабства сильным нападкам подвергались различные положения конституции США. При этом делались ссылки на английские аналоги или же использовались аргументы явно английского происхождения. Купер знал, что англичане спят и видят, как бы расчленить Соединенные Штаты. Поэтому он настаивал на «абсолютной необходимости толкования конституции США на основе провозглашенных ею принципов», требовал «строжайшего соблюдения как духа, так и буквы ее положений».

Обозревая все происходящее в США, Купер видел явные признаки «морального затмения», о котором он так ядовито писал в «Моникинах». Он опасался, что интеллектуальные, социальные и этические стандарты американского общества будут с течением времени все больше деградировать. Доказательства он видел в том, что набирает силу новый «дешевый» журнализм, не считающийся ни с фактами, ни с отдельными личностями и проповедующий «сентиментальный эгалитаризм и дурацкую ортодоксальность». В стране процветали религиозные реформаторы, шарлатаны от экономики. Демагоги лестью и подкупом создавали свой партийный аппарат. Совестливость фермера, допускавшая отеческую заботу о нанятом рабочем, подменялась «корпоративным сознанием», основанным на чистой эксплуатации человека человеком. Вульгарные и себялюбивые личности, для которых богатство и наличие кредита служили показной мерой их значимости, выдвигали себя в качестве общественных лидеров. А фермеры-арендаторы, наплевав на

подписанные ими контракты и на гарантированное конституцией право частной собственности, прибегали к физическому насилию или крючкотворству законодательных органов, чтобы всеми правдами и неправдами захватить права на владение землей.

По мнению Купера, в американском обществе все больше и больше доминировали эгоистичные, не подпадающие под действие закона группы и группки, которые в своей совокупности оказывались более влиятельными, чем законно избранные власти. Он видел, как эти могущественные группировки угрожали индивидуальной свободе граждан, правам национальных меньшинств и даже непредвзятости и честности действий властей.

Три главы своей книги Купер посвятил роли печати вообще и американской печати в частности. Рост числа газет в стране приводил к тому, что не хватало интеллигентных, квалифицированных редакторов. К тому же им мало платили. Внимательные и осторожные наблюдатели газетных нравов задавали себе вопрос: если исключить сообщения о свадьбах и похоронах, то в остальных новостях можно ли будет верить хотя бы половине так называемых фактов, с такой щедростью рассыпанных на страницах газет. Если принять во внимание количество газет и их тиражи, то не будет преувеличением утверждать, – говорит Купер, – что «вся нация целиком в моральном смысле живет в атмосфере лжи… Редактора на страницах газет расхваливают своих личных друзей и поносят на все лады своих врагов…» Купер приходит к единственному выводу, что главная задача американской печати, если судить по ее состоянию в первой половине XIX века, заключалась в том, чтобы «всячески искажать правду».

Вслед за Токвилем Купер признает наличие в Америке социальных классов, хотя он отмечает, что здесь в отличие от Европы «классы переходят один в другой более легко, разграничительные линии между ними очерчены менее отчетливо, и они больше похожи друг на друга». Современники Купера вообще не признавали наличия классов в Америке и любое несогласие с их мнением клеймили как продиктованное снобизмом и аристократизмом.

Купер предупреждает своих сограждан о наличии «тирании большинства»: тирания демократии не принимает форму неприемлемых законов, она просто подменяет законы так называемым общественным мнением. Как король всегда имеет своих придворных льстецов, так и демократия имеет своих собственных льстецов – демагогов.

И тем не менее Купер верит в демократическое устройство

общества, считает его более высокой формой государственного устройства, чем монархия или аристократическая республика. Он призывает сторонников демократии «ограждать и защищать систему от зла и порока, присущих именно этой системе, а не произносить напыщенные речи против злоупотреблений других систем, …применять необходимые средства для лечения, а не превозносить самих себя в ущерб милосердию, здравому смыслу, а часто и правде».

Братья Г. и Э. Финни издали «Американского демократа» небольшим тиражом в апреле 1838 года, а уже в мае Купер писал жене из Нью-Йорка: «Американский демократ» приобретает известность. Джеймс К. Полдинг (писатель, министр военно-морского флота США в 1838–1841 годах. – *Прим. С. И.*) сказал мне, что это одна из лучших книг, известных ему, лучшая книга на эту тему, хотя он и не согласен с некоторыми моими утверждениями. Уэрт (казначей нью-йоркского банка, автор небольших книг. – *Прим. С. И.*) говорит, что эту книгу должен иметь в своих руках каждый молодой человек в стране. Рано или поздно она займет свое место, в этом можно быть уверенным».

Однако книга раскупалась плохо. 25 июля 1838 года Купер сообщает жене: «Демократ» распродается очень медленно. Я думаю, что всего разошлось экземпляров пятьсот. Хотя, конечно, ничего не было сделано, чтобы разрекламировать книгу. И тем не менее ежедневно я слышу о ней благоприятные отзывы». Впоследствии писатель отмечал, что выручка от проданных экземпляров «Американского демократа» не покрыла даже расходов на бумагу, на которой книга была напечатана. «Ошибка заключалась в названии. Если бы Библию назвали демократической, то в этой стране она бы сразу же утратила всякую притягательность».

Единственная рецензия на «Американского демократа» появилась в апрельском номере (1838 г.) журнала «Никербокер оф Нью-Йорк мантсли мэгезин», который с 1834 года редактировал литератор Люис Г. Кларс. Хотя Купер время от времени сотрудничал в «Никербокере», одном из влиятельнейших литературных журналов Америки, рецензия на последнюю книгу писателя была резко отрицательной.

Демагоги немедленно обвинили писателя в непатриотическом поведении, в презрительном отношении к демократии, в аристократическом снобизме, от которого с «отвращением отворачиваются все честные и свободные граждане этой свободной великолепной страны».

Однако «Американский демократ» с честью выдержал самую трудную проверку для литературного произведения – проверку

временем. Известный критик нравов американской общественной жизни Генри Л. Менкен писал в 1931 году в предисловии ко второму изданию «Американского демократа»: «Сам факт, что сегодня эту книгу можно читать, лишь изредка подавив зевок, лучшее доказательство дальновидности ее автора. В целом его предсказания были настолько же разумны, насколько точны его наблюдения… Купер потерпел поражение, но осталась его книга – простая, разумная и логичная, сдержанная по тону, но необычайно проницательная по своим выводам. Это творение человека, который глубоко верил в демократические основы устройства общества, несмотря на все его сомнения».

Отметим, что сам Г. Менкен характеризовал американцев как «наиболее пугливую, лицемерную, трусливую и постыдную толпу рабов и любителей муштры, которая когда-либо объединялась в христианском мире под одним знаменем после средних веков».

В 1956 году известное американское издательство «Альфред А. Кнопф» выпустило «Американского демократа» третьим изданием, в мягком переплете, рассчитанном на широкую читающую публику. Во вступительной статье к новому изданию Роберт Е. Спиллер писал: «Американский демократ» на самом деле более своевремен в 1950 году, чем он был в 1850. Американский народ к этому времени был достаточно зрелым, чтобы позволить себе благополучно предаться такой самокритике, которая раньше была бы просто невозможной. Если он мог вынести язвительные насмешки Синклера Льюиса и Г.Л. Менкена, то он уже был подготовлен к тому, чтобы узнать кое-что о себе от более умеренного, но и более дальновидного Джеймса Фенимора Купера». Тот же Спиллер отмечает, что как это ни «поразительно, но вопросы, которыми он занимался, все еще существуют; проблемы, которые он предлагал разрешить, все еще не решены и принципы, которые он исповедовал, все еще сохраняют свою силу».

Современные исследователи общественно-политических взглядов писателя считают, что он смотрел на происходящее значительно шире и с большим философским проникновением в его суть, чем его оппоненты. Подобно другим мыслящим американцам своего времени, Купер, оставаясь идеалистом, был человеком весьма практических взглядов.

Его система общественно-политических взглядов складывалась под влиянием трех основных факторов: твердого федерализма его отца; тесного сотрудничества с либеральным аристократом генералом Лафайетом и, наконец, того, что, когда потребовалось пересмотреть его взгляды в связи с окончательным упадком федерализма, он предпочел демократов Джексона и Ван-

Бюрена вигам Уэбстеру и Клею. На политическую философию Купера не могло не влиять и то обстоятельство, что он прекрасно знал феодальное прошлое и в то же самое время, что называется из первых рук, получил богатый опыт в результате наблюдения за современной народной революцией. В результате Купер был значительно лучше подготовлен, чем большинство его сограждан, к тому, чтобы распознать и понять зигзаги современной ему американской политики. Купер усвоил, что теорию от практики часто отделяет глубокая пропасть, что одно дело абстрактные, провозглашенные права граждан и совсем другое – применение их на практике в рамках демократического общества.

Содержащаяся в книге Купера «комбинация идеализма со здравым смыслом и традиций с индивидуальной свободой» и является тем именно базисом, на котором зиждется американский образ жизни. «Будущее американской республики, – утверждает Спиллер, – таким образом заключается в способности американского народа подчинять общественное мнение фактам реальной жизни, способности понимать, укреплять и защищать существующие институты республики и остерегаться фанатиков-экстремистов и слова, и дела».

Являясь по рождению земельным аристократом, Купер тем не менее по своим политическим убеждениям с течением времени стал республиканцем. «Европа импонировала его врожденным аристократическим предрассудкам, но заставляла возмущаться его демократические убеждения, – отмечает известный американский исследователь общественной мысли страны В.Л. Паррингтон. – Джексоновская Америка импонировала его демократическим предрассудкам, но оскорбляла его аристократизм». Так возник конфликт между высокими принципами, которым поклонялся писатель, и обыденными фактами реальной жизни, которая его окружала. В «Американском демократе» Купер пытается примирить непримиримое – то, что казалось ему идеальным аристократическим укладом, с якобы справедливым характером американской демократии.

Землевладелец-аристократ, исповедующий республиканские взгляды, возвратившись после семилетнего отсутствия в родную Америку, неожиданно для самого себя оказался в стране и обществе, которые он не мог принять. Ему казалось, что он знает то горькое лекарство, которое должно было излечить это больное общество. Сначала он предложил свое лекарство в форме сатиры. Но, как мы уже отмечали, «Моникины» не только не пришлись по душе его согражданам, но и привели к тому, что многие усомнились в здравости рассудка автора.

Теперь писатель обратился к доступной каждому форме учебного пособия для школьников – и снова потерпел сокрушительное поражение. В чем же дело? Стефан Цвейг в своем кратком биографическом очерке о Чарльзе Диккенсе заметил, что «неизмеримое, распространяющееся и вширь и вглубь влияние писателя становится возможным лишь благодаря редкому сочетанию двух обычно противоборствующих стихий, благодаря совпадению устремлений гения с традицией его эпохи».

Когда Купер писал о покорении новых земель, об уходе Натти Бампо все далее на Запад под натиском наступающего прогресса – в его произведениях отражались художественные запросы тогдашнего американского общества, и его книги получали всеобщее признание. Когда же он в «Лайонеле Линкольне» изобразил благородного офицера из армии противника, это никак не отвечало художественным запросам нации, готовящейся торжественно отметить полувековую годовщину начала войны американских колоний за независимость и образование независимого американского государства. И, несмотря на напряженный сюжет, роман успеха не имел.

И теперь верность писателя своим представлениям об идеальной республике, его желание научить американских граждан как следует вершить свои дела, пришли в столкновение с устоявшейся системой общественных и художественных запросов нации и именно поэтому вызвали такое резкое осуждение и нападки на автора «Американского демократа».

Читатели могут спросить: а как же тогда с работой француза А. Токвиля «О демократии в Америке»? Но Токвиль описывал американскую политическую и общественную систему с восхищением, отмечая ее отдельные недостатки. Купер же взялся за перо больше «с целью осуждения, чем похвалы, с целью исправления создавшегося положения».

Все дело в том, что американское общество еще не было готово к серьезной критике его политической общественной системы. Как отмечал тот же Г. Менкен, в Америке первой половины XIX века «чувство собственного достоинства превращалось в тщеславие. Человек примитивного склада ума, посматривая наверх, приходил к выводу, что он так же хорош, как и высшие представители. А затем ему уже ничего не стоило посчитать, что он даже лучше их. В результате быстро возникали новые критерии, и все они были несовместимы с подлинной цивилизацией. Ценности, исповедуемые в коровнике, становились официальными критериями нации».

Конечно, в этих условиях мысли, высказываемые Купером, зерна его идей попадали на каменную почву равнодушия и

вражды и вызывали обвинения писателя в стремлении к богатству, заносчивости и властности, гордыне и презрению к простым смертным, которых он якобы стремился отстранить от участия в общественной жизни. Демократия в данном случае привела к возвышению демагогов, диктатуре необразованного большинства, господству раболепствующих и подлых людишек, «не знающих истории и не способных понять неотвратимых последствий принимаемых решений».

Менкен известен своим элитарным взглядом на развитие общественной мысли. Эта элитарность проявлялась не в том, что он проповедовал буржуазные взгляды и отрицал право на выражение своих взглядов за пролетариатом. Элитарность Менкена зиждилась на твердой уверенности в примате интеллекта в его высшем проявлении – творчестве – над всеми другими сферами человеческой деятельности. И в цитируемом выше отрывке под «ценностями, исповедуемыми в коровнике», он имеет в виду не взгляды простых тружеников, а взгляды мелких собственников, мелких буржуа, всех тех, кто поклонялся единственному богу – доллару и кто, по словам того же Менкена, создавал такие законы, которые заставляли бы каждого гражданина исповедовать только те мысли и привычки, которые были бы угодны отечественным пастырям».

Как известно, дальнейшее развитие американской нации по этому пути привело к тому, что «…американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров».[2]

Купер был далеко не единственным мыслителем, кого интересовало общественно-политическое и государственное устройство его страны, принципы равновесия между правами федеральной власти и администраций отдельных штатов. Проблема эта встала особенно остро после того, как в 1828 году были введены протекционистские тарифы на ввоз многих товаров. Здесь произошло резкое столкновение интересов зарождающейся промышленности штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Коннектикут и плантаторов южных штатов – Северной и Южной Каролины, Джорджии, Алабамы, Миссисипи и Луизианы.

Если учесть, что это был третий протекционистский тариф за последние 12 лет (первый – в 1816 году, второй – в 1824 году), то неудивительно, что недовольные сразу же назвали его «омерзительным тарифом», тем более что он распространялся на ряд товаров, введения покровительственных тарифов на которые никто не требовал. Положение усугублялось тем, что за

предшествующее десятилетие центр интересов южных штатов переместился из Виргинии в Южную Каролину. Но главное здесь было не в том, какой штат доминирует в так называемом «черном поясе» США, а в том, какие интересы выходили на первый план. Дух гуманизма, основанный на убеждении, что рабство постепенно само по себе отомрет естественным путем, сменился осознанием крайней выгодности рабовладельческой системы для южных штатов и привел к стремлению распространить ее дальше на Запад. Небольшая группа джентльменов-плантаторов полностью властвовала над безгласной массой фермеров. Советские читатели хорошо знают о существовавших на юге США порядках по известному у нас роману Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

Законодательное собрание штата Южная Каролина ответило на введение протекционистского тарифа специальным заявлением «Объяснение и протест Южной Каролины». В этом акте введенный федеральным правительством тариф объявлялся неконституционным и содержалась угроза отменить его действие на территории штата. Как оказалось впоследствии, текст «Протеста Южной Каролины» был написан не кем иным, как вице-президентом США Джоном Колдуэллом Калхоуном (1782–1850).

Сегодня лишь немногие историки вспоминают имя Дж. Калхоуна, а между тем он в свое время был, по свидетельству известного исследователя американской общественной мысли В.Л. Паррингтона, «одним из выдающихся политических мыслителей Америки», «ведущим политическим мыслителем юга, его некоронованным королем, распоряжавшимся судьбой своей родной Каролины так, как будто она была маленьким захудалым местечком».

Конечно, беспрецедентное заявление законодателей Южной Каролины о том, что они готовы аннулировать на своей территории закон, принятый федеральным правительством, привлекло всеобщее внимание и в самих США и за рубежом. Откликнулся на это заявление и пребывавший в Париже Купер.

«Настроения в Южной Каролине мне хорошо известны и доставляют большую боль, – признается писатель в письме своему другу Уильяму Шубрику 20 сентября 1830 года. – …Что касается фактов, то Луи Маклейн (посланник США в Англии, впоследствии был министром финансов и государственным секретарем США. – *Прим. С. И.*) сейчас находится здесь… И он у в е р е н, что ни Джорджия, ни Северная Каролина ни в коем случае не присоединятся к Южной Каролине в случае, если она попытается отменить или любым другим способом аннулировать действие законов Соединенных Штатов на своей территории…

Принадлежность к Союзу подразумевает нашу лояльность, и хотя ее можно подтвердить неопровержимыми аргументами, прежде всего это – страстное чувство, испытываемое повсеместно, что бы там ни заявляли доктор Т. Купер (президент Колумбийского колледжа в штате Южная Каролина и активный сторонник выхода штата из США. – *С. И.*) и его новоявленные сторонники… Теперь о принципах. Форма правления в Соединенных Штатах, безусловно, союзная, при которой власть в большой степени принадлежит членам союза. Мудрость, разумная политика и даже справедливость требуют, чтобы власть федерального правительства осуществлялась сдержанно, особенно в тех случаях, когда власть делится между федеральным правительством и администрацией штатов не только в силу осторожности, которой должно сопровождаться применение противоречивых юридических уложений, но и в силу многообразия местных особенностей, которые могут быть затронуты при осуществлении централизованной власти на такой огромной территории. Я отношу преобладание и популярность политики Внутренних улучшений за счет благих намерений, хотя я сам и осуждаю эту политику. Население же Соединенных Штатов гордится своими общими и национальными характерными особенностями и, естественно, хочет увидеть плоды своих трудов… Я придерживаюсь твердых убеждений, что в случаях, вызывающих сомнение, власть центрального правительства должна осуществляться на основе более узкого, а не расширительного толкования… Привычка доведения принципов до крайности опасна для обеих сторон… С общенациональных позиций мы не виргинцы и не ньюйоркцы, а американцы… Наша страна – это наш Союз, сохранение и защита которого – в наших высших интересах… Что же касается мотивов, то я убежден, что Англия имеет своих агентов, которые раздувают огонь…»

Между тем события в «черном поясе» США развивались своим чередом. Постепенно ведущей монокультурой Юга становился хлопок. Если в 1791 году общий объем экспорта хлопка составлял 200 тысяч фунтов, то уже к 1803 году он превысил 40 миллионов фунтов. Экономическое процветание и престиж Юга полностью зависели от сохранения рабовладельческих порядков. Южане с опаской поглядывали на Север и внимательно следили за действиями федерального правительства. Если Север, нуждающийся в сырье Юга для развития своей промышленности, выдвигал и отстаивал теорию единства Союза штатов, то Юг, стремящийся распространить свою систему все дальше на Запад, придерживался концепции сепаратизма и ждал лишь удобного

повода, чтобы заявить об этом во всеуслышанье.

Повод не заставил себя долго ждать. Президентские выборы 1828 года принесли победу ставленникам Юга – двум выходцам из Южной Каролины: состоятельному плантатору генералу Эндрю Джексону и вице-президенту предыдущей администрации Джону Калхоуну. Союз этих двух незаурядных джентльменов с Юга уже с самого начала носил в себе зерно раздора. Дж. Калхоун, будучи вице-президентом при Джоне Куинси Адамсе, намеревался выдвинуть свою кандидатуру на пост президента, но вынужден был снова довольствоваться вторым местом в виду огромной популярности генерала Э. Джексона.

Будучи ближайшим политическим советником президента, Калхоун рассчитывал с его помощью выставить свою кандидатуру в президенты на следующих выборах в 1832 году. Однако Э. Джексон вскоре охладел к Калхоуну и начал всячески выдвигать другого своего сторонника – Мартина Ван-Бюрена.

Тому были две причины. Во-первых, Джексон узнал, что Калхоун, будучи военным министром в обеих администрациях Джеймса Монро, высказывался в 1818 году за объявление генералу Э. Джексону порицания за его распоряжение повесить двух английских граждан, обвинявшихся в подстрекательстве индейцев-семинолов выступить против армии Джексона. Казнь эта привела к серьезным дипломатическим осложнениям между США и Англией.

Во-вторых, супруга Калхоуна подвергла остракизму жену военного министра Итона – Пегги О'Нил, на которой Итон женился с благословения Джексона. Примеру Флориды Калхоун последовали жены всех членов кабинета, и лишь один холостяк Ван-Бюрен позволял себе посещать обеды и приемы в доме Итонов.

Полный политический разрыв между Калхоуном и Джексоном наступил в конце 1832 года. Дело в том, что летом конгресс США снова рассматривал систему протекционистских тарифов и, хотя незначительно понизил некоторые из них, пошлины на основные товары по-прежнему сохранялись на достаточно высоком уровне. Законодатели Южной Каролины привели в исполнение свою ранее высказанную угрозу: 24 ноября 1832 года они объявили законы о Тарифах 1828 и 1832 годов противоречащими конституции США, аннулировали их и запретили представителям федерального правительства сбор соответствующих пошлин на территории штата с 1 февраля 1833 года. Одновременно Южная Каролина пригрозила, что в случае применения силы она выйдет из Союза штатов.

Тем временем Калхоун был избран членом сената США, на

заседаниях которого предполагалось развернуть основную битву вокруг вопроса о праве отдельного штата аннулировать федеральный закон, и в декабре 1832 года он ушел в отставку с поста вице-президента США. Отметим в скобках, что вице-президентом США во второй администрации Э. Джексона был избран М. Ван-Бюрен, который затем в 1837 году был избран на один срок восьмым президентом США.

Мы так подробно остановились на этих событиях, чтобы стало ясно, что вопрос о соотношении власти между федеральным правительством и администрациями отдельных штатов был далеко не теоретическим, а имел весьма серьезные практические последствия.

Отношения между Вашингтоном и Южной Каролиной развивались следующим образом. Джексон расценил декрет Южной Каролины о признании недействительным закона, принятого конгрессом США, как «несовместимый с существованием Союза, вступающий в определенное противоречие с буквой конституции США, неправомочный с точки зрения ее духа, противоречащий всем тем принципам, на которых она основывается, и разрушающий великую цель, ради которой она была создана». Президент обратился к гражданам Южной Каролины с официальной декларацией, в которой расценил «выход из Союза путем применения силы как измену» и, в свою очередь, подчеркнул, что он не сможет «избежать исполнения своего долга». Он тут же внес на рассмотрение конгресса США закон о применении силы.

Декларация президента была вручена жителям Южной Каролины 10 декабря 1832 года, а уже 20 декабря законодательное собрание штата одобрило резко отрицательный ответ, в котором заявило, что «штат на применение силы ответит силой и, уповая на божье благословение, отстоит свою свободу любой ценой».

До применения силы дело не дошло, хотя конгресс США и одобрил внесенный президентом закон. Однако в результате горячих дебатов в сенате США одновременно было принято решение о постепенном снижении тарифных ставок. И президент Э. Джексон сразу ввел в действие два закона, один давал ему право использовать в случае необходимости армию и военно-морской флот для обеспечения беспрепятственного сбора таможенных пошлин на территории всех штатов, а другой предусматривал снижение пошлин. Южная Каролина осталась верной себе: она отменила свое первое постановление об аннулировании законов о тарифах, но объявила недействительным на территории штата федеральный закон о

применении силы.

Купер внимательно следил за всеми перипетиями развернувшейся борьбы. Его давно интересовала проблема соотношения власти между федеральным правительством и администрацией штатов, а также какие права в этих условиях имеют граждане США как по отношению к Вашингтону, так и к столице своего штата. Именно эта проблема лежала в основе спора между Южной Каролиной и федеральными властями.

Позицию Южной Каролины суммировал Дж. Калхоун в своем «Обращении к народу Соединенных Штатов», которое распространялось одновременно с принятым 24 ноября 1832 года законодательным собранием штата законом об аннулировании тарифов. Калхоун рассматривает вопрос с позиции того, какие обязательства штатов имеют приоритет: их обязательство охранять права своих граждан или же сохранять и поддерживать федеральный Союз штатов.

Следует отметить, что взгляды Калхоуна эволюционировали. Первоначально он был сторонником идеи прочного Союза штатов и поддерживал в 1816 году введение первых протекционистских тарифов на том основании, что «они сыграют роль нового и наиболее могучего связующего фактора, сводящего на нет любые политические возражения, которые могут быть выдвинуты против существующей системы».

Выступая 4 февраля 1817 года в палате представителей конгресса США в защиту так называемых Внутренних улучшений, предусматривающих в первую очередь строительство дорог и каналов, расчистку рек и озер, Калхоун говорил: «Мы – великая нация, и мы быстро растем. В этом наша гордость, и здесь же опасность, наша слабость и наша сила… Мы имеем наиболее насущное обязательство – противодействовать любой тенденции к разобщению».

Но, как мы уже знаем, впоследствии Калхоун изменил свои взгляды и выступал не за укрепление Союза штатов, а за право каждого штата накладывать вето на применение федеральных законов на его территории, если эти законы противоречат интересам граждан штата. Он пересмотрел свое отношение и к институту рабства: «Многие на Юге когда-то верили, что рабство является моральным и политическим злом. Это безумное заблуждение ушло в прошлое. Теперь мы видим рабство в истинном свете и считаем его самой надежной и устойчивой основой свободных институтов в мире».

Начав свой политический путь сторонником джефферсоновской демократии, Калхоун впоследствии стал апологетом и философом экспансионизма рабовладельческого

Юга, разработавшим сепаратистские теории, расчистившие путь движению южных штатов за отделение от Союза штатов. Как известно, следование «черного пояса» этим теориям в конце концов привело к гражданской войне 1861–1865 годов и к военному поражению Юга.

Купер был твердым сторонником единства Союза штатов, он с большим вниманием следил за всем происходящим на Юге, в том числе и за событиями, развернувшимися вокруг введения протекционистских тарифов. Он был знаком со взглядами Калхоуна и с декларацией президента Э. Джексона по поводу событий в Южной Каролине. Работая над «Американским демократом», он, несомненно, учитывал опасность для единства союза взглядов, высказанных Калхоуном, и пытался в своей новой работе противопоставить им свою позицию. Купер, защищая неприкосновенность федерального союза, в то же время подчеркивал, что штаты пользуются весьма большими правами в отношении своих граждан, благосостояние которых действительно во многом зависит от внутренних законов штатов.

Глава 11
ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ НРАВОВ

Еще до отъезда в Европу, летом 1825 года, Купер сообщал своему другу военно-морскому офицеру Уильяму Шубрику, что он намерен бросить писать книги, «за исключением бессмертной истории», имея в виду «Историю военно-морского флота США». Ему же он писал осенью 1830 года из Парижа: «Я не забыл об истории ВМФ, хотя она и продвигается слишком медленно, так как здесь невозможно найти необходимые документы».

Естественно, что по возвращении на родину Купер вскоре возобновил свои изыскания по истории военно-морского флота США. Он изучает имеющиеся официальные документы, беседует с офицерами и матросами флота, совершая с этой целью специальные поездки в Филадельфию и Нью-Йорк. Работа эта захватила его целиком, она нравилась ему, приносила удовлетворение и, главное, позволяла в какой-то степени заглушить все еще живущую в нем тягу к морю. Казалось, ничто не могло оторвать его от этого любимого занятия и переключить внимание на что-то другое.

Но жизнь с ее непредсказуемыми поворотами судьбы и на этот раз распорядилась по-другому. Толчком, как мы уже отмечали, послужили события, разыгравшиеся вокруг Трехмильной зоны.

«В моей голове возникла причудливая идея снова написать роман, – сообщал Купер своему лондонскому издателю Р. Бентли 4 июля 1837 года. – Я пока не уверен, напишу ли я его, но если напишу, то это будет что-то вроде «Темплтон в 1837 году». Конечно, название может быть и другим, но это дает вам идею книги. Если она будет написана, то, вероятно, этим летом и осенью, чтобы быть законченной к Рождеству. В этом случае «Историю ВМФ» придется отложить. Что вы скажете на это? Ваше слово может все решить. Кэри (Генри Чарльз Кэри – известный экономист, совладелец крупнейшего в США филадельфийского издательства «Кэри энд Ли». – *Прим. С. И.*) все время давит на меня, но я все же должен преодолеть определенное отвращение к такого рода занятию…»

Ответ Ричарда Бентли не заставил себя ждать: «Рад был услышать, что вы намереваетесь отложить появление «Военно-морской истории» до выхода нового романа». И, будучи

человеком деловым, Бентли здесь же предложил заманчивые финансовые условия.

Не прошло и трех месяцев со времени отсылки письма Бентли, а Купер уже сообщал У. Шубрику: «Состояние дел в этой стране вложило в мою голову новый роман. Его план готов, и на одну шестую книга уже написана. Думаю, что она будет закончена в ноябре. Назову ее «Домой, или Дела как они есть». Одна часть – действие происходит на идущем из Лондона почтово-пассажирском судне, а другая – в Темплтоне. Это обычный роман, половина действия – на море, и половина – на суше. Но это – секрет, хотя контракты на книгу подписаны по обе стороны океана».

Первоначально предполагалось, что роман будет называться «Домой, или На море и на суше», но в ходе работы писатель счел необходимым, чтобы почти все действие происходило на море. «Я понял, что моему замыслу будет тесно в тех рамках, которые я определил, придется продолжить эту историю в другом романе, который я назову «Дома» или что-то в этом роде. Когда это продолжение выйдет в свет, оба романа поддержат друг друга, – сообщая Купер о своих планах лондонскому издателю в январе 1838 года. – …Я придерживаюсь того мнения, что продолжение будет иметь больший успех в Англии, чем в Америке, ибо я не пощажу глупости и причуды нашей страны. У вас есть много карикатур на наше общество, но моя цель – дать правдивую картину, чего бы это мне ни стоило».

Сомнения писателя в том, как будет встречен его роман, имели под собой определенную почву. В сентябре 1837 года в Филадельфии вышли в свет его «Заметки о Европе. Англия». Купер был уверен, что путевые заметки с размышлениями обо всем увиденном, с описанием общественных нравов и политических схваток должны пользоваться успехом у читателей. Однако его надеждам не суждено было оправдаться. «Боюсь, что эта книга, – признавался он в письме У. Шубрику в ноябре 1837 года, – встречена здесь не слишком хорошо. Она опередила свою страну. Если другие писатели поддержат меня, то мы еще сможем кое-что сделать. Но они боятся за свою популярность. К тому же добрая половина из них испытывает глубочайший провинциальный благоговейный трепет при одном упоминании названия старого острова. Боюсь, что нам придется смириться с мыслью о том, что мы проживем свое время, как жители простой колонии. Через столетие дела, может быть, и поправятся, но не в наши дни. Иммиграция лишь усугубляет наше положение, половина пишущих в этой стране – англичане».

Новый роман Купера получил окончательное название

«Домой, или Погоня. Морская история» и вышел в свет в мае 1838 года в Лондоне и в августе – в Филадельфии. В центре романа – перипетии двух братьев-американцев Эдуарда и Джона Эффингхемов, возвращающихся вместе с Евой, дочерью Эдуарда, на американском почтово-пассажирском судне «Монток» из Англии в США после длительного пребывания в Европе.

Выбор главных героев романа был далеко не случаен. Те, кто читал роман «Пионеры, или У истоков Саскве-ханны», помнят, что дочь судьи Темпла Элизабет вышла замуж за Оливера Эффингхема, отпрыска старинной английской семьи. Герои нового романа Эдуард и Джон – дети Оливера и Элизабет. Писатель предполагал начать свой рассказ с прибытия корабля в бухту Сэнди-Хук (штат Нью-Джерси). Но читатели ждали от него морских приключений, и Купер изменил свой план. Роман начинается с момента отплытия «Монтока» из английского порта Портсмут, и все действие происходит на корабле. Фактически Купер первым ввел в литературу океанский лайнер как место действия комедии нравов.

В кратком предисловии к книге Купер писал: «Роман был задуман с единственной целью показать нынешнее положение дел в обществе Соединенных Штатов через группу действующих лиц, каждое со своими особенностями, которые только что прибыли из Европы и для которых отличительные особенности страны проявятся более выпукло и ярко, чем для тех, кто никогда не уходил из-под их влияния».

Купер предвидел, что найдутся критики, которым покажутся невероятными описываемые в романе события. Таким критикам он заранее отвечал в предисловии к роману: «Большинство наших писателей, вероятно, знают, что все, что попадает на страницы нью-йоркских газет, не обязательно так же правдиво, как библейские истории».

Уже на первых страницах романа читатель знакомится с его основными героями. Вот Эдуард Эффингхем – «внимательный, вдумчивый, преисполненный опыта, со вкусом, воспитанным умением наблюдать», резко отличающийся от «суетливых и простоватых людишек, которые составляют большинство практически во всех жизненных ситуациях». Его брат Джон, «хранящий свое золото в корпорациях, которые так же бездушны, как и он сам». Ева, дочь Эдуарда, – «с головой, переполненной знаниями, чувствительными пальцами, глубокими глазами, преисполненной грации фигурой», направляющаяся в Америку, чтобы, по словам ее дяди Джона, «растратить свои сладостные достоинства в пустыне» и чтобы окунуться «в рабство, которое и составляет жизнь американской женщины».

Так один за другим появляются перед читателями добродушный капитан «Монтока» Трак. Развязный и грубый редактор провинциальной американской газеты Стедфаст Додж, невежественный и хвастливый, завистливый и раболепствующий, – один из тех, кто мнит себя «подлинным строителем Америки». Жаждущий приключений молодой американец, скрывающийся под вымышленным именем Пол Блант, влюбившийся в Еву. Мелкий клерк, растративший крупные деньги и выдающий себя за барона; и сам барон, молодой, красивый английский аристократ, путешествующий под именем своего слуги Шарпа.

Роман имеет подзаголовок «Погоня». И действительно, за «Монтоком» гонится английский корвет, капитан которого имеет приказ арестовать клерка-растратчика. В то же время пассажиры «Монтока» преследуют один другого, но по разным причинам. Пол Блант все время ищет встреч с Евой. Редактор Додж гоняется за старшими Эффингхемами, чтобы удовлетворить свое тщеславие, и рафинированный аристократ Эдуард Эффингхем оказывается бессильным перед натиском «упрямого друга свободы» Доджа, которому, по свидетельству капитана Трака, «и в голову не придет позволить человеку поступить так, как он сам того хочет».

Стедфаст Додж глубоко уверен, что было бы «чрезмерным предположить, что какой-то американец посчитает себя непохожим на своих сограждан». «Я не думаю, что кто-либо имеет право быть каким-то особым в свободной стране. Это уже пахнет аристократизмом и подразумевает, что один человек лучше другого». Как видим, Додж является выразителем тех псевдодемократических ценностей, которые Купер с такой убедительностью бичевал в «Американском демократе».

Путешествие через Атлантику дается «Монтоку» нелегко. Пытаясь скрыться от преследующего его корвета, капитан Трак направляет свой корабль в Бискайский залив и в результате попадает в жестокий шторм. Вынужденный бросить якорь у африканского побережья для ремонта, «Монток» подвергается нападению арабов. И, наконец, добравшись до американского берега в родном заливе Сэнди Хук, он нарывается на поджидавший его английский корвет. Здесь-то все и разъясняется: оказывается, что скромный господин Шарп и есть настоящий барон Темплемор, а выдающий себя за барона клерк – тот самый растратчик, которого разыскивает английский корвет. Настоящее имя Пола Бланта – Пол Пауис, и он не кто иной, как родной сын Джона Эффингхема, а значит – кузен Евы. Читатель остается в неведении лишь относительно того, насколько успешны

ухаживания Пола за Евой.

Писатель тем временем трудился над новым романом, который он назвал «Дома» и который описывал жизнь Эффингхемов в Нью-Йорке и в небольшом селении Темплтон. Купер переносил на бумагу свои впечатления о жизни в Америке, как он ее увидел и прочувствовал после возвращения из Европы. Исследователи творчества писателя отмечают, что «интеллектуальным сценарием» для его нового романа явился «Американский демократ». Купера поразило, что присущая американцам застенчивость уступила место тщеславию, а естественное желание полагаться на свои силы подменено себялюбивой демагогией. Он видел в этом незрелость, неумение отличить сильные стороны национального характера от слабых и даже вредных и намеревался своим новым романом открыть глаза своим соотечественникам на присущие им недостатки и тем самым способствовать оздоровлению американского общества.

Он хорошо помнил, как встретили в штыки его невинные замечания о том, что Альпы куда выше Медвежьих гор или что тротуары в Нью-Йорке поддерживаются в плохом состоянии, а городские улицы по вечерам слабо освещены. Доброхоты и доброжелатели советовали ему не делать таких замечаний вслух, дабы не вызывать возмущения присутствующих. Куда девались независимость суждений, откровенность в беседе, естественность в обращении друг с другом? Поначалу вся эта претенциозность, все эти громкие слова лишь смешили его и вызывали недоумение. Затем они начали раздражать его. Когда же он понял, что это не случайные обмолвки, а принятая форма обсуждения даже самых важных проблем, он испытал чувства отвращения и возмущения. Переполнявшее его негодование должно было вылиться на бумаге.

Купера возмущали апатия и летаргия, охватившая молодежь, ее ничегонеделанье, отсутствие благородных и высоких жизненных целей, всеобщее стремление к доллару, возрастающее пренебрежение к ближнему своему, нетерпимость к другому мнению, неумение и нежелание понять другого. Он хотел в своем романе высмеять все эти недостатки и указать на те высокие жизненные цели, ради которых стоило жить и трудиться американцам.

Если первый роман дилогии был насыщен действием и приключениями, то второй описывает неторопливую, лишенную внешней занимательности, скучноватую жизнь Эффингхемов сначала в Нью-Йорке, где они ведут жизнь зажиточных буржуа, а затем в Темплтоне – небольшом провинциальном городишке штата Нью-Йорк. Барон Джордж Темплмор, их компаньон по

путешествию на «Монтоке», влюбляется в их молодую родственницу Грейс Ван-Кортлендт и увозит ее в Европу, где они должны пожениться. Пол Поуис добивается руки Евы и также поселяется в Темплтоне, променяв полную приключений жизнь путешествующего холостяка на оседлую жизнь провинциального семьянина. Гувернантка Евы мадемуазель Вьевилль выходит замуж за местного адвоката, заядлого спорщика Аристабулуса Брэгга.

По свидетельству критиков, в своем новом романе Купер «умышленно избрал тему, которую романист не мог успешно развить, – монотонную и уродливую обыкновенную американскую жизнь». Джеймс Гроссман характеризует роман как «огромный беспорядочный каталог бесконечного уродства провинциальной жизни, как его наблюдали Эффингхемы во время визитов в Нью-Йорк и по возвращении в Темплтон. Это узкий, убогий, не терпящий возражений мир, лишенный милостей цивилизации…», мир, в котором преобладает единственная цель – «лишить всех права на индивидуальность».

В перипетиях схваток Эффингхемов со своими соседями – жителями Темплтона – легко просматриваются факты из жизни самого Купера. Да и Темплтон для искушенных читателей весьма прозрачно напоминал Куперстаун и события в нем после возвращения писателя из Европы.

Эффингхемы оказались среди людей, «настолько перенасыщенных ощущением свободы, что они стали просто невосприимчивыми к другим, более тонким чувствам». Каждый из них ничтоже сумняшеся полагал, что он не только ничем не хуже других людей, но и мнил себя выше других и даже ставил себя так же высоко, как господа бога. Ведь заявлял же совершенно серьезно Стедфаст Додж: «По моему мнению, дамы и господа, бог никогда не предлагал, чтобы американец опускался перед ним на колени».

В результате люди, которые боготворили свое неограниченное право приобретать собственность, стали пренебрегать правом собственности других. Стремление помочь друг другу превратилось в обязанность потакать нарушителям ваших прав. Дело доходило до курьезов. Сосед просил соседа дать ему право пользоваться его более респектабельным или более известным именем при поездке в городок Утику и брал на себя обязательство оплатить возможные в связи с этим издержки.

По свидетельству дочери писателя Сюзанн, Купер «в одиночку храбро вступил в схватку с духом тирании в той его особенной форме силы, которая наиболее трудно переносима для настоящего американского характера, – силой опасной, коварной,

преисполненной нетерпимости, жестокой и многообразной, – чернью, вооруженной видимостью умственной силы».

Большая американская пресса встретила новую дилогию Купера в штыки. Современники писателя, хорошо знакомые с настроениями владельцев и редакторов ведущих газет страны, придерживались того мнения, что первопричиной ожесточенной травли Купера большой прессой США явилась одна-единственная фраза из предисловия к роману «Гейденмауэр, или Бенедиктинцы», опубликованному в США осенью 1832 года. «Ежечасно по мере продвижения моей жизни, – говорилось в этом предисловии, – я вынужден был наблюдать, насколько капризным, непостоянным и пошлым является причисление к лику бессмертных, провозглашаемое какой-либо газетой». Прочитав это утверждение Купера, редактор одной из ведущих газет страны заявил: «Печать возвеличила его, печать должна и сбросить его с пьедестала!» И слова, которые казались просто преувеличенной реакцией рассерженного газетчика, стали символом, которому долгие годы следовало большинство американских газет и журналов, объявивших крупнейшему писателю страны настоящую смертельную вендетту.

Как мы помним, журнал «Никербокер мэгезин» в августе 1835 года в связи с публикацией романа «Моникины» советовал писателю держать свою творческую фантазию «на приличном расстоянии» от фактов американской жизни, не пытаться решать политические проблемы развития американского общества путем обличения их на страницах своих романов. Но Купер, активный и заинтересованный общественный деятель, не мог стоять в стороне от животрепещущих проблем становления американского общества. Тем более, когда он видел, что большинство воспринимает эти проблемы в кривом зеркале самодовольства и не только не намерено бороться с ними, но и пытается ошибочные и вредные для здорового развития общества идеи защитить и провести в жизнь.

Он понимал, что в Соединенных Штатах массовая печать обладает огромной властью, фактически в ее руках находится жизнь и смерть самой нации. От того, во имя чего используется эта власть, зависело благосостояние и процветание страны. По какому пути пойдут США – по пути прогресса страны и морального оздоровления общества или же по пути коррупции и самодовольства, который может привести только к упадку государства? По твердому убеждению Купера, это в основном зависело от того, какую роль в этом многоплановом и противоречивом процессе будет играть пресса.

Его глубокое возмущение вызывало то обстоятельство, что

газеты и журналы США ежедневно распыляли «яд неверия, неправды, разлада, безнравственности, который проникал в ежедневную жизнь каждого мужчины, женщины и ребенка страны, пронизывал каждую вену государства». Купер не без оснований считал, что нет более мощной силы, способной коррумпировать общество, чем ежедневная пресса. Нет тирании более эгоистичной, более бесстыдной, более безрассудной, чем американская пресса, если не контролировать ее. И что особенно опасно: эта пресса абсолютно безразлична к тем немногим действительно здоровым проявлениям истинной свободы, которые изредка появляются на ее страницах.

За полгода с сентября 1838-го по март 1839 года литературные журналы США опубликовали три рецензии на роман «Домой» и пять – на роман «Дома». В этих восьми рецензиях невозможно отыскать хотя бы одно слово похвалы в адрес автора романов. Часть критических замечаний относятся к литературным достоинствам романов. Критики сетуют на скучный сюжет, неубедительность основных персонажей, неуклюжесть диалогов, отсутствие изысканных, утонченных разговоров. Журнал «Сазерн литерари мэссенджер» критиковал писателя за то, что он вывел в романе свои собственные злоключения и заставил героев держать заранее предрешенные речи.

Подавляющее большинство критиков резко осуждали нарисованную Купером картину американской жизни. В то время, когда вся нация была занята самовосхвалением, Купер создал бескомпромиссную сатиру на провинциализм американской жизни, ее пошлость, стремление к уравниловке, низкопоклонство перед Англией. И критики отрицали правдивость изображенной Купером действительности и особенно образа Стедфаста Доджа. Газета «Нью-Йорк миррор» охарактеризовала роман «Дома» как «наиболее несправедливую и клеветническую картину американских характеров и общества в целом».

«Нортх Американ ревью» опубликовало в октябре 1838 года статью Фрэнсиза Боуэна, известного своей реакционной позицией. «Последние творения г-на Купера, – писал Боуэн, – ничего не добавили ни его личной репутации, ни американской литературе… Он ничего не добавил к тому ряду литературных характеров, которые забавляли нас и занимали наши часы досуга и к которым мы мысленно возвращались как к старым знакомым или даже друзьям. Он не поведал нам никакой новой истории о человеческих страстях, чтобы вразумить нас или предупредить…»

Боуэн утверждал, что подобную группу «глупых и абсурдных» пассажиров, как те, которых автор поместил на «Монтоке»,

трудно собрать в одном месте. «Редактор газеты г-н Стедфаст Додж, безусловно, создан как жестокая сатира на редакторский корпус Соединенных Штатов. Но этот характер изображен с таким преувеличением, что он является лишь подтверждением неумения и враждебности его создателя, а отнюдь не подлинных пороков и недостатков – многие из них действительно очень серьезны – тех лиц, против которых направлена эта сатира. Факт заключается в том, что г-н Купер просто не умеет создавать характеры. За двумя-тремя исключениями все его персонажи – просто деревянные манекены, не имеющие ничего общего с жизнью… Ничто не может спасти книгу от крайне плачевной скуки…»

Наибольшее возмущение доморощенных критиков вызвала вторая часть дилогии – роман «Дома». Журнал «Джентльменз мэгезин», например, поначалу расценивал роман «Домой» как «искупление за те предвзятые проповеди, которые последнее время навязывали публике». Но стоило критикам разобраться, какая роль отводится в дилогии Стедфасту Доджу, стоило разгадать общий замысел писателя, как тот же «Джентльменз мэгезин» уже оценивал завершающий роман дилогии совсем по-иному: «Рассматриваемый как роман, он – плоский, неинтересный и ужасно скучный. Как литературное творение он – пустой и заурядный. Как исследование национальных нравов он отмечен неоспоримыми знаками предубеждения и раздражения».

Журнал «Нью-Йорк ревью» назвал роман «произведением, пропитанным злобой», «всплеском переполненной желчи». Рецензент был возмущен тем, что роман «показывает состояние общества в этой стране и особенно в городе Нью-Йорке как провинциальное, рабски следующее за модами Лондона, вульгарное по своему характеру и преисполненное претензий…».

Рецензенты, неохотно признавая наличие в американском обществе пороков и недостатков, в то же время отказывали Куперу в праве на честное и безбоязненное разоблачение этих пороков и оценивали его действия не более и не менее как антиамериканские. В основе такой позиции лежал все тот же страх, что англичане поверят Куперу и составят себе далеко не лестное мнение об Америке. Журнал «Сатзерн литерари мэссенджер» прямо писал: «Подлинный патриот – и по душе, и по принципам – может видеть недостатки, но не только и не столько недостатки. Он естественно будет рад сосредоточить свое внимание на вещах, которые оказывают честь его стране, а не на тех, которые ее позорят. Он не станет раздувать ее слабые места и не будет бессмысленно орать о них, чтобы иностранцы смеялись над нами – иностранцы, которые злорадствуют по поводу любого

критического описания американского характера».

Характерно, что в защиту дилогии выступила газета вигов «Нью-Йоркер», рецензент которой отмечал: «Уже сам факт, что наши граждане так разозлены романами, доказывает, что Купер преуспел в своем замысле. Они знают, что многое в романе – святая правда, и поэтому боятся, что за рубежом мир воспримет все описанное за чистые факты».

Купера особенно возмутила статья, напечатанная 22 ноября 1838 года в газете «Морнинг курьер энд Нью-Йорк энкуаерер». У писателя с этой газетой были старые счеты. Еще в своем «Письме к соотечественникам» он опроверг ряд утверждений, содержавшихся в редакционной статье «Морнинг курьер» за 15 июня 1833 года.

Совладельцем газеты был Джеймс Уотсон Уэбб (1802–1884) – сын генерала Сэмьюэла Б. Уэбба. Рано осиротев, он воспитывался у своего дяди Джорджа Морелла в Куперстауне. Рассорившись с дядей, в 1819 году бежал из дома и вступил в американскую армию. После участия в двух дуэлях Уэбб вынужден был в 1827 году выйти в отставку. Он приобрел газету «Морнинг курьер», которая объединилась в 1829 году с газетой известного политикана, журналиста и драматурга Мордэхая М. Ноя «Энкуаерер». Джеймс У. Уэбб стал редактором новой газеты. Его отличали предприимчивость, живость нрава, экстравагантность и беспринципность. В начале 1838 года нашумела дуэль между конгрессменами У. Грейвзом и Дж. Силлеем, во время которой Дж. Силлей был убит. У. Грейвз, друг Дж. Уэбба, вызвал Дж. Силлея на дуэль в связи с тем, что последний якобы представил в ложном свете конгрессу финансовые сделки Дж. Уэбба. Возмущенные дуэлью конгрессмены внесли в конгресс проект закона, запрещающего дуэли.

Дж. Уэбб в своей газете опубликовал под видом рецензии на роман «Дома» статью, отличающуюся злобными нападками на Купера, которого он иначе не называл, как «подлой душонкой, оклеветавшей свою страну ради презренного металла и из-за врожденного недоброжелательства; …этот клеветник является подлинным предателем национальной чести и национального характера». Писатель обвинялся в том, что он пишет на потребу европейцев, радующихся «всему, что может опорочить обычаи, нравы и привычки американцев». Дж. Уэбб утверждал, что «главными целями автора являлись, во-первых, стремление создать в Англии рынок для своих творений, как это делали и другие продажные писаки; во-вторых, дать выход своей злости на соотечественников за то, что они не устроили ему торжественный прием по возвращении из Европы, как это было сделано в

отношении Вашингтона Ирвинга; и в-третьих, создать за рубежом впечатление, что он происходит из древней аристократической семьи и в этом отношении стоит не только значительно выше своих сограждан, но и равен наиболее аристократическим родам Европы».

С одной стороны, Дж. Уэбб обвинял Купера в аристократизме, что в те дни было тяжким политическим обвинением, а с другой – пытался поднять его на смех, выдумав для него фамильное дерево, которое бы оттолкнуло от него образованные круги и в США, и в Европе.

Статья Дж. Уэбба широко комментировалась и перепечатывалась в американской прессе. Известный виг Т. Уид расценил ее как «сдирание шкуры живьем». Редактор и издатель Парк Бенджамин, чей литературный журнал «Нью Уорлд» был знаменит тем, что никогда не платил гонораров английским писателям за перепечатываемые в журнале их произведения, шутливо спорил с Дж. Уэббом о мотивах действий Купера и заявлял, что писатель просто сошел с ума и «бродит по миру без кнута и надсмотрщика». А ведь П. Бенджамин, по утверждению Э. По, был наиболее влиятельным литературным редактором своего времени.

Купер сразу же ответил Дж. Уэббу двумя короткими письмами на имя своего доброго знакомого известного поэта, редактора газеты «Нью-Йорк ивнинг пост» Уильяма К. Брайанта. Письма писателя были напечатаны в газете 22 и 30 ноября 1838 года соответственно.

Но Купер прекрасно понимал, что простая публикация его опровержений на страницах одной из газет ничего не дает. «Я усвоил, – писал он несколько позднее по этому поводу, – что в этой стране опровержение лжи не имеет никакого значения. Чтобы добиться какого-то толку, ложь должна быть н а к а з а н а». И он возбуждает против Дж. Уэбба судебный иск, обвинив его в письменной клевете.

Конечно, тем самым Купер как бы признавался в своей собственной некомпетентности убедить общественное мнение в своей правоте. Ведь он, как писатель, был одним из активных творцов общественного мнения и в своей стране и за рубежом. И именно этим обстоятельством определялись действия его противников. Если в США через контролируемые ими газеты и журналы они могли опорочить и самого писателя, и его произведения, то в Европе они фактически были бессильны. А ведь они хорошо знали, что роман «Дома» был издан в Англии под названием «Ева Эффингхем». Под этим же названием он вышел в четырех выпусках во Франции, был он переведен и на

ряд других европейских языков. Бессилие противников Купера повлиять на мнение европейских почитателей его таланта вызывало у них ярость и подталкивало на все новые и новые выпады против писателя и его книг.

Как мы уже знаем, Купер добился осуждения Эндрю Барбера, редактора куперстаунской газеты «Отсего рипабликен». Он был обязан уплатить штраф в сумме 400 долларов. Таких средств у него не было. Редактор нью-йоркской газеты «Коммершиэл адвертайзер» известный писатель и журналист, кстати, специалист по истории американских индейцев, Уильям Л. Стоун предложил создать специальный «Фонд обвинителей Эффингхема» для сбора средств в защиту тех редакторов, которые могут подвергнуться судебным обвинениям со стороны Купера. Конечно, это была не более чем шутка, так как в те времена редакторы еще не боялись судебных обвинений в диффамации. Но Купер за этим предложением увидел наличие заговора редакторов против него и его последних романов.

Эндрю Барбер гордо отказался от предложенной помощи, тем более что Купер не настаивал на немедленной выплате штрафа. Тем не менее кредиторы Барбера настояли на его уходе из газеты. Когда в 1840 году кандидат вигов Уильям Генри Гаррисон был избран президентом, Э. Барбер немедленно обратился к властям с просьбой назначить его на пост почтмейстера Куперстауна, так как он является, мол, жертвой гонений Купера. Тогда разозленный писатель потребовал приведения в исполнение судебного приговора. Местный шериф взломал сейф Барбера и конфисковал найденные в нем наличные 135 долларов. В ответ Барбер опубликовал в газете Дж. Уэбба открытое письмо Куперу, в котором повторил все обвинения Дж. Уэбба в адрес писателя и его романов и жаловался на то, что в результате действий шерифа он остался без средств к существованию и все его имущество теперь состоит «из карманной расчески, головной и сапожной щетки, коробочки черного сапожного крема, бритвы и ремня для ее правки, а также миниатюрной бревенчатой хижины». Упоминание бревенчатой хижины было далеко не случайным. На президентских выборах 1840 года кандидат вигов Уильям Г. Гаррисон ассоциировался с простым народом, обитающим в бревенчатых хижинах и пьющим яблочный сидр. В то время как его противник президент Мартин Ван-Бюрен рисовался аристократом, живущим в богатом доме и потягивающим шампанское из хрустального бокала.

Эндрю Барбер получил-таки назначение почтмейстером в Куперстауне, и вскоре редактор местного еженедельника демократов «Фрименз джорнэл» сетовал на то, что теперь его

газета никогда не доставляется подписчикам вовремя.

Глава 12
БИТВЫ НА МОРЕ И НА СУШЕ

Пока судебные инстанции разбирались с иском Купера к Дж. Уэббу, сам писатель завершал работу над «Историей военно-морского флота США». Еще 29 мая 1826 года на торжественном банкете в его честь перед отъездом в Европу Купер в ответной речи заявил, что он попытается создать что-то более серьезное и долговечное, чем те романы, которые так хвалят его друзья. По его словам, «он должник Музы истории», и, чтобы искупить свою вину, он намеревается «отразить на бумаге дела и страдания группы людей, перед которыми наша нация находится в долгу и которые заслуживают нашей вечной признательности – людей, среди которых прошли не только многие дни моей ранней юности, но и самые счастливые дни. Мне доставит огромное удовольствие выполнить этот долг».

Присутствующие на торжественном банкете, а среди них было немало моряков, в том числе такие известные, как коммадор Исаак Чонси, прекрасно понимали, о чем шла речь – об истории военно-морского флота страны. И вот теперь, поздней осенью 1838 года, писатель намеревался завершить этот многолетний труд. Вместе с женой и четырьмя дочерьми он отправляется в Филадельфию, чтобы поработать там в библиотеке Американского философского общества, а также чтобы иметь возможность быстрее читать корректуры. Была и еще одна причина поездки – писатель хотел развлечь жену и дочерей после многолетнего монотонного пребывания в Куперстауне.

Утомительное путешествие в почтовой карете, на пароходе и на поезде наконец пришло к концу, и 3 декабря 1838 года Куперы прибыли в Филадельфию, где они намеревались пробыть до лета. «Отец должен упорно работать над своей военно-морской историей, – сообщала 19 декабря 1838 года дочь писателя Сюзанн своему брату Полю, оставшемуся в Куперстауне, чтобы не прерывать обучения в школе. – Он почти все время пишет, или читает, или собирает фактический материал».

Через два месяца Сюзанн писала брату: «…Наши поездки во многом зависят от того, как идет издание книги отца. Первый том военно-морской истории полностью закончен. Готова и часть второго. Книга очень интересная, но отец считает, что ему не удастся ограничить ее, как он того хотел, двумя томами. Он почти решил уже, что напишет и третий том. А это, конечно, потребует дополнительно несколько недель, чтобы напечатать

его. И задержит нас здесь еще дольше. Так что вместо 1 апреля, вероятно, мы вернемся где-то ближе к 1 мая…»

В марте 1839 года Купер ездил собирать дополнительный материал в Вашингтон, но заметим в скобках, что третий том своей «Истории ВМФ США» он так и не закончил. На это были свои причины.

Филадельфия понравилась Куперам. «При лучшем ознакомлении Филадельфия нам очень нравится, – писала Сюзанн 16 января 1839 года. – Город выглядит весьма респектабельно, он значительно лучше построен, чем Нью-Йорк. В домах больше простого комфорта и меньше претенциозности по сравнению с Нью-Йорком. Улицы очень спокойны и тихи даже для нас, прибывших из деревни. Несомненно, город покажется скучным для бизнесменов, но мы, женщины, находим его еще более приемлемым из-за отсутствия тюков с хлопком и громадных бочек с черной патокой».

Поначалу Куперы опасались, что шум, поднятый в прессе вокруг последних романов писателя, настроил против них местное общество, и они под благовидными предлогами отказывались от приглашений на званые вечера и балы. Но их страхи оказались напрасными. «В Филадельфии мы встретили необычайную благожелательность, – сообщала сыну госпожа Купер. – Отец пользуется всеобщим вниманием… Никого не обманул весь этот шум вокруг романа».

«Отца принимают здесь с величайшей учтивостью, – вторит матери Сюзанн, – он находит местное общество весьма приятным. Его часто приглашают на обед, и он говорит, что за обедом идет интересный разговор, не то что в Нью-Йорке, где за столом говорят только о земельных участках, деньгах и вине».

В начале мая Куперы возвратились в Куперстаун, а 10 мая 1839 года в Филадельфии вышла в свет двухтомная «История военно-морского флота Соединенных Штатов Америки». Купер доказывал необходимость для США иметь большой, мощный и хорошо управляемый флот. Конечно, в своей истории ему пришлось иметь дело с некоторыми событиями, которые оценивались по-разному.

Но он потратил годы на сбор фактов и изучение документов, его беспристрастность не вызывала сомнений у тех морских офицеров, которые знали писателя. Купер был уверен, что своей работой он дал неоспоримый ответ всем тем критикам, которые ставили под сомнение его патриотизм, его любовь к своей стране. Да и отклики на новый труд писателя были вполне благожелательными.

Одним из первых прислал свой отзыв секретарь по военно-

морским делам Джеймс Кирк Полдинг (1778–1860). «Только что закончил читать вашу историю ВМФ, – писал 20 мая 1839 года Полдинг, – и прошу вас принять мою благодарность за эту информацию и удовольствие, которое она мне доставила… Как брат писатель, позволю себе выразить мое одобрение стилю и компоновке вашего труда, беспристрастности, которая позволила вам отдать должное всем участникам событий, и подходящей к случаю выдержке, удержавшей вас от излишнего хвастовства, отсутствие которого так отличает ваш труд. Такому истинному поклоннику своей страны, каким являетесь вы, было нелегко сдерживать себя в этом случае». И в заключение Дж. Полдинг сообщал, что он отдаст распоряжение, чтобы «История ВМФ США» вместе с морскими романами Купера была обязательно в библиотеках всех американских кораблей, ибо «я не знаю, где еще наши молодые офицеры могут почерпнуть лучшие практические уроки мореплавания, чем те, которые содержатся в ваших книгах».

Похвалы Дж. Полдинга были особенно приятны Куперу еще и потому, что Полдинг был известным писателем, соратником Вашингтона Ирвинга, участвовавшим вместе с ним в издании первой серии анонимных эссе «Сальмагунди, или Причуды и суждения Ланселота, эксвайра, и других» (1807–1808). Вторая серия эссе под тем же названием была создана одним Дж. Полдингом в 1819–1820 годах. Хотя Купер небезоговорочно принимал творчество Полдинга, он ценил его юмор и разделял его нелюбовь к Англии тори. Полдинг, в свою очередь, считал Купера излишне прямолинейным, откровенным и бескомпромиссным писателем. Однако это не мешало им относиться друг к другу с большим уважением.

Американские литературоведы отмечают, что если критики хвалят «Историю ВМФ США», то они хвалят ее в целом, а если же критикуют, то обычно те пятнадцать страниц из второго тома, на которых описывается битва на озере Эри, имевшая место 10 сентября 1813 года, в которой принимали участие три американских корабля – «Лоранс» под командованием капитана первого ранга Оливера Г. Перри, «Каледония» лейтенанта Даниеля Тернера и «Ниагара» капитана первого ранга Джесси Д. Эллиота. Командовал группой О. Перри, оп и определил боевой порядок кораблей: «Лоранс», «Каледония» и «Ниагара».

Англичане сосредоточили свой основной огонь на «Лорансе». Опасаясь, что О. Перри убит, Дж. Эллиотт нарушил боевой порядок и пошел на помощь «Лорансу», но спасти корабль ему не удалось. О. Перри же оказался жив. Он умер через несколько лет в августе 1819 года от приступа желтой лихорадки в Венесуэле,

где выполнял дипломатическую миссию.

Казалось бы, четверть века, прошедшая после битвы на озере Эри, и двадцать лег, истекшие после смерти офицера, командовавшего американским флотом в этой битве, должны были охладить горячие головы и позволить беспристрастно оценить происшедшее. Купер и попытался это сделать в своей истории, основываясь на официальных документах, на результатах расследования действий Дж. Эллиота, проведенного по его собственному требованию в 1815 году и на свидетельствах участников битвы.

Однако страсти вокруг этих давних событий продолжали бушевать. Сторонники О. Перри опасались, как бы Дж. Эллиот не присвоил себе лавры победы в той битве, и обвиняли его в том, что корабль Перри можно было бы спасти, если бы Эллиот действовал быстрее и активнее.

Этот на первый взгляд чисто военно-морской спор имел серьезные политические нюансы. Дело заключалось в том, что О. Перри и его сторонники были активными вигами из Нью-Йорка, а Дж. Эллиот был демократом из Пенсильвании, личным другом Эндрю Джексона, хотя и ушедшего с поста президента страны, но все еще активно поддерживающего своего ставленника президента Мартина Ван-Бюрена. Приближающаяся схватка между вигами и демократами на очередных президентских выборах в 1840 году лишь подливала масла в огонь все еще не затухающих страстей.

Хотя Купер в своей истории ВМФ излагал лишь подтвержденные факты или же возможные действия участвующих в боях офицеров и поэтому отдавал должное О. Перри, но он и не преуменьшал заслуг Дж. Эллиота, которые, кстати, сразу после битвы подтверждал и сам О. Перри. Купер полагал, что историческая правда должна перевесить политические соображения, и рассчитывал, что сторонников О. Перри удовлетворит беспристрастное описание битвы на озере Эри.

Однако Купер плохо знал своих противников. Первый удар нанесла газета уже известного нам Уильяма Л. Стоуна «Нью-Йорк коммершиэл адвертайзер», опубликовавшая в четырех номерах в июне 1839 года анонимную статью, посвященную разбору битвы на Эри. Как оказалось впоследствии, автором ее был президент Колумбийского университета Уильям А. Дуер – родственник О. Перри. Хотя его четыре статьи были анонсированы как рецензия на всю работу Купера, по существу, он разбирал только те пятнадцать страниц, которые посвящены битве на озере Эри.

Более поздние исследователи творчества Купера оценивают статьи У. Дуера как «злобные, непристойные и напыщенные».

Было хорошо известно, что когда «Лоранс» под огнем англичан полностью потерял боеспособность и начал тонуть, О. Перри в открытой лодке направился к приближающемуся фрегату Дж. Эллиота «Ниагара», благополучно достиг его и, снова приняв на себя командование флотом американцев, добился победы над англичанами. Купер в сноске отметил, что личная храбрость О. Перри при переходе на лодке под яростным огнем противника являлась «наименьшим из его достоинств». По его мнению, стремление О. Перри к победе над врагом и его смелое ведение боя более заслуживали похвалы, чем отчаянный бросок на лодке, ибо все американские моряки – и на кораблях и на небольших лодках – подвергались такой же опасности, как и их командир. Совсем другое дело – мужество флотоводца, его умение не поддаваться панике, принимать смелые неординарные решения, совокупность которых в сочетании с умелыми действиями Дж. Эллиота и привела к окончательной победе.

О. Перри после битвы в своем официальном докладе конгрессу США оценил действие Дж. Эллиота в этой битве так высоко, что конгресс наградил золотыми медалями обоих – и О. Перри, и Дж. Эллиота. Однако сторонники О. Перри особенно подчеркивали его личную храбрость, и поэтому они были крайне возмущены вышеприведенным замечанием Купера. У. Дуер в своих статьях обвинил писателя в отсутствии хорошего вкуса, в пренебрежении к требованиям историзма, в том, что он поддался своим личным привязанностям и пренебрег своим долгом историка. У. Дуер утверждал, что Дж. Эллиот продолжает служить на флоте США только благодаря великодушию и снисходительности своего бывшего командира, именем которого в США названы более сорока селений, городов и поселков. Отрицать или принижать личную храбрость такого человека, как это сделал Купер, является недостойным писателя, претендующего на объективность.

Второй удар по писателю был также анонимным. Журнал «Нортх Американ ревью» в октябре 1839 года опубликовал на 35 страницах рецензию, которая обвиняла Купера в недобросовестности при описании битвы на озере Эри. Как стало известно позднее, автором ее был капитан первого ранга Александер С. Маккензи, также родственник О. Перри.

Третьим ударом явилась небольшая брошюра под названием «Битва на озере Эри с заметками о действиях командора Дж. Эллиота», составленная на основе лекции, прочитанной конгрессменом от штата Роуд-Айленд Тристамом Бурджесом еще в 1836 году. Теперь материал лекции был дополнен таким образом, чтобы опровергнуть описание битвы на Эри, данное

Купером, хотя его книга не упоминалась и в открытую полемику с ним автор не вступал.

Купер, как мы уже знаем, придерживался твердого убеждения, что провозглашенная публично ложь должна быть наказана. Выросший в семье судьи, он с детства привык уважать нормальный юридический процесс и серьезно рассчитывал на защиту закона. Поэтому и в данном случае он начал с того, что подал в суд на редактора «Нью-Йорк коммершиэл адвертайзер» Уильяма Л. Стоуна за публикацию четырех анонимных статей, в которых его доброе имя подвергалось незаслуженным и неоправданным оскорблениям. Одновременно писатель ответил на все обвинения в куперстаунской газете «Фрименз джорнэл» за 1 и 8 июля 1839 года.

В начале июня писатель сообщал литератору Теодору Седжуику, его доброму знакомому: «Конфликт между прессой и мной достиг критической стадии. Нет никакого сомнения, что Уэбб будет признан виновным… Я имею в виду также Стоуна, Уида, Пэрка Бенджамина, человека по фамилии Дэниэльс и еще одного-двух…»

Купер очень неохотно обращался в суд. Обычно он заранее объявлял о своих намерениях и ожидал, не возьмут ли редакторы публично свои слова обратно или не принесут извинения. Так, прежде чем официально возбудить дело в суде против Т. Уида, брат писателя Ричард, выступавший представителем Купера по судебным делам, дважды – в апреле и мае 1840 года – предлагал Т. Уиду уладить дело миром. В отношении У. Стоуна Купер поступил таким же образом: в июле 1839 года он объявил о своем намерении привлечь его к суду, а формальные шаги предпринял только в апреле 1840 года. Пэрк Бенджамин (1809–1864) в связи с этим в своей газете «Ивнинг сигнэл» и журнале «Нью Уорлд» заявил, что Купер подал на У. Стоуна в суд с одной-единственной целью – привлечь внимание ко второму изданию своей «Истории ВМФ США». Действительно, к октябрю 1839 года 3 тысячи экземпляров первого издания были распроданы, и издатели предприняли второе издание – 2500 экземпляров. В общем, книга имела успех, несмотря на поднятый в прессе шум по поводу битвы на озере Эри. Историческое общество штата Джорджия избрало Купера своим почетным членом. Поблагодарив членов общества за избрание, Купер писал: «Так как я отношу оказанную мне честь на счет моего последнего опыта исторического исследования, прошу общество сделать мне одолжение и поместить один экземпляр книги, как только выйдет из печати второе, исправленное издание, в библиотеку общества».

П. Бенджамин неоднократно высмеивал Купера в своих

изданиях; однако писатель оставлял его выпады без внимания. На этот раз он прибег к своей обычной тактике: заявил во всеуслышание, что привлечет П. Бенджамина к суду. Конечно, судебные иски Купера к редакторам ряда газет не могли не привлечь внимания широкой общественности. Друзья писателя и просто знакомые, которые хорошо знали его лично, относили эти его действия на счет чрезмерной моральной чувствительности и осторожно предупреждали его, чтобы он не переходил принятых границ. «Споры с печатью, как вы понимаете, требуют известной осторожности, – писал Куперу в июне 1839 года его партнер по коммерческим сделкам Джеймс Огден. – …Есть линия, за которую нельзя заходить, если вы рецензируете труд писателя. В свою очередь, писатель, требуя удовлетворения за нанесенный ему ущерб, не должен переходить эту черту».

«Что касается редакторов, – отвечал Дж. Огдену Купер, – то вы положитесь на меня: они получат по заслугам. Они нагромождают одну ложь на другую, но божья кара не минует их. Я только что покарал одного, и он будет помнить этот урок до самой смерти. Сегодня я получил письмо от дюжины самых уважаемых жителей Норвича, где живет некий человек, утверждающий, что я презираем всеми в Куперстауне. Они предлагают за свой собственный счет отправиться в центр штата город Олбани, чтобы дать в суде показания против него!»

Как мы знаем, в родном селении писателя действительно были люди, желающие оскорбить его и унизить. Однажды Купер застал в своем саду мелкого торговца фруктами О. Уильямса, наворовавшего большую кошелку яблок. В разговоре с соседями Купер привел этот случаи в качестве примера того, как падает уважение к частной собственности. Против писателя тут же возбудили дело по обвинению в клевете. Рассмотрение его в местном суде продолжалось… четыре года только потому, что местный адвокат хотел как можно больше досадить писателю.

Враги и недоброжелатели Купера, большинство из которых лично его не знали, считали, что все его судебные иски объясняются несносным высокомерием и спесью, которые, конечно же, заслуживали того, чтобы их публично осудить любыми средствами. Редактора и издатели газет и журналов, объединившиеся против Купера, только радовались тому, что писатель начал судебное преследование. Джеймс Т. Уэбб, Терлоу Уид, Уильям Л. Стоун и Пэрк Бенджамин договорились пустить в ход все возможные юридические и журналистские уловки. Уильям К. Брайант, известный писатель и опытный политик, не без оснований считал, что судебные иски Купера доставят ему «множество неприятностей и хлопот и не принесут ничего

хорошего».

Ответчики по искам Купера начали прибегать к самым различным уловкам: они затягивали рассмотрение дел, откладывали судебные заседания под всякими предлогами, а если же в конце концов писатель добивался решения суда в свою пользу, то оно представлялось как несправедливое и позорное для вынесших его присяжных и судей. Каждый поворот в деле служил поводом для комментариев и редакционных статей, в которых писатель снова и снова высмеивался и подвергался оскорблениям. Редакторы были готовы оплатить и штрафы, лишь бы иметь повод обвинить в аристократизме известного сторонника демократии и одновременно выставить себя в качестве неподкупных защитников свободы печати.

Куперу была объявлена настоящая война. В журнале «Нью Уорлд» 3 октября 1840 года было опубликовано письмо, которое адресовалось «Знаменитому сутяжнику Джеймсу Фенимору Куперу, эсквайру, автору «Дома» и других творений, нереальных и невозможных, слишком скучных, чтобы их перечислять…». К адресату обращались не иначе как «гневливый сэр». Авторы письма – ими были все те же четыре редактора Дж. Уэбб, Т. Уид, У. Стоун и П. Бенджамин – утверждали, что Купер «наконец-то поставил себя в настолько своеобразное и постыдное положение, равнозначное которому вряд ли можно найти во всей истории озлобленных демагогов и тем более недовольных писателей».

Написанное в крайне издевательском и злобном тоне письмо это было лишь одной из многих публикаций, в которых писатель подвергался незаслуженным оскорблениям. В том же журнале «Нью Уорлд» 24 августа и 5 сентября 1840 года была напечатана большая статья «Клевета Фенимора Купера на Америку и американцев». Номера журнала с этой статьей были посланы всем 48 присяжным Куперстауна и явно преследовали цель повлиять на мнение присяжных, которые должны были в сентябре рассматривать два уголовных иска Купера к Уэббу. Сотни экземпляров были разосланы бесплатно также всем более-менее известным гражданам графства. «Чтобы спасти своего редактора от осуждения, – отмечал Купер в письме к сыну 18 сентября 1840 года, – виги превращают этот вопрос в проблему партийной политики».

Прибегнув к различным юридическим уловкам, Уэбб сумел добиться отсрочки судебного разбирательства. Дело в конце концов окончательно рассматривалось в ноябре 1843 года. Уэбб еще раньше взял обратно свои оскорбления, послужившие поводом для одного из обвинений, а по второму обвинению был оправдан.

Дочь писателя Сюзан свидетельствует, что Купер возбудил в судах 17 гражданских исков по обвинению в клевете. В девяти случаях приговор был в его пользу. В пяти дело не дошло до суда: редакторы принесли извинения на страницах своих изданий. Один из обвиняемых скончался до суда. Одно дело было при первичном рассмотрении решено в пользу писателя, но вышестоящий суд отменил это решение, так как нашел, что публикация, на основе которой поддерживалось обвинение, не является клеветнической. Одно обвинение так и не было рассмотрено в суде в связи с кончиной писателя.

По свидетельству дочери, Купер был настолько не подготовлен к развернувшейся в печати кампании злобной клеветы на него, что поначалу просто растерялся. Он надеялся, что кто-то из друзей выступит в его защиту. Оказалось же, что многие из тех, кого он долгие годы числил среди своих друзей, не только не стали защищать его, но и сами встали в ряды его ярых оппонентов. И тогда он сам встал на защиту своих принципов.

«Я имел честь хорошо знать г-на Купера, – свидетельствовал после смерти писателя его добрый знакомый Фиц-Грин Холлек. – Его отличала исключительная искренность. Его уважение к правде как в мелочах, так и в важнейших делах превосходило все мне известное, а его жизнь в дискуссиях с теми, кого он считал неправыми, в конце концов превратилась в долгое подвижничество ради принципов».

Враги писателя хотели вывести его из себя, стремились заставить его замолчать. Но привыкший с детства сохранять душевное равновесие в разгар юридических схваток, которыми была наполнена жизнь его отца, Купер и теперь сумел обрести хладнокровие, душевное спокойствие и невозмутимость и смог уделить достаточно времени и энергии своей литературной работе.

Глава 13
СНОВА НАТТИ БАМПО

В эти годы продолжалась территориальная экспансия Соединенных Штатов, страна расширялась на запад и на юг. Расширение осуществлялось прежде всего за счет территорий, которые принадлежали индейцам. Президент Эндрю Джексон 6 декабря 1830 года в своем обращении к конгрессу США провозгласил принципы «добровольной уступки» индейцами занимаемых ими обширнейших территорий и перемещение индейских племен за реки Миссисипи. Эта акция свершалась с помощью грабительских договоров, которые силой, подкупом и хитростью навязывались индейским вождям. Непокорных выселяли силой. Дольше других сопротивлялось племя семинолов, не желающее покидать благодатную Флориду и переселяться на правый берег Миссисипи в штат Оклахому.

Восемь лет военные силы США воевали с семинолами. В октябре 1837 года вождь семинолов Оцеола был предательски схвачен, когда он с белым флагом в руках пришел на переговоры, и был брошен в тюрьму. Он не стал мириться со своей участью, под благовидным предлогом получил от тюремщиков свой боевой наряд, переоделся, набросил на шею петлю и покончил с собой.

Купер внимательно следил за происходящим. Еще во Франции он задумал роман под условным названием «Озеро Онтарио». Однако работа над европейскими романами «Браво», «Гейденмауэр» и «Палач» отвлекла писателя от его замысла. Вернулся он к нему только в 1839 году, когда снова занялся литературой. Ему хотелось новым романом доказать своим противникам и недоброжелателям, что он не «исписался», как они утверждали, а способен создать книгу, которая могла бы стать в один ряд с его лучшими романами.

Куперу давно хотелось соединить в одном романе две темы – индейцев и водную стихию. И вот теперь он решил создать «корабельно-озерный роман с участием дикарей». Место действия нового романа – озеро Онтарио, река Ниагара, водопад и пороги – было выбрано не случайно. Писатель хорошо помнил, как в 1808 году он, молодой корабельный гардемарин, участвовал на этом озере в постройке 16-пушечного брига «Онеида». Тогда он впервые увидел Ниагарский водопад. После возвращения из Европы он снова побывал в этих местах. Ему вспомнился торжественный бал, который был устроен по случаю спуска судна на воду. Пригласили девушек из маленьких селений – за ними

посылали лодки и лошадей – и долго ломали голову над тем, в каком порядке приглашать их на танцы. Выход нашел командир, лейтенант Вулзи: в первый ряд приглашать тех, кто будет в туфлях и чулках, во второй – кто будет только в туфлях, но без чулок, а в третий – тех, кто придет босиком.

Героями нового романа стали уже хорошо знакомые читателям Натти Бампо и Чингачгук. В феврале 1840 года новый роман Купера «Следопыт, или Внутреннее море» вышел в свет в Англии, а в марте – и в США. В июне того же года появилось французское издание романа. В отличие от других романов пенталогии о Кожаном Чулке «Следопыт» не содержит точных указаний о времени действия. Принято считать, что в нем описаны события конца 50-х годов XVIII века. Некоторые западные литературоведы полагают, что Купер не случайно избрал этот период временем действия своего романа. По их мнению, стремясь избежать нового конфликта, он хотел уйти от проблем сегодняшней для него Америки, от тех социальных проблем, которые были подняты в его романах «Домой» и «Дома» и которые вызвали такие злобные нападки на их автора.

По времени действия новый роман Купера занимает место между «Последним из могикан» и «Пионерами». Он существенно отличается от трех написанных ранее романов пенталогии. В нем сорокалетний Натти Бампо – следопыт выступает не столько как представитель уходящего в прошлое образа жизни, сколько как благородный романтический герой, влюбленный в юную Мэйбл – дочь английского сержанта Дунхема. Ради счастья с любимой Натти Бампо готов отказаться от привычного бродячего образа жизни и осесть в одном из фортов англичан.

Но не суждено было Натти зажить оседлой жизнью. Приключения на берегу и на островах озера Онтарио заканчиваются смертью сержанта Дунхема, а его дочь Мэйбл отдает свою руку и сердце молодому лоцману «Резвого» Джасперу Уэстерну. И следопыт со своим старым другом Чингачгуком снова исчезает в девственном лесу. Американский читатель, знакомый уже с дальнейшими обстоятельствами жизни Натти Бампо по романам «Пионеры» и «Прерия», тем не менее с неослабевающим интересом следил за приключениями влюбленного следопыта.

Именно в «Следопыте» образ Натти Бампо приобретает свою завершенность. Становится ясно, почему до конца дней своих он остается одиноким, не ищет себе жены, почему его судьба складывается именно таким образом, как это показано в «Пионерах» и «Прерии». В становлении характера Натти Бампо немалую роль играет Мэйбл Дунхем. Ее доверие к индианке по имени Июньская Роса, ее трезвая оценка бесчеловечных действий

не только вражеских войск, но и своих английских заставляет и Натти по-новому взглянуть на все происходящее, дают толчок к усиленной работе его ума, более привычного к распознаванию невидимых угроз, таящихся в дремучих лесах, чем к разгадыванию замыслов и действий французских и английских офицеров, воюющих друг с другом.

Чисто женское, эмоциональное восприятие молодой девушкой всего происходящего в глазах влюбленного в нее Натти приобретает особую значимость, его собственное видение обостряется, он начинает смотреть на мир другими глазами, приобретает душевный опыт и душевную чуткость, которые может дать только общение с любимой женщиной. Оттачиваются и закаляются лучшие черты характера Следопыта – благородство, честность, нетерпимость к жестокости, доброта, уважение к человеку независимо от цвета его кожи.

Американские читатели встретили «Следопыта» с интересом, у них роман имел успех. «…Продано около 4 тыс. экз. «Следопыта», – сообщал писатель жене из Филадельфии 14 мая 1840 года. – Огромнейший успех, и в такое плохое время. Фактически, продается только мой роман. Критические рецензии вызывают смех. Их авторы создают проблемы не мне, а самим себе».

Достоинства романа, отмечаемые широкой читающей публикой, остались вне поля зрения многих американских критиков и литературоведов. Критик газеты Пэрка Бенджамина «Ивнинг сигнэл» утверждал, что новый роман писателя просто «нечитабелен». Не отставали в своих недоброжелательных оценках романа и другие органы американской печати. Даже в общем-то положительные отзывы о романе были составлены так, что у читателя создавалось впечатление, что писатель вырвался из тенет безумия и взялся за ум. В этой связи выражалась надежда, что «отныне война между нашим романистом и общественностью – наконец-то! – прекратится». В некоторых газетах Купера продолжали изображать в качестве «кровожадного краснокожего индейца, раскрашенного в краски войны, с пояса которого свисают скальпы бледнолицых».

Более благосклонной к роману и его автору оказалась европейская критика. Одним из первых на роман откликнулся великий французский писатель Оноре Бальзак, опубликовавший обстоятельную рецензию на французское издание романа (вышло в июне 1840 года под названием «Озеро Онтарио») 25 сентября 1840 года в журнале «Ревю Парижьенн». «Это прекрасная книга… – отмечал Бальзак. – …Восхищения заслуживают также величие и оригинальность Кожаного Чулка, превосходного персонажа. …

Кожаный Чулок – это статуя, великолепный духовный гермафродит, порожденный состоянием дикости и цивилизацией, он будет жить вечно, пока живет литература».

Кратко пересказав содержание романа, Бальзак пишет далее: «Мне нравятся простые сюжеты, они указывают на большую творческую силу и всегда таят в себе неисчислимые богатства… Тут Купер снова становится великим Купером. Описание лесов, реки и водопадов, хитрости дикарей, разрушаемые Великим Змеем, Джаспером и Следопытом, дают ряд чудесных картин, неподражаемых как и в предшествующих романах. Тут есть от чего прийти в отчаяние любому романисту, который захотел бы пойти по стопам американского автора. Никогда типографской печати не удавалось так затмить живопись. Вот школа, где должны учиться литературные пейзажисты, здесь – все тайны искусства».

Восторженную оценку новому роману Купера дал великий русский критик В.Г. Белинский, прочитавший его осенью 1840 года в журнале «Отечественные записки». «Величайший художник! – восклицает В.Г. Белинский в письме к В.П. Боткину. – Я горжусь тем, что давно его знал и давно ожидал от него чудес, но это чудо – признаюсь – далеко превзошло все усилия моей бедной фантазии!» По мнению В. Г. Белинского, многие сцены романа «были бы украшением любой драмы Шекспира».

Характерно, что для Белинского не столько важна внешняя сторона описываемых событий, сколько внутреннее состояние героев, движения души. Для русского критика главное в романе – отказ Следопыта от любимой женщины, потому что она любит другого. Именно в этом поступке благородного сердца видит В.Г. Белинский достоинство романа. «Основная идея его, – подчеркивает критик, – один из величайших и таинственных актов человеческого духа: самоотречение, и в этом отношении роман есть апофеоз самоотречения».

…Однажды, тихим летним вечером, Купер вместе с дочерью Сюзанн ехал в коляске по дороге вдоль озера Отсего. Писатель был в хорошем настроении и довольно громко напевал предвыборную песенку партии вигов. Сюзанн знала за ним эту слабость – петь в минуты хорошего настроения. Удивляло ее лишь то, что он распевал политическую песню противной партии, а не любимую им «Грезы юной любви». Густые кроны деревьев скрывали озеро от путников, и его присутствие ощущалось лишь во влажных порывах ветра. Но вот деревья расступились, и взорам писателя и его дочери открылась чудесная панорама озера, заросли камышей, стайки диких уток, холмистый противоположный берег. Купер остановил лошадь и долго

смотрел на воду. Затем он повернулся к дочери и воскликнул:

– Я должен написать еще одну книгу о нашем маленьком озере! – И он снова замолчал, вглядываясь в озерную гладь, в покрытые густым лесом берега. Сюзанн молчала, боясь нарушить мысли отца. Но вот он стеганул лошадь и снова затянул свою песню. Через несколько дней он сообщил жене и детям, что начал работу над новым романом о Натти Бампо под условным названием «Юдифь и Эстер», или же «Зверобой». По времени действия роман предшествует «Последнему из могикан», и все события происходят на берегах озера Отсего.

«Зверобой, или Первая тропа войны» вышел в свет в августе 1841 года в Филадельфии, а в сентябре – в Лондоне. «Зверобой» расходится хорошо, и я надеюсь на лучшее, – писал 17 сентября 1841 года Купер жене из Филадельфии, где он находился в связи с судебным иском против Парка Бенджамина. – Но печать молчит».

Новый роман Купера возвращал читателей к годам юности Натти Бампо. Купер, начав с описания приключений Натти в преклонные годы в романе «Пионеры, или У истоков Сасквеханны», показав в последующих романах пенталогии его жизнь в зрелые годы и его уход из жизни, завершил серию книг о Кожаном Чулке рассказом о днях его молодости. Как мы уже отмечали, некоторые западные критики в такой последовательности написания романов серии видели «д е к р е щ е н д о реальности и к р е щ е н д о красоты».

«Зверобой» – одна из вершин творчества Купера, истинное произведение искусства. Многие американские и западноевропейские литературоведы не без оснований считают седьмую главу романа, в которой описана первая схватка Зверобоя с индейцем, лучшей из всего огромного литературного наследия писателя, а весь роман – наиболее захватывающим и увлекательным произведением пенталогии о Кожаном Чулке.

Как мы уже знаем, действие нового романа Купера происходит на берегах того самого озера Отсего, где читатели впервые встретились с Кожаным Чулком в романе «Пионеры». Но теперь действие происходит за полстолетия до событий, описанных в «Пионерах». Зверобою едва минуло двадцать лет, когда он появляется на первых страницах романа. «Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд вглядеться в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно».

В «Зверобое» Купер показывает, как и в каких условиях оттачивалось мастерство охотника и следопыта Натти Бампо, определялись и устанавливались его взгляды на жизнь. Все описанное в романе – полные смертельной опасности необычайные приключения, чудесное спасение Зверобоя от неминуемой гибели, его отказ от красавицы Джудит Хаттер – все подтверждает необычайную нравственную чистоту, прямоту, правдивость и благородство молодого охотника. По своей натуре он сродни невинной душе блаженной Хетти Хаттер.

Читателям в большинстве своем больше импонировал образ Джудит, но писателю больше нравилась именно Хетти. «Что касается меня, – признавался он в письме литератору Томасу Уоррену Филду, – то должен признаться, что моя любимица – Хетти. Думаю, что она лучше выписана – ее образ требовал большего мастерства, более глубокого понимания человеческой натуры. Но никто не разделяет этого моего увлечения».

Бескорыстие и необычайное мужество Зверобоя одинаково удивляют и друзей, и врагов. Втянутый в перипетии жестокой борьбы между враждующими сторонами, Зверобой сохраняет чистоту и благородство, он не способен ни на жестокость, ни на коварство. Его враги из племени индейцев-гуронов не могут не отдать должное его смелости, выдержке, верности данному слову. Зверобою совершенно чужды расовые предрассудки.

«Я считаю краснокожих такими же людьми, как мы с тобой, Непоседа, – объясняет свои взгляды Зверобой. – У них свои природные наклонности и своя религия, но в конце концов не в этом дело, и каждого надо судить по его поступкам, а не по цвету его кожи… Люди отличаются друг от друга цветом кожи, у них разные нравы и обычаи, но, в общем, природа у всех одинакова. У каждого человека есть душа, и каждому придется отвечать за свои поступки».

Подобные заявления в 1841 году – году издания романа – звучали в США достаточно смело. Американские граждане в подавляющем большинстве своем не признавали никаких прав ни за краснокожими, ни за черными. А ведь Зверобой излагал свои мысли еще за сто лет до написания романа: его действие происходит между 1740 и 1745 годами. Не приходится удивляться, что многим подобные слова казались просто кощунственными. Вся история освоения новых земель колонистами была историей истребления индейцев, историей изгнания их из своих земель. Только у одного племени чироки было постепенно отнято более 81 миллиона акров земли. В этих условиях утверждать, что индейцы такие же люди, как и белые, – значило поставить под сомнение правомерность захвата новых

земель, правомерность расширения и укрепления Соединенных Штатов Америки.

В романе действуют еще два белых колониста – отец девушек старый Том Хаттер и его товарищ Гарри Марч по прозвищу Непоседа. Это типичные представители колонистов – безжалостные и жестокие, грубые и хитрые. Некоторые американские критики проводят параллель между заповедями Гарри Непоседы и теми ценностями, которым поклонялись американцы в Позолоченный век. Жадность, стремление к наживе, пренебрежение к судьбе ближнего, безудержная погоня за долларом – все это так же присуще и более поздним поколениям американцев, как и Гарри Непоседе, и составляло сущность их житейской философии.

Столкнувшись неожиданно для себя с неприхотливостью и невозмутимостью Зверобоя, с его благородством и правдолюбием, Непоседа пытается оправдать свое поведение известной поговоркой: с волками жить – по-волчьи выть. Но Зверобой твердо уверен, что приспособленчество и коварство до добра не доведут: волки неизбежно распознают чужака и растерзают его. Многие читатели смотрели на подобные высказывания Зверобоя как на экстравагантные рассуждения хорошо знакомого и любимого героя и никак не задумывались над ними, не переносили их на свой образ жизни, не примеряли к себе.

Характерно, что во всех романах пенталогии Кожаный Чулок фактически единственный среди белых колонистов, кто всегда и безоговорочно ратует за правду и справедливость. Ему как бы противостоят Ишмаэл Буш и судья Темпл, Гарри Непоседа и Том Хаттер. В этом смысле романы Купера точно отражают исторический ход событий по завоеванию Америки, показывают те поистине варварские методы, которыми насаждалась цивилизация на Северо-Американском континенте.

«Зверобой» завершается сценой объяснения влюбленной Джудит с Натти. Она без обиняков предлагает ему жениться на ней, но Зверобой отвечает отказом. Некоторые американские критики объясняют этот поступок молодого охотника стремлением его создателя следовать неумирающей американской легенде о человеке, сумевшем сбросить с себя узы требований цивилизации и остаться навсегда наедине с природой. Действительно, Натти не принимает буржуазную цивилизацию, он живет по своим собственным законам, следует своим правилам, никогда и ни при каких обстоятельствах не отступая от них. В «Зверобое» он молод, и вся его жизнь впереди. Но читатели хорошо знали, что он сумеет сохранить ясность и цельность души до самого конца дней своих.

Американская критика встретила новый роман Купера неоднозначно. «Сатзерн литерари мэссенджер» объявил, что «Зверобой» находится «ниже достоинства любого критика», так как его автор «исписался». После такого заявления этот литературный журнал до конца жизни писателя ни разу не упомянул даже его имени.

Другие органы печати хвалили писателя за то, что он воздерживается от «омерзительного самонавязывания своих двух-трех последних трудов» и снова возвратился в свою родную стихию – в романы о лесных приключениях. Как видим, и эти органы печати отвергали социальные романы писателя и не стеснялись в выражениях по их адресу. Другое дело – приключенческий роман. В этот период американский книжный рынок был перенасыщен дешевыми романами ужасов, герои которых оказывали отрицательное влияние на молодежь. Создавшееся положение так описывает критик журнала «Нью-Йорк ревью».

«После картин порока и ужасов, к которым обычно приобщают читателей большинство современных романов, мы испытываем чувства благодарности к г-ну Куперу за те черты подлинного благородства, которыми преисполнено его последнее творение. И хотя наш общественный вкус испорчен мишурой, лжемудрствованиями и непристойностями многих незаслуженно популярных романов, мы глубоко уверены в том, что наши чувства разделят все те, кто последует за Зверобоем по его первой военной тропе».

Характерна и анонимная рецензия на «Зверобоя», опубликованная в сентябре 1841 года в газете «Нью-Йорк миррор». «Г-н Купер является исключением из общего правила, гласящего, что последние произведения писателя обычно уступают его первым творениям. Находящаяся перед нами книга, безусловно, лучшая из того, что выходило из-под его пера за многие годы… Он – наиболее оригинальный мыслитель среди всех американских романистов; наиболее мужественный, энергичный и независимый среди них, не имеющий себе равных по силе изобразительности и неповторимый в искренности своих патриотических чувств… Поистине в этом труде проявляется больше знания человеческой натуры и дается более глубокое описание характеров, чем обычно принято признавать за г-ном Купером… Он проявил подлинные американские чувства, что, к сожалению, такая редкость среди американских писателей… Конечно, его собственная страна будет последней, которая оценит его по достоинству. Но когда его слава прогремит в Англии и Германии, ее признают и здесь. И так как доказано, что он –

гений, будем надеяться, что его признание – не за горами».

«Зверобоем» Купер завершил пенталогию о Кожаном Чулке. Он возник на страницах романа «Пионеры», как неприкаянный чудак, вызывающий тем не менее всеобщую симпатию своей детской непосредственностью, простотой и необычайной смелостью. Живущий на окраине поселка Темплтон вместе со своим другом индейцем Джоном, или, как он сам называл себя Чингачгук, что на языке делаверов означало Великий Змей, Кожаный Чулок как бы олицетворял собой неразрешимый конфликт между отдельной личностью и обществом. По своей сути, это был конфликт между буржуазной цивилизацией с ее законами и уложениями и правами отдельной независимой личности. Все дело в том, что личные желания и помыслы независимого охотника Кожаного Чулка приходят в непримиримое столкновение с окружающей действительностью, которую в «Пионерах» олицетворяет судья Темпл, а в «Прерии» – скваттер Ишмаэл Буш и его семейство.

С Америкой Темплов и Бушей Купер столкнулся по возвращению из Европы. И, подобно своему герою Кожаному Чулку, он так же уходит от действительности в глубь лет и лесов, в те далекие времена, когда «были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк». И его новые романы показывают юные и зрелые годы Натти Бампо, рассказывают о том, как Натти влюбляется. Сущность этого могучего образа раскрыл В.Г. Белинский в своей статье «Разделение поэзии на роды и виды» (1841): «Человек с глубокою натурою и мощным духом, проведший лучшие годы своей жизни с охотничьим ружьем за плечами в девственных, неисходных лесах Америки, добровольно отказавшийся от удобств и приманок цивилизованной жизни для широкого раздолья величавой природы, для возвышенной беседы с богом в торжественном безмолвии его великого творения; человек, только что вполне расцветший всеми силами тела и духа, в ту эпоху жизни, когда другие уже отцветают, и в сорок лет сохранивший свежесть и пламень чувства, девственную чистоту младенчески незлобивого сердца; человек, возмужавший под открытым небом, в вечной борьбе с опасностями, в вечной войне с хищными зверями и злыми мингами; человек с железными мышцами и стальными мускулами в сухощавом теле, с голубиным сердцем в львиной груди, – этот человек встречает на дороге жизни прекрасное, грациозное явление женственного мира – и тихо и незаметно любовь овладевает всем существом его».

Мы знаем, что его любовь к Мэйбл Данхэм не встретила взаимности, и он отрекается от нее, чтобы не лишить ее счастья совместной жизни с влюбленным в нее и любимым ею Джаспером

Уэстерном. В юности Зверобоя полюбила красавица Джудит Хаттер, но ее «веселое прошлое» стоит между нею и юным, чистым охотником. Любовь Джудит не находит ответа, затем не находит ответа и любовь Натти. Так Кожаный Чулок лишается счастья семейной и женской любви, его сердце навсегда принадлежит друзьям, лесам, рекам и озерам.

Одиночество Натти как бы подчеркивает его самобытность и незаурядность, приподнимает его над окружающими людьми, придает особое значение его близости к силам природы. Фактически ни в одном из романов пенталогии ему не принадлежит главная роль. Но он всегда в центре событий, он – их движущая сила. Симпатии читателя всегда на его стороне, на стороне его друзей. Его бескорыстие и правдивость вызывают восхищение. Известная отрешенность Натти от повседневных забот, его жертвенность в сочетании с сугубо американским жизненным опытом превратили его в героя, приключениями которого вот уже полтора столетия зачитываются во всех странах и континентах.

Объяснение такой неумирающей славе Натти Бампо дал великий русский писатель Максим Горький: «Романы Купера и до сего дня не потеряли интереса правдивых и красиво сделанных картин к истории заселения Северо-Американских штатов – истории, которая поучительно рассказывает о том, как энергичные люди в течение полутораста лет организовывали мощное государство в стране дремучих лесов, пустынных степей, среди кочевых племен, индейцев… Перед читателем живет и действует странный человек – безграмотный, полудикарь, но обладающий в совершенстве лучшими качествами истинно культурного человека: безукоризненной честностью в отношении к людям, ничем не сокрушимой любовью к ним и постоянным органическим стремлением помочь ближнему, облегчить его жизнь, не щадя своих сил… Натти Бампо всюду возбуждает симпатии читателя честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих».

Пенталогия о Кожаном Чулке – величайшее творение Фенимора Купера, писателя, историка и социального критика.

Глава 14
РОМАНТИКА МОРЯ И ПРОЗА ЖИЗНИ

Еще в те времена, когда Купер работал над «Следопытом», его английский издатель Ричард Бентли предложил ему тему для нового романа – жизнь и деяния первооткрывателя Америки Христофора Колумба. Подобное предложение могло показаться странным лишь на первый взгляд. Дело в том, что в 1825 году испанский моряк и историк Мартин Фернандес Наваррете опубликовал извлеченные им из архивов подлинные документы, связанные с открытиями Колумба. Среди них была литературная запись дневников первого плавания Колумба, принадлежавшая перу известного гуманиста Бартоломе Лас Касаса (1475–1566), хорошо знавшего детей и внуков великого мореплавателя.

Естественно, что публикация таких материалов не могла пройти мимо внимания и американских исследователей и писателей. Первым ознакомился с ними дипломатический атташе США в Испании известный писатель Вашингтон Ирвинг. Он некоторое время жил в доме известного испанского библиографа Обадиаха Риха и уделял все время работе в архивах. Его «История жизни и путешествий Христофора Колумба», вышедшая в 1828 году, основывалась на исследованиях Наваррете.

В эти же годы начал свои изыскания в испанских архивах молодой американский специалист по истории Испании Уильям Хиклинг Прескотт (1796–1859). Еще в школьные годы он в результате несчастного случая ослеп на один глаз, а другим видел с трудом, но, несмотря на это, избрал профессию историка и литератора. Несколько лет ушли на исследования периода жизни Колумба, и в 1838 году оп опубликовал трехтомную «Историю царствования Фердинанда и Изабеллы», хорошо встреченную читателями.

Таким образом, предложение Р. Бентли основывалось на хорошем знании интересов читающей публики. Купер сразу же откликнулся на это предложение. «Я написал вам из Филадельфии, изложив идеи двух книг – «Следопыта» и другой по вашему же предложению – о Колумбе, – сообщал Купер в Лондон 12 ноября 1839 года. – Последняя идея давно занимает меня, а чтение капитального труда Прескотта о Фердинанде и Изабелле вызвало желание приступить к работе. Подобная книга должна быть лучше исполнена, чем обычные труды, написана более точно и более детально разработана. Мне хотелось бы из истории Колумба создать подлинное творение…»

Юношеское увлечение Купера морской стихией не проходило с годами. Жизнь на берегу большого озера, частые посещения портового города Нью-Йорка, путешествуя на пароходах по Гудзону, встречи со старыми знакомыми-моряками возвращали его мысли к морю, кораблям, мореплавателям – бесстрашным покорителям морских просторов. И предложение лондонского издателя давало ему возможность снова окунуться в родную стихию. В качестве сюжета Купер на этот раз избрал первое путешествие Колумба на поиски нового пути в Катай (так называли, со слов Марко Поло, в то время Китай – *С. И.*), продолжавшееся с первой половины сентября 1492 года до середины марта 1493 года.

«Мерседес из Кастилии, или Путешествие в Катай» вышла в свет в Филадельфии в ноябре 1840 года, а в декабре 1840 года – в Лондоне. В центре романа любовная история спутника Колумба богатого испанского графа Луиса де Бобадильи и маркизы Мерседес де Вальверде. Во время пребывания испанских мореплавателей на открытом ими острове Гаити в Луиса влюбилась красавица Озэма, сестра местного касика Маттинао, спасенная Луисом от посягательств нелюбимого ею карибского вождя Каонабо. Описание выдуманных Купером приключений составлено в точном соответствии с литературной записью дневника Колумба. В романе действуют и исторические личности, и чисто литературные персонажи. Однако роман этот, даже если судить по нынешним критериям, является романом историческим.

Это обстоятельство не прошло мимо внимания уже первых рецензентов. Известный литератор и библиофил, редактор журнала «Арктур» Эверент Август Дуйкинк писал в рецензии на роман в первом номере журнала (январь 1841 года):

«Исторический приключенческий роман – выработанная литературная жила, из которой давно уже исчез драгоценный металл… После успеха Скотта исторический роман стал модой и, подобно всем людям этого века, вскоре ушел в небытие… И историческое исследование и роман – оба пришли в упадок. Исторический роман превратился в одну из тех вещей, о которых забывают сразу же после того, как они произведены на свет. Лучшим доказательством его упадка является в настоящее время та легкость, с которой его создают. Для человека оригинального ума, который понимает все требования этого жанра, – это наиболее трудный вид творчества; для простого имитатора – наиболее легкий. Но это не тот творческий жанр, который должен избирать первоклассный автор для упражнения своего пера. Правда сейчас убедительнее выдумки. Настоящее более велико,

чем прошлое. Живой человек с его надеждами, целями и путями, которые приводят к их достижению или же к поражению на пути к цели, – более благородный объект исследования, даже если он в отрепьях, чем фараон во всей своей славе… Простое толкование исторических проблем никогда не должно осуществляться через роман. История и роман несовместимы».

Такой же точки зрения придерживался и Эдгар Аллан По, также опубликовавший рецензию на роман Купера в январском (1841 г.) номере журнала «Грэхемз мэгезин», литературным редактором которого он был в 1841–1842 годах.

Если исходить из судьбы «Мерседес из Кастилии», то высказанные Э. Дуйкинком соображения действительно отражали общественное мнение того периода. Хотя сам Купер объяснял неуспех романа другими причинами: «Мерседес» провалилась, сюжет оказался слишком хорошо знакомым». Противоречит мнению Дуйкинка и большой успех двух других романов того же Купера – «Следопыт» и «Зверобой», которые вполне можно отнести к историческим. В то же время «Гротески и арабески» Эдгара По расходились очень плохо. Не имел успеха и роман Корнелиуса Мэтью «Карьера Паффера Гопкинса», повествующий о жизни современного Нью-Йорка.

Своим романом о первом путешествии Х. Колумба Купер отдал дань общественным интересам и настроениям своего времени. Не его вина, что роман не имел успеха. Тот же Дуйкинк в рецензии вынужден был признать, что Купер «имеет достаточно воображения, чтобы придумать сюжет, который вполне похож на настоящую жизнь, и заселить его правдоподобными моряками или индейцами… В своих описаниях природы он непревзойден… Временами он демонстрирует огромную силу и серьезность, которые, несмотря на все его недостатки, делают его самым первым писателем Америки».

Между тем нападки в печати на первого писателя Америки усилились. Дело в том, что после ряда проволочек суды наконец приступили к рассмотрению исков Купера к ряду редакторов газет и журналов. Первым был признан виновным редактор журнала «Нью Уорлд» Парк Бенджамин. Окружной суд Куперстауна в сентябре 1841 года присудил его к уплате штрафа в 375 долларов. Редакторы других газет и журналов усилили нападки и на Купера, и на систему судопроизводства, так как они отождествляли свободу печати со свободой от всяких ограничений, а решение суда указывало на необходимость действовать в рамках закона.

Какие только обвинения не посыпались на Купера! «Этого индивидуума следует схватить и посадить в клетку – он

определенно взбесился! – призывала одна из газет. – Если он останется на свободе, то покусает кого-нибудь и заразит манией обращения в суд против оскорблений». Терлоу Уид, судебный иск к которому был окончательно назначен к рассмотрению в ноябре 1841 года, начал публиковать в своей газете ежедневно статьи против Купера, перепечатываемые им из различных газет и журналов. Число органов печати, в которых появились статьи против Купера, превысило 30. Среди них были такие крупные газеты, как «Нью-Йорк американ» и небольшие, подобно «Кливленд геральд» или «Итака кроникл».

Публикуя подобные статьи, Т. Уид явно рассчитывал, что Купер, увидев, как против него выступила печать почти всей страны, возьмет свои судебные иски обратно. Но Купер подал пять новых исков против Уида, а также возбудил дело против редактора небольшой газеты «Онеида виг» Руфуса Нортуэя, чью статью перепечатал Уид. Отметим, что иск против Р. Нортуэя Купер выиграл: редактор «Онеида виг» был оштрафован на 70 долларов.

Ульям Л. Стоун, редактор газеты «Нью-Йорк ком-мершиэл адвертайзер», опубликовавший в июне 1839 года оскорбительную для Купера рецензию на его «Историю ВМФ США», не без оснований опасался, что обычное жюри присяжных не станет вдаваться в технические подробности давней битвы на озере Эри, и согласился, чтобы иск Купера был передан на решение трех опытных юристов, двух из которых он сам же и рекомендовал.

Три весьма известных юриста – Лорд, Стевенс и Фут – внимательно изучили и «Историю ВМФ США» Купера и четыре статьи У. Дуера и провели несколько открытых слушаний в мае 1842 года в помещении Нью-Йоркского городского суда. Купер лично представлял в суде свои интересы. Газета «Нью-Йорк геральд» отмечала, что Купер в своих выступлениях показал как литературный талант, знание навигации, так и юридические способности, какие редко можно наблюдать в любом суде этой страны. На одном этом деле г-н Купер, благодаря своим знаниям, таланту, исследовательской жилке, энергии и настойчивости не только завоевал новые лавры среди своих друзей, но даже заставил своих злостных оппонентов наградить его теплыми аплодисментами».

В результате арбитры 16 июня 1842 года вынесли заключение на 17 страницах, в котором Купер был признан правым по всем статьям. Решение юристов состояло из восьми пунктов:

«1) У. Стоун обязан уплатить Куперу штраф в размере 250 долларов за нанесенное ему газетой оскорбление; 2) Купер «честно выполнил свои обязательства как историк»; 3) Описание

битвы на озере Эри «правдиво в своих основных фактах»; 4) «Это описание изложено в духе беспристрастности»; 5) Автор и издатель рецензии на книгу Купера не выполнил честно своих обязательств рецензентов, в том числе неточно цитируя автора и просто искажая смысл написанного им; 6) Рецензия содержит пять неправильных утверждений; 7) Рецензия была написана не в духе непредвзятости и справедливости; 8) Ответчик обязан оплатить убытки и напечатать это решение за свой счет».

У. Стоуну не оставалось ничего другого, как полностью опубликовать решение арбитров в своей газете, а также в газетах Вашингтона и Олбани. Сообщая об этом решении капитану I ранга Дж. Эллиоту, Купер писал: «Выступившие против меня не имели достаточно амуниции для широких действий. Они грозны только в газетных перепалках, да и то лишь потому, что читающая публика страдает невежеством и безразличием».

В связи с рассмотрением исков Купера к редактору «Морнинг курьер энд Нью-Йорк инкуайерер» Джеймсу Уэббу снова в газетах появились утверждения о том, что Купер изобразил себя в лице Эдуарда Эффингхема в романах «Домой» и «Дома». Судья не стал рассматривать эти утверждения, так как посчитал, что они не относятся к делу. Купер же считал, и не без оснований, что подобные утверждения низводят его романы до сугубо личной истории и тем самым ограничивают их влияние на читателей. В письме в газету «Ивнинг пост» он высказал пожелание опубликовать пару статей в одном из крупных еженедельных журналов, в которых он мог бы с фактами в руках разоблачить лживость подобных утверждений.

Одним из ведущих еженедельников был журнал Пэрка Бенджамина «Нью Уорлд». Конечно, у Купера не было никаких шансов опубликовать свои материалы в этом журнале. Но у «Нью Уорлд» был не менее крупный соперник под названием «Бразер Джонатан». Выражение «брат Джонатан» в те годы означало типичного американца в том же смысле, в котором сегодня употребляется выражение «дядюшка Сэм». Редактор этого журнала Горацио Уэлд согласился опубликовать статьи Купера. Подобно другим редакторам, с симпатией относящимся к Куперу, Уэлд тем не менее считал, что обращение писателя к суду было не совсем правильным шагом. 4 декабря 1841 года он опубликовал передовую статью «Более драчливый, чем мудрый», в которой писал: «Как мы видим, г-н Купер угрожает новым редакторам привлечением к суду по обвинению в клевете. Мы не думаем, что этот путь убедит публику в его благоразумии. Мы воздержимся от других обобщений».

Первая статья Купера появилась в «Бразер Джонатан» 18

декабря 1841 года. Редактор предварил ее вступлением, в котором, в частности, писал: «Мы уже высказали нашу точку зрения, которая заключается в том, что мы сомневаемся в мудрости и необходимости защищать себя даже от личных нападок, путем обращения к суду с обвинениями в клевете. Наши сомнения все еще не исчезли. Как издатели рассчитанного на широкую публику журнала, мы считаем своей прямой обязанностью предоставить любому человеку возможность защищать его собственную позицию и отстаивать свои права. Нам нет нужды убеждать читателей в том, что г-н Купер вполне способен сделать и то и другое. Нас только удивляло, что если он вообще считал необходимым защищать себя, он не полагался полностью на свое перо…»

Купер опубликовал в журнале «Бразер Джонатан» пять статей. В них он на конкретных примерах из американских газет показал, что многие газеты критиковали американское общество значительно резче, чем это сделал он в своих романах. Купер также убедительно показал, что Эдуард Эффингхем из обоих романов ни в коей мере не является автобиографическим образом.

Конечно, все это отнимало много времени и энергии, и тем не менее писатель продолжал упорно работать над новыми романами. Вряд ли случайно в этот период Купер выбирает темами своих романов события, никак не связанные с современной Америкой. Его следующий роман, названный им «Два адмирала», повествовал о событиях 1745 года, когда Англия воевала с Францией. Он был издан в марте 1842 года в Лондоне и в апреле – в Филадельфии. Понятно, что в этом романе симпатии автора на стороне английских моряков, что вполне объяснимо, так как в тот период американские колонии были частью Британской империи. В центре романа история о том, как рожденный вне брака молодой человек пытается лишить наследства законного наследника. В романе много морских сражений между английскими и французскими кораблями, в одном из которых погибает один из адмиралов. Купер поднимает в своем романе серьезные проблемы – законности власти, лояльности в дружбе, необходимости подчиняться приказам.

Интересно отметить, что, по свидетельству современников, редактор «Олбани ивнинг джорнэл» Т. Уид коротал время между заседаниями суда, рассматривавшего иск Купера к нему, за чтением романа «Два адмирала», который ему очень нравился. Годы спустя он признался в этом в своей «Автобиографии». Хотя уже во время суда Куперу рассказал об этом один из адвокатов.

Но, как отмечал Дж. Гроссман, особенно впечатляющим был

не тот факт, что Т. Уид зачитывался романом своего противника, а то, что Купер в этих сложных условиях находил время и мужество писать романы, на которых никак не отражалась его горечь по поводу всего происходящего. В ноябре 1842 года почти одновременно в Филадельфии и Лондоне вышел новый роман Купера «Крыло-и-крыло», или «Блуждающий огонек». Писатель снова обратился к временам англо-французской войны, но на этот раз к периоду прославленного английского флотоводца адмирала Горацио Нельсона (1758–1805).

Действие «Блуждающего огонька» происходит в Средиземном море у берегов Италии. Купер, как известно, проплыл вдоль этих мест на небольшой феллуке во время своего пребывания в Италии. Он надолго запомнил это путешествие и небольшие острова, которые посетил. Именно тогда он побывал на острове Эльба и в расположенном на его высоком берегу городке Порто-Ферраджо. Купер любил вспоминать это путешествие и с увлечением рассказывал о нем длинными вечерами у камина в своем доме в Куперстауне. И вот теперь он описал эти места в новом романе.

Шло последнее десятилетие XVIII века, Англия находилась в состоянии войны с республиканской Францией. Английские военные корабли охотились в Средиземном море за французскими корсарами. Особенно долго им не удавалось захватить небольшой корсарский корабль под названием «Блуждающий огонек», которым командовал храбрый удачливый молодой человек по имени Рауль Ивар. Роман, собственно говоря, – это романтическая история трагической любви капитана Ивара к молоденькой итальянской красавице Джите Караччиоли.

Однажды спокойным августовским вечером 1798 года в канал Пиомбино, отделяющий остров Эльбу от собственно Италии, вошло легкое быстроходное судно. Оно встало на рейде у редко посещаемого судами городка Порто-Ферраджо. Естественно, что это событие привлекло внимание всех жителей, которые гадали, не французский ли это корабль, и тогда следовало бы встретить его огнем всех крепостных пушек. Опытные моряки полагали, что корабль принадлежит Франции, но не могли утверждать это, так как на корабле не было национального флага. Поэтому по судну произвели несколько предупредительных выстрелов, и на нем после этого подняли английский флаг. В городе с облегчением вздохнули, и все отправились на набережную встречать отплывшую от корабля шлюпку. Так на берегу оказался капитан судна, назвавшийся Джеком Смитом.

И лишь один человек в городке – приезжая восемнадцатилетняя красавица Джита Караччиоли узнала в судне

французский капер «Блуждающий огонек», а в его капитане – влюбленного в нее Рауля Ивара. Ей тоже нравился храбрый капитан, но ее семейство – на стороне англичан, и она не может связать свою судьбу с французским корсаром. Пока Рауль дурачит местные власти, она ожидает его появления в укромном уголке.

Их короткое свидание не приносит удовлетворения Раулю. А тут еще к острову подходит английский фрегат «Прозерпина», мощи пушек которого «Блуждающему огоньку» следует опасаться. Рауль с честью выходит из противоборства с «Прозерпиной» и по просьбе Джиты перевозит ее с дядей на континент. А там по приказу адмирала Г. Нельсона собираются казнить богатого республиканца – деда Джиты, который по стечению обстоятельств и не подозревает, что у него имеется родная внучка.

Джита пытается спасти деда, обратившись с просьбой о помиловании к самому Нельсону. Но все тщетно: адмирал лишь разрешает ей последнее свидание с ним. Совершенно обессиленная после короткой беседы со смертником, который признал в ней свою внучку, Джита неожиданно оказывается в наемной лодке, которой управляет не кто иной, как Рауль, сумасбродно бросившийся на ее поиски, узнав о предстоящей казни.

Из-за неудачного стечения обстоятельств Рауль вместе со своим помощником оказывается пленником англичан на «Прозерпине», и его приговаривают к смерти через повешение. В самый последний момент по ходатайству благородного англичанина-капитана «Прозерпины», тронутого историей любви Рауля к Джите, адмирал Нельсон откладывает казнь. Раулю удается бежать и благополучно добраться до своего «Блуждающего огонька». Но обстоятельства против него: корабль садится на мель, англичане начинают наступление, и в неравной схватке Рауль получает смертельную рану. Он умирает на берегу на глазах у рыдающей Джиты.

Сентиментальная история эта, рассказанная умело и со знанием морского дела, неплохо расходилась. Однако многие читательницы были недовольны печальным концом и советовали спасти Рауля, перебросить его на сторону англичан и женить на Джите. Но Купер твердо стоял на своем: «Что касается того, чтобы выдать Джиту за этого плута-атеиста Рауля, то пусть дамы простят меня. Я предпочитаю убить его, а ее поместить в женский монастырь! Моя жена и моя сестра – обе преисполненные терпимости христианки! – так говорят, что я слишком добр по отношению к католикам!»

В мае 1842 года журналист Руфус Уилмот Гризуолд (1815–1857) сменил Эдгара По в качестве редактора литературного

ежемесячника «Грэхемз мэгезин». Он сразу же предложил Куперу написать для журнала серию биографий известных американских адмиралов и морских офицеров, обещая хорошо заплатить за статьи. Купер согласился, и уже в октябрьском номере журнала за 1842 год появилась первая биография капитана Ричарда Сомерса. Эти биографии регулярно публиковались в журнале в 1843–1845 годах и составили впоследствии книгу «Жизнеописания прославленных военно-морских офицеров» (1846).

Купер внимательно следил за всем происходящим на флоте, поддерживал дружеские отношения со многими военно-морскими офицерами, принимал близко к сердцу их тревоги и заботы. Он сразу же узнал о том, что возвратившийся из длительного плавания к берегам Африки 14 декабря 1842 года бриг «Сомерс» стоит в Нью-Йоркской гавани и не поддерживает никаких отношений с берегом. Известно только, что по прибытии брига один из его офицеров выехал в Вашингтон. Командовал «Сомерсом» капитан I ранга Александр Слиделл Маккензи, тот самый, который три года тому назад опубликовал в журнале «Нортх Американ ревью» оскорбительную рецензию на «Историю ВМФ США» Купера.

Постепенно всплыли следующие обстоятельства, связанные с плаванием брига «Сомерс» и действиями его капитана. На корабле отправился в плавание 18-летний гардемарин Филип Спенсер, сын министра обороны США и внук одного из самых известных в стране юристов. На пути от Африки Спенсер рассказал одному из моряков, что он задумал убить офицеров, захватить бриг и стать корсаром. Моряк доложил об этом, Спенсер был арестован, закован в кандалы и посажен под охрану. Затем были арестованы еще два члена команды, и по распоряжению капитана Маккензи все трое были повешены по обвинению в попытке «поднять мятеж».

Когда вся эта история стала известна, Купер как раз заканчивал работу над брошюрой «Битва на озере Эри», в которой он давал ответ всем критикам своей «Истории ВМФ США», в том числе и Маккензи. Поначалу Купер считал, что Маккензи законно использовал предоставленные ему права в случае с попыткой мятежа. Будучи человеком щепетильным, он задержал публикацию своей брошюры, пока не станут известны результаты следствия и суда военного трибунала, рассматривавших действия Маккензи. Для Купера лично дело осложнялось еще и тем, что отец казненного гардемарина до того, как стать министром обороны США, был суперинтендантом публичных школ, и именно он не разрешил использовать «Историю ВМФ США» Купера в школьных библиотеках и в то же время дал такое разрешение

написанной Маккензи биографии Перри.

Однако в ходе следствия по делу Маккензи всплывали все новые факты, показывавшие, что Маккензи действовал поспешно, без проведения настоящего следствия. Он отправил на казнь одного из моряков, вообще даже не допросив его. Купер решил заняться детальным изучением всех доступных фактов. Его возмутило и то, что уже в ходе следствия стало ясно стремление властей обелить действия Маккензи. Купер публично заявил, что он намерен изучить все материалы дела и опубликовать свое заключение по ним. Действительно, он изложил на 80 страницах свое мнение по делу Маккензи, и оно было опубликовано в качестве приложения к протоколам суда.

Купера больше всего удивило, что действия Маккензи получили всеобщую поддержку и одобрение. Писатель полагал, что в стране, где провозглашено равенство граждан, общественное мнение выступит в защиту прав отдельного гражданина и по меньшей мере потребует, чтобы капитан «Сомерса» представил убедительные доказательства несомненной вины казненных молодых моряков. Но в жизни все оказалось по-иному. На стороне Маккензи были по крайней мере два важных фактора – национальная гордость и интересы международной торговли.

В этих условиях решение о казни троих моряков рассматривалось прежде всего как образец твердости капитана, отправившего на смерть трех злодеев. К тому же считалось, что владельцы судов и банки «получат большие гарантии безопасности в условиях быстрого азиатского суда, чем при длительном разбирательстве и допросах подозреваемых». Купер же в своем заключении приходит к совершенно противоположному выводу. Он считал, что с точки зрения простой житейской мудрости и практичности судебный процесс должен быть справедливым, иначе он никогда не достигнет своей цели. Дисциплина даже на военном корабле зиждется не столько на принуждении, сколько на вере в справедливость.

Следует отметить что Купер не был единственным, кто поставил под сомнение решение и действия Маккензи. В том же 1844 году была анонимно издана брошюра под названием «Путешествие «Сомерса» как иллюстрация к деспотизму на палубе и к нечеловеческому обращению капитана Маккензи». Интересно отметить, что события, происшедшие на «Сомерсе», легли в основу повести другого классика американской литературы – Германа Мелвилла, который за пять лет до смерти написал свое последнее произведение, названное именем его героя – «Билли Бад». Билли, как и казненные моряки «Сомерса»,

был обвинен в том, что он замышлял поднять мятеж на корабле, и повешен.

В январе 1843 года писатель получил письмо от Эдуарда Роберта Майерза, с которым он служил в 1806–1807 годах на корабле «Стирлинг». Он пригласил старого сослуживца в гости, и с июня по декабрь 1843 года Нед, как звали Майерза на корабле, гостил в Куперстауне и рассказывал историю своей жизни Куперу. Тридцать шесть лет прослужил Нед на различных кораблях – всех и не перечислишь. Три из них погибли: два утонули, один сгорел. Нед совершил кругосветное путешествие, дважды проходил мимо мыса Горн, возил контрабандный табак в Ирландию и опиум – в Китай, пропивал свой заработок в портовых кабачках и снова тянул лямку простого матроса. Купер заинтересовался рассказами старого моряка и решил опубликовать их в виде книги.

Тому были свои причины. Возвышенно-романтическое описание жизни на море уже не вызывало у читателей былого восторга. Стал преобладать критический настрой к порядкам на корабле, в центре внимания читающей публики теперь был не блестящий офицер-искатель приключений, а простой моряк, занятый на корабле изнурительным трудом. Купер был знаком со статьей Ричарда Генри Дана-младшего «Жестокое обращение с матросами», опубликованной в журнале «Американ джурист» в 1839 году. Будучи студентом Гарвардского университета, Дана испортил зрение и в апреле 1834 года отправился матросом на корабле «Пилигрим» из Бостона вокруг мыса Горн в Калифорнию. Тем же путем в 1836 году на корабле «Элерт» он возвратился домой. Окончив Гарвардский университет и став практикующим юристом, Дана описал свое путешествие в виде дневника и издал его в 1840 году под названием «Два года на палубе».

Купер хорошо знал книгу Дана, его даже спрашивали, не его ли это творение и не скрывается ли он под псевдонимом Дана. Книга Дана имела большой успех и оказала серьезное влияние на всю последующую литературу о море и моряках. И вот теперь, встретившись с Недом Майерзом, Купер записал его рассказы и издал их в ноябре 1843 года под названием «Нед Майерз, или Жизнь на палубе». Писатель выплатил Неду гонорар и помог ему устроиться на работу на Бруклинских военно-морских верфях. Нед бросил свои пьяные загулы, женился, однако прошлое не отпускало его, он снова начал пить и умер после очередной попойки. Купер продолжал оказывать помощь семье Неда после его кончины.

История Неда Майерза, как это ни покажется страдным, имеет современное продолжение. Американские газеты сообщали

в 1986 году, что в канадском городе Торонто, расположенном на берегу озера Онтарио, живет зубной врач Дэниел Нельсон. Он с детства зачитывался романами Купера. Больше всего его заинтересовала история жизни Неда Майерза, так как Нед рассказывал, как он в 1812 году служил на озере Онтарио на американских военных шхунах «Скердж» и «Гамильтон» и как они обе утонули во время сильной бури. Из ста человек команды чудом спаслись только 13 человек, в том числе и Нед. И вот Д. Нельсон решил отыскать затопленные в 1812 году шхуны. Он бросил профессию зубного врача и перешел на службу в торонтский музей. Ему помог случай. В 1980 году известный французский исследователь морских глубин Жак Ив Кусто снимал фильм о канадских озерах. К тому времени Нельсон с помощью гидролокаторов определил местоположение на дне озера двух старинных судов. Кусто взял Нельсона на свою батисферу, и вскоре на дне озера были найдены хорошо сохранившиеся шхуны «Скердж» и «Гамильтон».

Существовала еще одна сфера деятельности, которая наряду с морским делом привлекала в эти годы пристальное внимание писателя. Общественно-политическая и экономическая жизнь страны казалась Куперу не менее увлекательной сферой, чем морская стихия. Жизнь в Соединенных Штатах Америки была в этот период насыщена важными экономическими и социальными событиями. Восстание негров-рабов в штате Виргиния под предводительством Ната Тернера (1831) дало новый стимул молодому движению аболиционистов, выступавших за немедленную отмену рабства. Затяжной экономический кризис 1837 года затронул и финансы, и промышленность, и сельское хозяйство. Массовое движение фермеров-арендаторов привело к принятию закона о праве «Первой заимки» (1841), предоставившему арендаторам преимущественное право приобретения обрабатываемых ими земель по зафиксированной государством минимальной цене.

Стремление Купера к объективному изображению американской действительности, так наглядно проявившееся в романах «Домой» и «Дома», никогда его не оставляло. Вот и теперь он пишет повесть под неожиданным и даже вызывающим названием «Автобиография носового платка», которая была опубликована в ежемесячнике «Грэхемз мэгезин» в январе – апреле 1843 года. Героиня повести, лишенная своего богатства молодая французская аристократка, зарабатывает на жизнь шитьем дамских кружевных носовых платков. Писатель показывает закулисную сторону деятельности коммерсантов, в результате которой носовой платок, за шитье которого героиня

получает гроши, постепенно растет в цене и в конечном итоге продается в Нью-Йорке по баснословной цене в 100 долларов, принося коммерсанту чистый доход в 81 доллар и 39 3/4 цента. «Процесс превращения человеческого труда в прибыльный продукт показан Купером с такой же жестокой беспристрастностью, как и Марксом», – говорил об этой повести писателя известный нам американский литературовед Дж. Гроссман.

Разоблачая в повести методы, которыми наживают свои богатства коммерсанты, Купер вместе с тем приоткрывает завесу и над теми нравами, которые царили в среде его богатых соотечественников. Особое недовольство нью-йоркского «высшего света» вызвало изображение в повести молодых людей, жаждущих жениться «на деньгах». Во времена Купера о таких вещах не принято было говорить вслух, и появление на страницах повести этих хорошо знакомых всем «ловцов за богатством» тем не менее шокировало привыкших к изысканности читателей и особенно читательниц.

Правда, и сам писатель не избежал в повести влияния любителей изысканного чтения. Его героиня, оставив карьеру белошвейки, приезжает в Америку в качестве гувернантки и здесь выходит замуж за весьма состоятельного американца. Такое завершение повести вполне соответствовало требованиям общества – добродетель вознаграждалась. Но счастливый конец не приглушил критическое звучание повести: она привлекала внимание читателей к весьма неприглядным сторонам жизни американского буржуазного общества.

Глава 15
СНОВА ЭКСКУРСЫ В ИСТОРИЮ

Период 1842–1844 годов оказался для Фенимора Купера необычайно продуктивным. В журнале «Грэхемз мэгезин» одна за другой появляются биографии американских флотоводцев – Ричарда Сомерса, Уильма Бейнбриджа, Ричарда Дойла, Оливера Перри, Джона Поля Джонса и других, выходит несколько уже упоминавшихся нами романов. В сентябре 1843 года в Филадельфии вышел еще один новый роман писателя, названный по имени вождя индейцев, – «Виандотте, или Хижина на холме». Книга была им закончена в марте 1843 года в Куперстауне, и он тогда же сообщал в письме к У. Шубрику: «Собираюсь на день в Филадельфию, чтобы сдать в печать новую книгу под названием «Хижина на холме».

Напряженная, разносторонняя работа писателя в большей степени объяснялась его финансовыми трудностями и тем, что книги приносили ему все меньше и меньше доходов. И дело здесь было не только и не столько во враждебном отношении к нему большой американской прессы и под ее влиянием многих читателей, сколько в сильно изменившемся положении в торговле книгами. Еженедельные журналы публиковали с продолжением или же в качестве специальных приложений романы весьма популярных европейских писателей Ч. Диккенса, Л. Дюма, Э. Сю и других. Книгоиздатели в этих условиях снижали цены на книги и, естественно, платили авторам значительно меньшие гонорары, чем лет двадцать тому назад. Если Купер в 1825 году продал права на «Лайонеля Линкольна» за 5 тысяч долларов, то в 1842 году за роман «Крыло-и-крыло», выпущенный большим для того периода тиражом в 12 500 экземпляров, писатель получил всего лишь 737 долларов 50 центов.

Не лучше в общем дело обстояло и в Англии. «Спрос на художественную литературу (любого автора) серьезно уменьшается уже несколько лет, – сообщал писателю его английский издатель Р. Бентли 18 февраля 1844 года. – Во многих случаях тираж не составляет и трети того, что требовалось раньше».

Сложившееся положение весьма сильно беспокоило писателя. В сентябре 1843 года во время очередной поездки по издательским делам из Нью-Йорка в Филадельфию попутчиком Купера оказался известный писатель из города Чарльзстоуна Уильям Гилмор Симмс. Он также писал романы из жизни

фронтира, и его называли «южным Купером». Оба писателя много говорили о положении литераторов в Америке, сетовали на их тяжелую материальную судьбу. В январе 1844 года Купер в письме Симмсу изложил свои размышления на эту тему. «Писать для Америки – это значит служить весьма безжалостному хозяину… Мое литературное положение ничегошеньки мне не дает в собственной стране, наоборот, это приносит мне один вред… Конечно, если бы я был молодым, я или бы переехал в ту часть света, где литература пользуется какими-то правами и где ее уважают, или же забросил бы свое перо навсегда… Будь я лет на десять моложе, я бы незамедлительно отправился в Европу. Там литератор имеет такие же права, как и любой другой профессионал, а если он известен, то пользуется огромными преимуществами. Наша же страна еще недостаточно цивилизована для этого».

Но у Купера не было иного выхода, литературная работа была его единственным источником доходов. Он пытался заниматься сельским хозяйством, но без особого успеха. По свидетельству дочери писателя, Купер очень любил сам процесс освоения новых земель: выбор участка для расчистки, выкорчевывание корней и вырубку деревьев, сжигание хвороста, первую пахоту и сбор первого урожая. Примерно в полутора милях от Куперстауна на восточном берегу озера Отсего располагалась окруженная со всех сторон лесом небольшая ферма, принадлежавшая семейству писателя, и он находил подлинное удовольствие в том, что своими руками участвовал в расчистке этого клочка земли, сам подводил к нему воду, сам сооружал каменный забор вокруг фермы. Неудивительно, что и в книге он описывает, как первые колонисты осваивали новые земли.

В новом романе «Виандотте» Купер снова обращается к тому периоду, когда была провозглашена независимость американских колоний. Ушедший в отставку капитан английской армии Уиллоби приобрел за бесценок у индейцев участок земли в 3,5 тысячи акров в так хорошо знакомых писателю краях, неподалеку от того места, где впоследствии появится селение Куперстаун. К моменту начала романа в 1775 году Уиллоби построил на своем участке дом из кирпича и дерева, обнес его мощным забором, рвом и палисадом и жил здесь в основном весной, летом и осенью с женой, двумя дочерьми и несколькими слугами. Рядом с господским домом жили арендаторы со своими семьями. В те времена это был глухой край, куда новости о происходящих на востоке событиях доходили от случая к случаю.

Единственный сын Уиллоби Роберт, как и его отец, служил в английских колониальных войсках и к этому времени имел уже

чин майора. Уиллоби и несколько десятков арендаторов-колонистов осваивали и обживали облюбованные ими земли, а на востоке тем временем развивались драматические события. На всей территории колоний отряды волонтеров начали партизанскую войну против войск метрополии. Вооруженные стычки происходили в Нью-Йорке, Саванне (Джорджия); движение за независимость ширилось в Филадельфии, Ньюарке, других городах. II Континентальный конгресс в мае 1775 года постановил создать регулярную армию, выделил средства на ее содержание и назначил ее главнокомандующим известного военачальника, крупного виргинского плантатора Дж. Вашингтона.

Арендаторы-колонисты само собой полагали, что их патрон Уиллоби, отставной капитан английской армии, к тому же родившийся в Англии и отец майора колониальных войск, является противником борьбы колоний за независимость. Между тем сам Уиллоби, будучи колонистом и человеком неглупым, прямо не высказывал своих взглядов, сочувствуя в душе делу освобождения. Известие о назначении Вашингтона главнокомандующим вооруженных сил колоний окончательно определило его выбор – он решил стать на сторону восставших. Однако о своем выборе он не объявлял, опасаясь за судьбу сына – майора английской армии, да и потому, что жизнь не подталкивала его к окончательному решению.

Но вот вблизи дома Уиллоби появились индейцы. Колонисты покинули свои хижины и вместе с семьями укрылись за стенами хозяйского дома. Постепенно выяснилось, что окружившие дом индейцы насчитывают в своих рядах много белых, и все они выступают за свободу колоний. Арендаторы один за другим тайком покидают хозяйский дом, считая, что Уиллоби – на стороне англичан.

Среди людей, связанных с Уиллоби и его семейством, был индеец по прозвищу Дерзкий Ник. В свое время он был грозным индейским вождем и носил гордое имя Виандотте. Но он попал в плен к англичанам, по приказу Уиллоби был выпорот и с тех пор пристрастился к вину. Долгие годы он служит Уиллоби, выполняя его различные поручения. В глубине души он страстно ненавидит своего обидчика, но вынужден подчиняться жизненным обстоятельствам. Его душевная мука усугубляется еще и тем, что жена Уиллоби спасает его от верной смерти во время эпидемии оспы.

В окруженный врагами опустевший дом тайком пробирается переодетый майор Уиллоби, чтобы передать отцу приглашение английских военачальников вступить в их ряды. Старший

Уиллоби отказывается; майора захватывают в плен колонисты. Отец вместе с Виандотте отправляется на выручку сына и погибает от удара ножа Виандотте. Но индеец помогает бежать майору и спасает от смерти его невесту. Мать и сестра майора погибают во время захвата их дома индейцами. Через много лет Виандотте признается майору Уиллоби в том, что это он убил его отца, и тут же умирает.

Роман не насыщен событиями, действие в нем развивается медленно. И хотя роман назван по имени Виандотте, сам индеец появляется на его страницах от случая к случаю и лишь в самом конце играет серьезную роль в происходящих событиях. И тем не менее именно Виандотте – наиболее тщательно выписанный образ во всем романе. Эдгар По подчеркивал это в своей рецензии па роман, опубликованной в ноябре 1843 года на страницах редактируемого им «Грэхемз мэгезин».

«Величайшее достоинство книги, – отмечал Э. По, – образ индейца Виандотте, который по всем статьям ничуть не уступает другим образам индейцев, созданных автором «Пионеров». По правде говоря, мы думаем, что этот «лесной джентльмен» превосходит других известных героев этого рода – героев, которые созданы бессмертным нашим автором».

Э. По отметил в своей рецензии и женские образы романа. «Госпожа Уиллоби, смиренная, застенчивая, преисполненная женственности супруга капитана, само существование которой обусловлено ее привязанностями, достойна пера г-на Купера. А Мод Мередит и того лучше. Действительно, мы не знаем другого женского портрета – даже у Скотта, – который мог бы превзойти этот. И при всем при этом враги писателя убеждают мир, что он но способен описать женщину».

Оценивая роман в целом, Э. По писал: «Эта история из числа лесных. Говоря так, мы уже утверждаем, что книга – хорошая, ибо г-н Купер, как известно, никогда не создает плохих лесных или морских историй… В этой истории нет ничего чрезвычайного, наоборот, она повествует о совершенно заурядных событиях… Не претендуя на изложение конкретных фактов, «Хижина на холме» рассказывает придуманную писателем историю, которая во всех отношениях ничем не отличается от тех, которые действительно имели место в начале революции да и в другие эпохи нашей истории. Она рисует картину опасностей, трудностей и страданий, которые выпадали на долю большой семьи, живущей совершенно изолированно в лесной глуши».

Как видим, Э. По подчеркивал историческую достоверность романа, соответствие описанных в нем событий тому, что происходило в действительности в эти бурные годы становления

американского государства. Читатели хорошо помнят другой роман Купера, описывающий этот же период, – «Лайонель Линкольн, или Осада Бостона». И в «Виандотте», как и в «Лайонеле Линкольне», действие развертывается вокруг семьи, которая но идее должна в этой борьбе быть на стороне англичан. Лайонель Линкольн сочувствовал борьбе колонистов за независимость, капитан Уиллоби был в душе на их стороне, хотя внешне и старался остаться вне развернувшейся схватки.

Вряд ли такой выбор героев двух исторических романов писателя мог быть случайным. Известно, что Купер не отрывал судьбу семьи от судьбы страны. Наоборот, его, как мы уже знаем, даже упрекали в том, что он слишком вольно переносит на страницы своих книг свой собственный житейский опыт. Думается, что и в этом случае, как и в «Шпионе» и в «Лайонеле Линкольне», в романе нашли отражение семейные рассказы из фамильной истории его жены, урожденной Деланси. Ее отец, Джон Питер Деланси, принадлежал к старинной французской семье гугенотов. Его дед, Стивен, эмигрировал в конце XVII века в Америку, где женился на дочери Стефана Ван Кортленда. Деланси и Ван Кортленды принадлежали к наиболее знатным и богатым американским семьям, поддерживавшим английское колониальное господство. В результате после победы революции их имущество подлежало конфискации. К моменту женитьбы Купера его тесть обладал умеренным состоянием, находился в той или иной степени родства со многими крупнейшими деятелями молодого американского государства.

Несомненно, Купера с молодых лет интересовали судьбы людей, которые в силу своих родственных связей, образования или убеждений выступали против борьбы за независимость или же просто хотели остаться вне борьбы, переждать тяжелые времена. Во многих случаях интересы отцов и детей не совпадали, это придавало еще большую остроту и без того трагическим событиям.

Эта острота и нашла свое отражение на страницах его нового романа. Во времена Купера раны, нанесенные многим семьям в период войны за независимость, еще не совсем зарубцевались, и, конечно, читатели с интересом восприняли описанную в романе историю семейства Уиллоби. «Те, кто читал роман, дают ему хорошую оценку, – сообщал писатель жене в сентябре 1843 года. – Один или пара хороших судей оценивают его весьма высоко».

В январе 1844 года он же писал жене из Нью-Йорка: «К моему удивлению, «Виандотте» расходится даже лучше, чем «Нед Майерз», а ведь и он идет очень хорошо».

Э. По не случайно выделил образ Виандотте среди других

изображенных Купером индейцев. Пожалуй, ни на одном из куперовских индейцев так глубоко не показана судьба этого народа, как на Виандотте. Когда-то он был вождем племени магуа. Попав в плен и испытав батогов Уиллоби, он подчинился обстоятельствам. Раньше он твердо следовал правилу индейцев: помогай другу и наказывай врага. Теперь все перемешалось. Капитан Уиллоби – явный враг, но его жена – настоящий друг, ведь она спасла его от смерти. Это моральная дилемма не под силу индейскому вождю, он постепенно утрачивает свою воинственность, все чаще прикладывается к вину и превращается в услужливого Дерзкого Ника, в котором собраны воедино все лучшие и худшие черты полуцивилизованного индейца.

Он сам в глубине души отчетливо осознает различие между полупьяным бездельником Дерзким Ником и трезвым гордым индейским вождем Виандотте. Его скрытая враждебность к Уиллоби прорывается, когда капитан снова грозит высечь его. И теперь уже ничто не может остановить руку мстителя – ни его благодарность за спасение жизни, ни сочувствие к приемной дочери капитана Мод, ни уважение к младшему Уиллоби. Дерзкий Ник может жить опозоренным и служить своему врагу, по гордый вождь Виандотте обязан смыть свой позор, чего бы ему это ни стоило. Он лишь делает доброе дело, спасая Мод от смерти во время захвата дома Уиллоби индейцами.

Противоречие, заложенное писателем в образе Виандотте, отражало противоречивую судьбу индейских племен, теряющих свои территории и свои привилегии, отступающих все дальше на запад, вынужденных служить своим угнетателям, деградирующим, но все еще способным время от времени громко заявить о своих правах. Купер хорошо знал историю вождя оттавов Понтиака, который в 1763 году захватил ряд английских крепостей и осадил Детройт. Измена нескольких племен заставила его отступить, и он был впоследствии убит своими же сподвижниками.

Известна ему была и судьба индейского вождя Текумсе (Летящая Стрела), который намеревался создать на территории Америки индейское государство. Ему удалось провести два конгресса всех индейских племен американского востока (в 1807 и 1811 годах). Идея создания «индейской унии» стала принимать реальные черты. Генерал Гаррисон обвинил Текумсе в создании «унии индейских племен». На это Текумсе ответил, что ведь индейцы не протестовали, когда белые создавали свою унию – США. Когда в 1812 году началась война между Англией и США, Текумсе встал на сторону англичан, они присвоили ему звание бригадного генерала. Текумсе погиб в октябре 1813 года в битве

на реке Онтарио. Рассказывают, что свой последний бой он принял не в форме английского генерала, а в одежде индейского вождя.

Все эти противоречия судьбы индейцев и нашли свое отражение в судьбе Виандотте, человека храброго и гордого, поставленного жизнью в тяжелые обстоятельства.

Купер всегда с ностальгией вспоминал свою службу в юности на корабле «Стирлинг». И вот теперь он решает написать роман о приключениях потерявшего родителей состоятельного молодого человека на море на рубеже двух столетий. Новый роман получает название «На суше и на море, или Приключения Майлса Уоллингфорда» и выходит в свет в двух томах в июне и декабре 1844 года. В сентябре он издается в трех томах в Англии. Купер иа этот раз сам выступает издателем своего романа, так как рассчитывал, что это позволит ему получить дополнительный доход.

Повествование в романе ведется от первого лица – Майлса Уоллингфорда, чьим именем и назван роман. Майлс родился на берегу реки Гудзон, отец его – бывший морской капитан – считался одним из самых зажиточных жителей своего района. Он погиб от несчастного случая в 1794 году, а через три года умерла и его жена. Майлс с сестрой остался на попечении опекуна священника Хардинга, у которого также было двое детей – сын и дочь – сверстников Майлса и его сестры. Старший Уоллингфорд хотел сделать из своего сына адвоката, но Майлса больше привлекало море, и в один прекрасный день он вместе с сыном опекуна решает бежать из дому в Нью-Йорк и там поступить на службу на торговый корабль. С помощью его слуги негра Неба он и его друг осуществляют свой замысел и отправляются матросами на корабле в Китай.

После множества приключений, во время которых их корабль терпит крушение, а они чудом спасаются, они наконец-то возвращаются благополучно домой. Друг Майлса остается дома, а он снова поступает на торговый корабль – на этот раз уже в качестве офицера – и вновь отправляется в путешествие. И снова Купер рассказывает читателям необычайные приключения Майлса. Чего только не выпадало на его долю: и спасение молодой английской леди, которая чуть было не свалилась в своей карете в канал в Лондоне, и плен у туземцев, и плен у французских моряков, и жестокие схватки с врагами, и снова неожиданная встреча в океане с той самой англичанкой, которую он вместе с другом спас в Лондоне.

Из этого путешествия Майлс возвратился уже капитаном корабля. После непродолжительного пребывания дома он снова

направляется в Китай, на этот раз капитаном – владельцем своего собственного корабля. Его ожидают новые приключения, неизменно оканчивающиеся благополучно. По возвращении на родину Майлс женится на давно влюбленной в него дочери своего опекуна, получившей к этому времени богатое наследство.

«Приключения Майлса Уоллингфорда» – романтическая история, насыщенная действием и необычайными приключениями героев. Купер, вынужденный вести жизнь на суше, дал волю своему воображению и нарисовал приключения, которые, если рассматривать каждое в отдельности, действительно выпадали на долю американских торговых моряков. Но, собранные вместе, обрушившиеся на голову Майлса Уоллингфорда в течение всего лишь нескольких лет его юности, они не могли не казаться несколько неправдоподобными.

И хотя в романе есть и несчастная любовь, и изменчивость чувств, и погоня за богатством и знатностью (конечно же, со стороны англичан), главное в нем – морская стихия, ее притягательность и жестокость, ее непредсказуемость и капризность. Купер и здесь остается романтиком моря, его певцом и глашатаем. Можно представить себе, как наслаждался он, описывая эти необычайные морские схватки и приключения, как он видел себя на капитанском мостике, как он мысленно бросался в гущу событий и как он отводил душу, хотя бы описывая те приключения, в которых он мог бы участвовать, если бы жизнь не распорядилась иначе.

Глава 16
ОБОРОТНАЯ СТОРОНА РОМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ

В 1839 году умер Стивен Ван Ренсселер – один из богатых землевладельцев штата Нью-Йорк. Казалось бы, что печальное событие это касалось только его двух сыновей – наследников да ближайших родственников. Но в силу целого ряда обстоятельств смерть эта послужила толчком к событиям, которые приняли со временем общенациональный характер и нашли свое отражение в истории социальных движений Соединенных Штатов Америки.

Как и некоторые другие старые крупные землевладельцы, Ван Ренсселеры получили свои земли в качестве дара от английских колониальных властей. Американская революция 1776 года подтвердила право этих землевладельцев на принадлежащие им угодья, конфисковав их только у противников революции. Старые землевладельцы, как правило, землю не продавали, а сдавали ее в аренду. Сроки аренды колебались, но были достаточно продолжительными, чтобы дать возможность арендаторам освоить свой участок. Ван Ренсселеры сдавали земли в аренду навечно арендатору и последующим поколениям его наследников. Первые семь лет арендатор освобождался от уплаты аренды, а затем платил ежегодно от 10 до 14 бушелей пшеницы, 4 жирных курицы и один день в году отрабатывал па хозяина с парой своих лошадей. Арендатор имел право продать свой участок, но в этом случае он отдавал хозяину четверть полученной цены. Когда первые поселенцы заключали договора на аренду земли, стояли высокие цены на зерно. Расчищенная из-под леса земля давала высокие урожаи. Но с годами положение менялось; земля истощалась, и урожаи падали. Постройка канала Эри облегчила доступ на рынок зерна из западных районов, где вновь осваиваемые земли давали богатый урожай. Арендаторы в восточных штатах постепенно влезали в долги.

Ван Ренсселер владел более чем тремя четвертями миллионов акров земли, его угодья раскинулись па 24 мили вдоль Гудзона и на такое же расстояние по обоим берегам реки. Владеть таким огромным поместьем было дело далеко не простое. Купер прекрасно понимал это и в связи с кончиной Стивена Ван Ренсселера отмечал в частном письме: «Никто в этой стране не в состоянии сохранить такое поместье, как принадлежащее Ренсселерам, если он не может постоянно

расточать милости».

На день смерти хозяина арендаторы задолжали ему более 400 тысяч долларов. Стивен Ван Ренсселер при жизни не торопил арендаторов с уплатой недоимок и поэтому считался «хорошим патроном». Арендаторы надеялись, что в своем завещании он простит им все прошлые долги.

Но оказалось, что по завещанию все недоимки должны быть взысканными и составить часть наследства его двоих сыновей, которые потребовали скорейшего возмещения долгов. Арендаторы отказались платить. Когда в селения прибыли шерифы для взыскания долгов, их силой изгнали из поселков. Порядок был восстановлен только после того, как губернатор штата Сьюард направил в непокорный район отряды штатной милиции. Органы власти штата создали комиссию для улаживания разногласий между арендаторами и новыми владельцами земли. Но переговоры ни к чему не привели. Ван Ренсселеры не собирались продавать свои земли в рассрочку, арендаторы отказывались платить земельную ренту. Губернатор штата, хотя и послал милицию для наведения порядка, сам считал систему аренды деспотической, антиреспубликанской и унизительной.

Общее падение цен на зерно, плохие урожаи ухудшили положение арендаторов и в других районах. Началось общее движение за отмену земельной ренты, создавались организации борцов против ренты, отряды фермеров вооружались, переодевались индейцами и нападали на сборщиков ренты и владельцев земли. Повсюду проводились митинги протеста под лозунгом «Долой ренту!».

Отец писателя, как мы знаем, принадлежал к новым владельцам земли, и свои земли он не сдавал в аренду, а распродал мелкими участками, так что его наследники лично не были втянуты во вспыхнувшие события. Но Купер всегда придерживался той точки зрения, что старая земельная аристократка выше новоявленной буржуазии и основанное на системе лендлордизма общественное устройство справедливее так называемой американской демократии большинства.

Внимательно наблюдая за разворачивающимся движением против земельной ренты, Купер решает создать трилогию, в которой он хотел доказать социальное превосходство системы лендлордизма над тем, что впоследствии было названо «американским путем развития капитализма в сельском хозяйстве». По замыслу писателя, серия романов должна была явиться хроникой нравов провинциальной Америки за столетие – с середины XVIII века до середины XIX века, то есть писатель

хотел довести повествование до своего времени.

«Семейство Литтлпейджей» составит три полнокровных романа, – сообщал Купер в письме Р. Бентли в январе 1845 года. – Каждый будет иметь своих собственных основных героев, свою любовную историю и т. д., но в основном они будут связаны друг с другом. Я бы разделил их тематически на «Колонию», «Революцию» и «Республику». Через все романы пройдет история одной семьи, действие их разворачивается в тех же районах, и одни и те же идеи отразятся во всех трех различных книгах, конечно, с поправками на изменения, вызванные течением времени».

Первый роман трилогии, названный Купером «Сатанстоу» («Чертов палец») по названию поместья главных героев, вышел в свет в 1845 году. Действие романа происходит в 1757–1758 годах в хорошо знакомых Куперу местах штата Нью-Йорк: селениях, расположенных вблизи от Нью-Йорка и на новых землях, только осваиваемых переселенцами к северу от селения Олбани. Рассказ ведется от имени главного действующего лица, молодого человека из весьма состоятельной семьи Корнелиуса Литтлпейджа.

На русском языке «Сатанстоу», как и другие романы трилогии, не издавался уже более 60 лет и давно стал библиографической редкостью. Поэтому позволим себе более подробно остановиться на его содержании.

Корнелиус Литтлпейдж, или Корни, как его называют родители и друзья, родился в мае 1737 года на большой ферме своего деда капитана Гуго Литтлпейджа, занимающей 463 акра прекрасной плодородной земли. Отец его, майор Ивенс Литтлпейдж, и мать – зажиточные колонисты. Их каменный дом, хозяйственные постройки были сложены из добротных камней, а ограда фермы могла бы с честью служить стенами крепости или форта. До 14 лет Корни жил дома и обучался у местного пастора, затем встал вопрос о том, где продолжить его образование. Посылать Корни в Англию, как посылали своих детей состоятельные колонисты английского происхождения, родители не хотели.

Выбор встал между Кембриджским, Иельским и Нассау-Холлским колледжами. Друг семьи голландец Ван Валькенбург сразу же отверг два первых колледжа: «Там слишком много религиозных праздников и попов, они совершенно испортят мальчугана. Вы отправите туда честного мальчика, а вернется оттуда шалопай, который только и будет, что молиться да обманывать… В Иеле тоже все болтуны и краснобаи, целый день говорят и ничего путного не делают. На что порядочным и

честным людям сплошное богомольство? Действительно, хорошему человеку такое ханжество может только повредить».

Купер, который на собственном опыте знал настоящую цену американским колледжам того времени с их книжно-схоластической системой образования, с чрезмерным упором на религиозные догмы, устами старого голландца дает нелицеприятную характеристику этим учебным заведениям. Но выбора практически не было, и Корни отправляют на четыре года в Нассау-Холлский колледж, расположенный в селении Нью-Арк на западном берегу реки Гудзон. Это последнее обстоятельство весьма беспокоило мать Корни, так как при посещении дома сыну обязательно приходилось перебираться через реку на лодке у переправы Добсферри.

Четыре года в колледже пролетели быстро, и молодой человек снова в родном поместье. Тем временем отец Корни вместе с приятелем приобрел у индейцев к северу от Олбани 40 тысяч акров превосходной земли. Список предметов, пошедших в уплату за эти владения, заслуживает того, чтобы привести его полностью: «Пятьдесят одеял с желтыми каймами; десять чугунных котлов вместимостью по четыре галлона каждый, сорок фунтов пороха; семь ружей английских; двенадцать фунтов бус; пять галлонов ямайского рома высшего качества; двадцать музыкальных рожков; три дюжины томагавков английского производства высшего качества». Общая стоимость этих вещей составляла 242 доллара.

Так Купер показывает, как составлялись крупные земельные угодья, как за бесценок приобреталось у индейцев право на владение огромными участками земли. Правда, новые владельцы пока что эти земли в глаза не видывали, они имели лишь весьма приблизительные планы приобретенных участков. Чтобы вступить в законное владение ими, требовалось вместе с землемерами отыскать эти участки, точно определить их границы, составить новые точные планы, и только после этого можно было бы приступать к заселению и обработке новых земель. Дело это не простое. Рассказывали об одном фермере, который приобрел в тех же краях участок земли в десять тысяч акров и вот уже пять лет не мог отыскать свой участок. К тому же в этих краях в районе озера Георга шли схватки между английскими и французскими войсками, в которых и с той и с другой стороны принимали участие различные индейские племена.

Наконец было решено, что на рекогносцировку новых земель отправится Корни. Сначала он по санному пути вместе с обозом продовольствия доберется до Олбани, там он должен будет продовольствие и лошадей продать поставщикам для армии, а

сам вместе с землемерами заняться определением границ приобретенных земель. А пока Корни ездил к тетке в Нью-Йорк, вместе с приятелем навещал его родственников, где познакомился с прелестной молоденькой девушкой Аннеке. Купер описывает незамысловатые нью-йоркские развлечения той поры: посещение зоопарка; негритянский праздник окончания сбора урожая; любительский спектакль, который давали английские офицеры для местной знати; обеды у родственников и знакомых.

На фоне реалистических описаний жизни и быта колонистов писатель показывает, как зарождается любовь Корни к Аннеке, как развиваются их отношения, соперничество за ее сердце с английским баронетом майором Бельстродом. Корни вызывает симпатию читателей своей неиспорченностью, честностью и даже своим провинциализмом. Писатель явно старается изобразить этого дальнего предка современных ему землевладельцев в лучших красках, показать его чистосердечность, непредвзятость, прямоту, простодушие и добросердечность. В сложных ситуациях он проявляет быструю реакцию, смелость и хладнокровие.

1 марта 1758 года Корни на санях выехал в Олбани, обоз с солониной, свининой и другим продовольствием в сопровождении нескольких негров отбыл несколькими днями раньше. Вместе с Корни в Олбани отправляется и местный учитель, янки из Коннектикута Джейсон Ньюкем, лицемер и подхалим, преклоняющийся перед властью денег, жаждущий разбогатеть любыми путями.

Писатель подробно рассказывает о времяпрепровождении своего героя в Олбани: катании на санях с гор; участии в не таких уж невинных шалостях местных богатых бездельников; ухаживаний за Аннеке, которая вместе с отцом также направляется через Олбани на загородную семейную ферму, недавно построенную на новых землях. Описания эти не лишены романтического флера и показывают некоторые черты жизни только лишь богатых колонистов.

Весной вместе с Аннеке и ее отцом, а также с группой землемеров Корни отправляется в дальнейший путь. Сначала он останавливается на ферме Германа Мордаунта, отца Аннеке. Здесь уже жило семей десять-двенадцагь новых поселенцев. Мордаунт и приехал сюда, собственно, для того, чтобы подбодрить их и удержать на место. Близость к театру военных действий, развернувшихся между английскими и французскими войсками, заставляла многих колонистов покидать эти плохо обжитые места и искать защиты в больших селениях. Расчищенные с таким трудом земли снова зарастали, и надо было

все начинать сначала.

Конечно, приезд Мордаунта в «Воронье гнездо» – так называлась его ферма – был продиктован прежде всего стремлением предотвратить запустение уже расчищенных земель и тем самым сберечь средства, вложенные в эти земли. Но Купер показывает этот поступок крупного землевладельца как факт его заботы о поселенцах, свидетельство его добропорядочности и честности.

Отдохнув в «Вороньем гнезде», Корни вместе с двумя приятелями, группой землемеров, неграми-слугами и двумя индейцами-провожатыми отправляется на поиски приобретенных отцом земель. Один из индейцев пройдет через всю трилогию и в каждом из романов сыграет немалую роль, заботясь о благополучии своих хозяев. Его настоящее имя было Сускезус, или Крючковатый, но все звали его Бесследным – прозвищем, данным ему за то, что, где бы он ни проходил, он нигде не оставлял за собой ни малейшего следа. С помощью Сускезуса новые земли Литтлпейджей были найдены, и землемеры начали составлять их точный план. А Корни с приятелями, Сускезусом и парой негров-слуг примкнул в качестве волонтера к наступающей английской армии.

Купер рассказывает о поражении армии англичан под командой Аберкромби в кампании 1758 года, о том, как Корни, Германа Мордаунту и всем остальным из их группы пришлось выдержать настоящую войну против большого отряда индейцев, как погибли в этой войне землемеры и друг Корни беззаботный весельчак и шалопай голландец Гурт Тен-Эйк и как все это приключение благополучно завершилось для Корни женитьбой на Аннеке Мордаунт.

В «Сатанстоу» проявились сильные черты Купера-романиста: умение создать увлекательный сюжет, дать реалистические описания жизни и быта персонажей и, наконец, изобразить реальных героев, людей, живущих полнокровной жизнью, непохожих друг на друга, вызывающих симпатии или антипатии читателей. Не случайно известная французская писательница Жорж Санд считала «Сатанстоу» одним из лучших творений писателя. Он неплохо расходился и в Америке. «Сатанстоу» охотно читают, – писал жене Купер 3 октября 1845 года. – Это издание в 3600 экз. практически распродано, и издатель У. Берджесс ведет переговоры о новом издании».

Проблема наследования земельных угодий и земельной ренты отражена в этом романе еще слабо. Читатель узнает о ней из беседы Германа Мордаунта с Корни. Отец Аннеке объясняет, что расходы и трудности, связанные с поселением на его землях

новых колонистов, настолько велики, что в лучшем случае они окупятся только при выплате ренты будущими поколениями арендаторов будущим поколениям владельцев земли. Корни наивно считает, что будущие поколения поселенцев будут с благодарностью вспоминать тех, кто помог их предкам освоить эти земли. Тем самым Купер как бы обвиняет тех, кто борется против земельной ренты, в черной неблагодарности людям, которые обеспечили существование нескольких поколений их предшественников.

В то же время Купер показывает, как уже в те далекие времена зарождались семена антирентского движения будущего. Джейсон Ньюкем весьма выгодно арендует у Германа Мордаунта участок земли, на котором он хочет построить мельницу. Но вот на какое-то время все земли Мордаунта оказываются захваченными индейцами. II Джейсон Ньюкем вместе с хозяином, Корни и всеми поселенцами вынужден отсиживаться за прочными стенами фермы Мордаунта. И первое о чем он думает – что война может повлечь за собой некоторые изменения в правах владения участками. Ход его мысли прост: «…Разве гуроны не завладели в данный момент всей землей, кроме здания самой фермы? Надеюсь, против этого спорить нельзя. Если же мы прогоним индейцев и вновь овладеем землей и нашими участками, то это уже будет, так сказать, вновь отвоеванная земля, а завоевание дает право завоевателю на завоеванную территорию: так сказано в законах».

И даже неискушенному в земельных законах Корни ясно, к чему клонит Джейсон: к тому, чтобы утвердить свои собственные права на тот участок, который он только вчера арендовал у Мордаунта. Удалось ли ему осуществить свой замысел, читателю романа остается неизвестным. Но совершенно ясно, что сама идея об отказе от уплаты земельной ренты крепко засела в голове Джейсона, и он постарается внушить ее своим потомкам.

«Сатанстоу» по своему содержанию и по своему характеру – роман приключенческий. Описывая тот же период, что и роман «Последний из могикан», Купер в новом романе показывает читателям оборотную сторону романтической картины жизни в Америке. Он, выступая в роли бытописателя американских нравов, воссоздает правдивую картину того, как создавались огромные земельные латифундии, во имя чего шла жестокая война с индейцами, как уже у самих истоков становления американского общества зарождались зерна непримиримых противоречий, которым суждено будет впоследствии потрясти основы буржуазной демократии.

Купер писал свою трилогию, как убежденный защитник прав

крупных землевладельцев. И, конечно, он пытается показать их в лучшем свете. В «Сатанстоу» ему это удается. Читатель невольно симпатизирует Корни. В немалой степени этому способствует то обстоятельство, что Корни в соревновании за сердце и руку Аннеке выступает соперником богатого английского аристократа майора Бельстрода. Читатель сочувствует не будущему землевладельцу, а простенькому американскому провинциалу, не побоявшемуся бросить вызов английскому баронету и сумевшему победить его. Американский литературовед Дональд Риндж отмечал в этой связи, что обаятельность Литтлпейджей убывает по мере того, как читатель переходит от первой части трилогии ко второй, а от второй – к третьей.

Вторая часть трилогии, получившая название «Землемер», вышла в свет в том же 1845 году. За этот небольшой период ситуация вокруг проблемы земельной ренты еще более обострилась. Фермеры усилили сопротивление шерифам, собиравшим недоимки. Владельцы земель, в свою очередь, вытаптывали посевы фермеров, угрожали их женам и детям. В августе 1845 года в округе Делавер произошло столкновение трех шерифов с двумя сотнями арендаторов, переодетых индейцами. Один из фермеров должен был землевладельцу двухгодичную ренту – 64 доллара. Он намеревался заплатить ее, но его приемная дочь, ярая антиренгистка, воспротивилась. Шерифы приехали, чтобы продавать с молотка его скот. Толпа наряженных краснокожими индейцами арендаторов не пропускала конных шерифов к загону для скота. Они выстрелили вверх, и тогда арендаторы открыли по ним огонь. Один из шерифов – Осман Стил – был убит наповал.

Бессмысленное убийство шерифа взбудоражило весь штат Нью-Йорк. Возмущены были не только землевладельцы, но и большинство фермеров, не желающих кровопролития. Многие после этого перестали участвовать и выступлениях переодетых краснокожих, но политическая агитация против земельной ренты продолжалась.

Действие романа «Землемер» начинается в годы, последующие за американской революцией. Сын Корни Мордаунт Литтлпейдж уже с 14 лет участвует в войне. Военный опыт ожесточает его, он рано становится взрослым. Годы учебы в колледже не вносят ничего нового в становление его характера. Он признает только одного бога – право собственности. Он отдает себе отчет в том, что его патриотизм целиком основывается на праве на владоние землями Литтлпейджей, он ненавидит все, что ставит под угрозу это его право. Ему не по душе, что новые поселенцы-янки переименовали его имение «Чертов палец» в

более благозвучное Дибблтон. Он видит в этом акте лишь привередливость и жеманство, проявление той мнимой свободы, которая открывает дорогу «злобе, зависти, жадности, хитрости и другим низменным проявлениям человеческой натуры».

Подобно своему отцу, Мордаунт совершает путешествие в Олбани и на унаследованные от родителей земли вокруг «Вороньего гнезда». Еще на корабле он вступает в переговоры с возможными поселенцами, предлагая им на выбор или покупку участков, или аренду их. Все имущество переселенцев находится в их заплечных мешках, и ни у кого нет достаточно денег, чтобы сделать первый взнос, необходимый при покупке земли. Они предпочитают брать участки в аренду. Фактически у них нет другого выбора. Тем самым они обрекают своих потомков на постоянную выплату ренты, даже не задумываясь над последствиями своих действий.

Мордаунт достаточно богат, чтобы проявлять известную щедрость по отношению к своим арендаторам: он возобновляет аренду на льготных условиях; вкладывает деньги в строительство дорог, делает крупный взнос на строительство церкви. На первый взгляд кажется, что арендаторы довольны своим хозяином. Но их истинные мысли и чувства объясняет жена владельца местной таверны: арендаторы считают, что их хозяин должен был бы воевать на стороне английской короны, как делали его предки. В этом случае после победы революции они имели бы право конфисковать его земли в свою пользу. «Это ведь прекрасно для арендатора – получить себе ферму безо всякой оплаты, как вы сами понимаете!»

Все еще жив наш старый знакомый Джейсон Ньюкем. Он построил мельницу на арендованном участке и неплохо живет. Но вот беда: срок его аренды подходит к концу, и он не уверен, захочет ли молодой хозяин продлевать его. Мордаунт продляет аренду, но без экивоков объясняет Джейсону, что делает это он в силу своей щедрости, а отнюдь не потому, что Джейсон имеет на это право.

Столкновение противоположных точек зрения на право владения землей происходит при не совсем обычных обстоятельствах. Волею случая Мордаунт Литтлпейдж и землемер Эндрю Коджеманс становятся пленниками скваттера Аарона Тысячеакра и его сыновей. Тысячеакр с оружием в руках воевал за свободу колоний, которую он не отделяет от своей личной свободы, от своего права владеть землей, на которой он трудится и которая дарована ему господом богом. Закрепленное еще королевской бумагой право Литтлпейджа на эти земли для него ничего пе значит. Он рубит лес и сплавляет древесину на этой

земле и признает только право оружия и топора. Землемер с его инструментом, обмеривающий земли хозяина, олицетворяет для него всю несправедливость этого мира. Его философия землевладения выражается в короткой фразе: «Человек имеет право на все, что он заработал своим потом».

Тысячеакр борется за право владения расчищенным и обработанным им участком земли, за право пользования плодами трудов своих. Факт своего владения землей он ставит выше «бумажного права», закрепленного еще при власти английского короля, против которого он сражался с оружием в руках. Так в романе Купера впервые в американской литературе поднимается проблема противоречия между трудом и капиталом. Это противоречие непримиримо. Гибнет от руки сына Тысячеакра олицетворяющий «королевское право» землемер, но и сам старый скваттер погибает от руки индейца Сускезуса. Сыновья Тысячеакра вынуждены бежать от правосудия в глубь лесов. Обстановка разряжается этой двойной смертью, но конфликт не разрешен. И читателю остается ждать выхода третьего тома трилогии, чтобы узнать, как же дальше развивались события на землях Литтлпейджей.

Тем временем Купера беспокоила судьба «Землемера». Он знал, что к концу ноября 1845 года было распродано около 2500 экземпляров романа. Однако пресса молчала. «О «Землемере» ничего не слышно. Газеты, как обычно, словно воды в рот набрали. Но я знаю, что расходится он весьма хорошо. Газеты не могут стереть меня в порошок, хотя они наносят мне серьезный ущерб. Вот уж сборище бесчестных злодеев».

Пока Купер завершал трилогию, события развивались своим чередом. Участники насильственных выступлений антирентистов были жестоко наказаны. Однако представители обеих политических партий в штатном законодательном собрании ратовали за принятие законов, ограничивающих права крупных землевладельцев. В 1846 году они были лишены права самостоятельно решать вопрос о продаже имущества должника с молотка. Теперь такая продажа могла состояться только по решению судьи. Затем доходы от долгосрочных контрактов на аренду земли были обложены подоходным налогом.

На рассмотрение штатного законодательного собрания было внесено предложение о том, чтобы в случае смерти землевладельца арендаторы могли выкупить свои участки по заранее установленной цене. Это предложение встревожило Купера. Он полагал, что оно толкает арендаторов на убийство своего хозяина с тем, чтобы выкупить участки по заранее условленной низкой цене. Однако это предложение не было

принято. Штатное законодательное собрание решило ограничить срок новых контрактов на аренду земли 12 годами. Хотя закон этот принимался в интересах арендаторов, на практике он действовал против них, так как оставалось в силе положение, по которому все улучшения, произведенные поселенцем на арендуемой земле, в случае окончания срока контракта бесплатно становились собственностью владельца земли.

Такова была сложная обстановка вокруг проблемы земельной ренты в штате Нью-Йорк, когда в 1846 году вышел в свет завершающий роман трилогии Купера, названный им «Краснокожие, или Индейцы и инджины». Действие нового романа происходило в середине 40-х годов прошлого века, то есть как раз в те годы, когда он был написан и опубликован. Повествование на этот раз велось от имени Хеджеса Роджера Литтлпейджа, или просто Хью, внука Мордаунта Литтлпейджа, история которого рассказана в «Землемере». Рано потеряв отца, Хью стал наследником огромного поместья «Воронье гнездо». Вместе со своим дядей Ро он пять лет путешествовал по странам Востока. Дядя Ро вообще не менее 20 лет провел за пределами родной Америки. И вот теперь, после длительного парусного путешествия, дядя намеревался снова вернуться в Америку. Подстегивали и тревожные сведения о волнениях арендаторов на землях Ван Ренсселера и Ливингстонов и о том, что среди арендаторов «Вороньего гнезда» также появились сторонники антирентистов.

Чтобы беспрепятственно и подробно изучить создавшееся в их владениях положение, дядя и племянник решают отправиться в путешествие инкогнито. Из Гавра в Нью-Йорк они плывут на пароходе под именами Дэвидсона – старшего и младшего из штата Мэриленд. А в Нью-Йорке при помощи их друга и поверенного Джека Деннинга они гримируются, надевают парики и прибывают в свои родные места под видом немцев – торговца дешевыми часами и безделушками и музыканта.

Какое-то время дяде и племяннику удается дурачить и родных и арендаторов. Первым их узнает старый индеец Сускезус. Ему уже далеко за сто лет, но он сохраняет ясность мысли и бодрость духа и вместе со своим старым приятелем негром Джепом живет в хижине неподалеку ог хозяйского дома. Поначалу истинное лицо приезжих знают лишь ближайшие родственники, но, столкнувшись как-то с антирентистами, дядя и племянник вынуждены раскрыть свое инкогнито.

Это лишь подливает масла в огонь. Напуганные тем, что, узнав некоторые тайны антирентистов, Литтлпейджи предпримут какие-то меры, два самых ярых противника ренты – Сенека

Ньюкем, внук мельника Джейсона, и батрак Джошуа Байем пытаются ночью поджечь хозяйский дом. Заранее предупрежденный о готовящемся поджоге, Хью с помощью неожиданных помощников-индейцев, прибывших к вождю своего племени Сускезусу, предотвращает пожар и захватывает поджигателей. Попытка толпы арендаторов освободить узников ни к чему не приводит, так как в имение прибыл поверенный хозяев вместе с шерифом и полицией. Однако в суматохе поджигателям удается бежать. Заканчивается роман женитьбой Хью на дочери местного священника Мэри Уаррен и их отъездом в столицу страны Вашингтон, где Хью намерен прояснить ситуацию с перешедшими ему по наследству контрактами. Если же он не найдет своей правды в Вашингтоне, то он намеревается отправиться во Флоренцию «беглецом от республиканской тирании».

Трилогия Купера написана по следам вспыхнувших событий. Поэтому в ней весьма сильны реалистические элементы. Писатель стремился достоверно передать смысл происходящих событий так, как он их понимал. В антирентистском движении он видел угрозу стабильности страны, так как считал, что основой общественного порядка может быть только система крупного землевладения, при которой арендатор оставался верным слугой лендлорда. В силу таких взглядов Купер всячески стремится приукрасить образы владельцев земли. Но здесь его реализм восстает против своего творца, и читатель видит, как мельчает род Литтлпейджей, как их стремления приходят в противоречие с желаниями большинства граждан. Будучи пристрастным наблюдателем антирентистских выступлений, Купер тем не менее, как подлинный бытописатель, не мог не отразить размах этого движения, не мог не показать непримиримость противоречий, зреющих в американском обществе. Он реалистично описывает жизнь аграрной Америки, привольное житье-бытье землевладельцев, тяжкий труд арендаторов, вскрывает истоки борьбы за право владения землей. Семейная хроника рода Литтлпейджей, помимо воли ее автора, перерастает в общественно-социальный документ о судьбах землепользования, о тех условиях, которые приготовили переход права на владение землей от старых землевладельцев-аристократов к спекулянтам землей и затем к повой нарождающейся буржуазии. В трилогии Купер – социальный бытописатель, Купер-художник вступает в спор с Купером – выразителем интересов крупной земельной аристократии и побеждает последнего. Нарисованная в трилогии широкая панорама американской жизни дает ясное представление о тех

социальных, экономических и политических факторах, которые, возникнув в одном районе на базе специфических местных условий, приобретали общегосударственное звучание.

Известный исследователь основных течений американской общественной мысли В.Л. Паррингтон так оценил значение трилогии Купера для его творчества и для истории американской литературы: «Во время бурных 40-х годов, когда аграрные беспорядки в штате Нью-Йорк поставили под угрозу старое помещичье землевладение, враждебность Купера духу уравнительства достигла своего апогея. Именно в это время, выступая в защиту старых порядков, он пишет свою «трилогию в защиту земельной ренты», которую следует всегда рассматривать в неразрывной связи с циклом романов о Кожаном Чулке. Эти два цикла, взятые вместе, но без морских романов Купера, дают наиболее полное представление о писателе; взятые в отдельности, они создают лишь неполную и одностороннюю картину его творчества. В первый цикл входят социальные романы, во второй – эпические произведения романтического плана. В первых раскрываются перемены, которые прошедшие годы принесли определенному району страны. В романах же о Кожаном Чулке писатель отступает на Запад, куда все дальше и дальше перемещалась «граница». Романы в защиту земельной ренты показывают оборотную сторону романтической картины, нарисованной в романах о Кожаном Чулке».

Эти два таких различных по замыслу и непохожих цикла роднят образы индейцев, нарисованных в обоих циклах с большой симпатией и подлинным мастерством. Образ Великого Змея – Чингачгука хорошо знаком нашим читателям, чего, к сожалению, нельзя сказать о Бесследном – Сускезусе, вожде из племени онодаго, который играет заметную роль во всех романах трилогии. Именно в образе Сускезуса проявляются романтические элементы таланта Купера в этот период.

История жизни Сускезуса романтична и не совсем обычна. Его все время окружает тайна, которая раскрывается им самим лишь в конце трилогии. В 50-е годы XVIII столетия, то есть во времена Корни Литтлпейджа, Сускезус был молодым, но весьма уважаемым вождем племени онодаго. К 30 годам «ни один из вождей его племени не имел ни того почета, ни того уважения, ни той власти в своем народе, как он. Сускезус был первым из первых среди онодаго, и слава о нем гремела по всем лесам и по всем соседним племенам».

Сускезус был холостой, и пришло время избрать ему достойную жену. В это время один из воинов его племени, по имени Водяная Курочка, привел захваченную им в плен молодую

девушку из племени делаверов по имени Уит-Уис. Здесь надо сказать, что по законам индейцев каждый пленный принадлежит «беспредельно и неотъемлемо» тому, кто его пленил. Уит-Уис была безоговорочной собственностью Водяной Курочки, и он намеревался ввести ее в свой вигвам, а пока она жила среди девушек племени. Сускезус увидел Уит-Уис, и она увидела молодого вождя. «И глаза их не могли оторваться друг от друга, и в большой толпе они искали друг друга, и в тишине ночей думали только друг о друге. Он был в ее глазах самым красивым оленем дремучих лесов, а она в его глазах была прелестнейшей ланью. Он страстно желал ввести ее в свой вигвам, она же всем сердцем желала войти туда».

Но закон есть закон, он так же обязателен для главнейшего вождя племени, как и для простого воина. По этому закону Уит-Уис принадлежала Водяной Курочке. Был созван большой совет, и большинство высказалось в пользу Сускезуса. Молодые женщины привели Уит-Уис к вигваму Сускезуса и предложили ей войти внутрь. Но дорогу ей преградил Водяная Курочка. Он стоял один, ибо друзей у него почти не было, а сотни воинов, поддерживавшие Сускезуса, стояли вокруг и молча наблюдали за происходящим. Достаточно было одного жеста Сускезуса, чтобы Уит-Уис оттолкнула Водяную Курочку и вошла в вигвам вождя. Сердце Сускезуса разрывалось от боли, но он сдерживал свои чувства. Он предложил сопернику любой выкуп за юную делаверку – лучшее свое ружье и порох, шкуры и головные уборы и даже свой вигвам. Но Водяная Курочка на все отвечал: «Нет! Возьми мой скальп, ты силен, и ты можешь это сделать, но не отнимай у меня моей пленницы!»

Тогда Сускезус вышел на середину и обратился ко всем: «Водяная Курочка прав: делаверка по закону принадлежит ему, а то, что говорит закон краснокожего человека, краснокожий человек обязан исполнять… Возьми ее, Водяная Курочка, она твоя! Но береги ее: она нежна в беззащитна, как ласточка, только что покинувшая свое гнездо. А мне надо уйти на время в леса. Когда мой дух вновь успокоится и сердце мое вновь обретет мир, Сускезус вернется к вам».

Так вождь племени онодаго превратился в проводника разыскивающего свои новые земли Корни Литтлпейджа. Сускезус служил Корни верой и правдой, не один раз спасал его в опасных ситуациях, выручал из трудных положений. Менялись хозяева «Вороньего гнезда», а Сускезус всегда был под рукой, готовый в нужный момент прийти на выручку. Вот и в конце трилогии на помощь Хью приходит уже не сам 120-летний Сускезус, а воины его племени, совершившие долгий переход из прерий в

Вашингтон для встречи с президентом страны и на обратном пути навестившие своего старейшего соплеменника, слава о котором передавалась из рода в род.

Казалось бы, что может быть противоестественнее союза между праздным землевладельцем Хью Литтлпейджем и воинами племени онодаго, согнанными со своих исконных земель предками этого самого Хью! Волею писателя они вместе встают против восставших арендаторов. Объяснение этому простое. Купер подчеркивал благородство и высокую порядочность отдельных индейских племен. Этими же качествами он стремится наделить и милых его сердцу землевладельцев. Для писателя нет ничего противоестественного в этом необычном союзе, здесь его романтическое видение мира берет верх над реалистическим восприятием действительности.

Хотя тот же Сускезус понимает, кто виноват в несчастьях индейцев, и прямо говорит им об этом: «Все изменилось в этой стране! Только сердце краснокожего человека все то же, оно твердо и неколебимо, как скала… Все изменилось. Лось бежал, испуганный звоном церковных колоколов, за ним бежал и краснокожий, а по следам их нагоняли бледнолицые. И так это ведется с той поры, когда большие ладьи бледнолицых впервые вошли в воды огромного, бесконечного соленого озера в стороне восхода солнца. И так оно будет продолжаться до тех пор, покуда они не дойдут до другого безбрежного соленого озера в стороне заката. Тогда, братья мои, нам, краснокожим, останется или остановиться и погибнуть среди голых, без единого деревца полей и долин, где много рома, табака и хлеба, или же отступать до конца и утонуть в водах великого соленого озера в стороне заката. Почему это так, я не знаю, но что именно так оно и будет, я уверен. Тому есть какая-то высшая причина, но знать ее нам не дано – о ней ведает лишь один Великий Дух».

Как известно, пророческие слова Сускезуса сбылись, индейцев согнали со всех их земель и немногих оставшихся в живых заключили в специально организованные резервации, в которых они влачат жалкое существование. Но индейцы и сегодня не прекращают свою борьбу с захватчиками их земель, и сегодня выступают за право на человеческое существование. Купер, создавая романтически возвышенный образ Сускезуса, человека благородного, храброго и верного, воскрешал лучшие традиции подлинно народной Америки, той Америки, на земле которой рука об руку жили, сражались, страдали и умирали белые и индейцы, Кожаный Чулок и Чингачгук.

«Любая хроника нравов имеет определенную ценность, – писал Купер. – Когда же обычаи переплетены с принципами при

их зарождении, развитии или исчезновении, такие хроники вдвое важнее. Именно потому, что, по нашему мнению, подобная связь существует между фактами и событиями, описанными в рукописях Литтлпейджей, и определенными событиями наших дней, мы решили представить миру эти рукописи. Возможно, их недостаток с точки зрения историка заключается в том, что в них слишком много внимания уделено философствованию, и недостаточно – более прозаическим темам».

Интересно отметить, что на «Краснокожих» отозвался известный английский писатель Уильям Теккерей, опубликовавший в лондонской газете «Морнинг кроникл» («Утренняя хроника») 27 августа 1846 года рецензию на роман. Из дневников Теккерея известно, что ему нравилась «Прерия», и он ставил этот роман выше произведений В. Скотта. На этот раз он высмеивает роман Купера и его автора, называя книгу «наименее ярким образцом, с которым нам когда-либо приходилось встречаться. И действительно, мы и не представляем, как может быть иначе, если происшествий в нем мало, и все они обычны, а диалог все время касается политических и социальных вопросов».

Трилогия Купера, особенно последний роман «Краснокожие», вызвала яростные нападки сторонников движения за отмену земельной ренты. Выражая их взгляды, газета «Свободный землевладелец» обвиняла писателя в том, что он создал свою трилогию по заказу крупных землевладельцев и неплохо на этом заработал. «Сама направленность романа «Краснокожие» свидетельствует о многом», – заключала газета.

Между тем трилогия о Литтлпейджах расходилась плохо. Финансовое положение писателя оставляло желать много лучшего. «После двадцати пяти лет тяжелейшего труда я остаюсь сравнительно бедным человеком, – изливал свою горечь Купер в письме к знакомому в мае 1846 года. – Факт заключается в том, что эта страна еще недостаточно развита для чего-либо подлинно интеллектуального… В общем и целом я совершенно непопулярен в своей стране… Будь я лет на пятнадцать моложе, я бы определенно уехал за границу и никогда бы не возвратился обратно».

Развитие промышленности и транспорта вносило кардинальные изменения в облик и жизнь страны. Сокращались расстояния: теперь путешествие по вновь открытой железной дороге, скажем, в штат Мичиган, занимало всего лишь сутки против целой недели пару месяцев тому назад. Купер куда чаще, чем прежде, ездит по своим издательским делам в Нью-Йорк и Филадельфию. Ему удается достигнуть соглашения с нью-йоркским издательством «Путнам» о первом издании собрания

своих сочинений. Но сам он по-прежнему работает над новыми книгами.

Глава 17
ДЕЛА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

На президентских выборах 1844 года 11-м президентом страны был избран малоизвестный деятель, бывший спикер палаты представителей конгресса США и губернатор штата Теннесси 49-летний Джеймс Нокс Полк, ярый сторонник экспансионистской политики. Его избрание было совершенно неожиданным, так как даже в своем родном штате он прогубернаторствовал всего два года, а затем дважды потерпел поражение на выборах губернатора. Как это часто бывает в политике, все решил случай. Наиболее вероятным кандидатом демократов на президентский пост был Мартин Ван-Бюрен, бывший восьмой президент страны. Но накануне съезда демократов он заявил, что считает невозможным присоединение к США Техаса, объявившего себя в 1836 году независимой республикой, без согласия Мексики. Это решило исход борьбы в пользу Дж. Полка, выступавшего за присоединение к США Техаса и Орегона.

Осенью 1845 года в Техасе был проведен референдум, в ходе которого подавляющее большинство жителей высказалось за присоединение к США. В декабре 1845 года президент Дж. Полк подписал билль, уже одобренный конгрессом, о включении Техаса в состав США в качестве штата.

Купер с интересом следил за всеми этими событиями. Он полагал, что в создавшихся условиях наиболее вероятна война между США и Англией. Политика администрации Дж. Полка, направленная на захват все новых территорий, не могла не вызвать резкого недовольства Англии и Франции, проводивших политику сдерживания экспансионистских тенденций США. Англия была могущественной державой, способной противостоять таким тенденциям.

Конечно, новые территориальные приобретения США прежде всего затрагивали интересы Мексики. Но и политически, и в военном отношении она не могла стать серьезным соперником своего северного соседа. И тем не менее война началась именно с Мексикой. Купер сразу же оказался лично вовлеченным в развернувшиеся события. Дело в том, что его друг Уильям Бренфорд Шубрик был назначен летом 1846 года командующим военно-морскими силами США на Тихом океане, сменив на этом посту коммодора Джона Д. Слоута. Купер теперь следил за событиями не только по газетам, но и по письмам своего друга.

Он с интересом читал его рассказ о том, как был захвачен с моря сильно укрепленный мексиканский порт Масатлан. Впоследствии он узнал, что Шубрик так умело управлял захваченным городом, что местные торговцы просили его не покидать города.

Военные действия коммодора Шубрика привлекли внимание писателя к Калифорнии, Мексиканскому заливу и Южным морям. И не случайно действия двух следующих его романов связаны именно с этими районами. Первый – «Кратер, или Вулкан, тихоокеанская история» – вышел в свет в октябре 1847 года в Нью-Йорке и в сентябре под названием «Скала Марка» – в Англии.

Герой романа Марк Вулстон, сын преуспевающего врача из пенсильванского городка Бристоля, подобно самому писателю, в 16 лет отправляется в качестве матроса в дальнее плавание. Через год он возвращается домой опытным моряком и вскоре снова уходит в море. В родном городе его ждет любимая девушка Бриджит, тоже дочь врача. Но все дело в том, что родители молодых людей враждуют, и, конечно, рассчитывать на их благословение не приходится.

Подобная ситуация была хорошо знакома Куперу. Незадолго до написания романа дочь писателя Каролина-Марта влюбилась в племянника человека, который возбудил против писателя судебный иск на 10 тысяч долларов. Дело тянулось около трех лет, и было ясно, что ни одна из сторон не сможет добиться своих целей. Купер благоразумно дал согласие на то, чтобы его дочь вышла замуж за любимого человека, а его противники не стали настаивать на своем иске.

Несомненно, этот собственный опыт подсказал писателю, как разрешить ситуацию с героями его романа. Сначала они втайне повенчались, а со временем родители их помирились и не стали мешать счастью своих детей.

Марк отправился в очередное плавание к островам Тихого океана, где они собирались получить сандаловое дерево для китайских рынков. Но их судно наскочило на риф, во время бури часть моряков погибла, часть на шлюпке исчезла в море, и на «Ранкокусе» остались всего двое – Марк и опытный матрос Роберт Бэтс по прозвищу «Боб». Так началась одиссея двух американцев, оказавшихся волею судьбы на вулканическом острове в Тихом океане, вдали от морских путей. К счастью, их корабль «Ранкокус» несильно пострадал во время бури, но оказался запертым в глубоком заливе, окруженном рифами.

Робинзонада Марка и Боба была удачной, они освоили остров, сумели построить небольшой корабль, на котором Боб отправился на поиски обитаемой суши и бесследно исчез. Больше года Марк один обживал свои владения, пока в один прекрасный

день не увидел на горизонте парус. Вскоре он оказался в объятиях возвратившегося Боба. Как оказалось, он возвратился не один: с ним прибыли жена Марка и еще несколько новых поселенцев. Так образовалась колония на Кратере из 305 человек – 113 мужчин, 121 женщины и 71 ребенка. Губернатором колонии был Марк. Кроме того, избрали совет из 9 человек. Члены совета были избраны пожизненно. Земельные угодья были объявлены собственностью государства. Все получили одинаковые наделы. Только губернатор Вулстон получил в свое пользование значительно больший надел, чем все остальные, да Бэтс и еще один колонист также имели несколько б?льшие наделы.

Постепенно колония разрасталась, так как в нее принимали друзей и знакомых колонистов. В колонии стала выходить газета, появились адвокаты и священники. Со временем возобладало мнение, что все вопросы должны решаться большинством голосов. Все громче звучали голоса демагогов, губернатора обвинили в высокомерии, так как он регулярно чистил зубы и пользовался носовым платком. Многие заявляли, что их права попираются.

«Не успел на островах появиться юрист, как многие обнаружили, что они ущемлены в своих правах соседями, в сотнях своих прав, о которых они раньше и не подозревали. Закон, который до сих пор применялся в интересах справедливости, и одной лишь справедливости, теперь начали использовать в целях спекуляции и мести… Труженики на ниве прессы довершили то, что начали религия и правоведение. Пресса подняла тему прав человека, пытаясь обеспечить переход государственной власти от общественных институтов к ней… В описываемые нами времена большинство людей полагало, что печатному слову можно верить значительно больше, чем просто сказанному устно».

Был разработан и принят новый основной закон колонии, по которому губернатор не мог занимать своего поста более пяти лет. Провели голосование, в нем участвовало менее половины избирателей, но закон одобрили. Марк не стал противиться нововведениям, хотя знал, что большинство колонистов предпочитают старый порядок и его самого в качестве губернатора. Он решил заняться своими семейными делами, тем более что подросшие дети нуждались в хорошем образовании. Одним словом, семейство Вулсонов решило еще раз посетить Америку. К ним присоединились Бэтс и несколько старых друзей. На двух собственных кораблях, загруженных китовым жиром, они отправились в путь.

Их возвращение в родной Бристоль сначала наделало много

шума, но затем все улеглось, и Марк начал улаживать свои дела. Детей определили в школу, можно было возвращаться в колонию. Но его братья и сестра с семьями решили остаться в Америке, жена хотела подольше побыть со стареньким отцом. В результате на Кратер отправились только Марк и Бэтс с тем, чтобы через год вернуться за своими семьями.

Длительное путешествие подходило к концу, по всем расчетам уже должен был показаться Кратер, но вокруг, насколько видел глаз, расстилался океан. Наконец увидели небольшой незнакомый островок. Когда подплыли к нему на лодке, Марк узнал в нем вершину Кратера – все остальное поглотила океанская пучина. Путешественникам не оставалось ничего другого, как возвратиться в Америку.

Некоторые критики считают, что Купер в своем романе в сжатом, упрощенном виде изобразил историю США от патриархальной идиллии до круговорота политических и социальных страстей. Нам трудно согласиться с таким толкованием романа, так как Купер, хорошо знавший историю своей страны и отразивший ее на страницах многих своих романов, вряд ли стал бы представлять ее в таком гротескно-упрощенном виде. Нам кажется, замысел писателя состоял в том, чтобы показать, что буржуазная демократия американского образца неминуемо обращается против наиболее образованных, наиболее воспитанных и наиболее достойных ее граждан. Предоставим слово самому писателю.

«Марк Вулсон был слишком разумным человеком, чтобы уверовать в одну из современных абсурдных теорий о равенстве и единстве интересов… Изо всех софизмов наиболее шатким является тот, согласно которому свобода личности возрастает по мере увеличения власти общества. В тысячах случаев индивидуальность уничтожается именно властью общества, которая уже существует в этом стране, где человека часто преследуют только за то, что он думает и действует иначе, чем его соседи, хотя закон и обязан охранять его. Причина, по которой эта власть становится такой страшной, а зачастую и деспотически тиранической, ясна сама собой. В странах, где власть сосредоточена в руках немногих, общественные симпатии часто на стороне тех, кто протестует против несправедливости; но никакое общество не поддержит того, кого оно само угнетает… И самые жестокие несправедливости совершаются без лишних раздумий и угрызений совести».

Гибель колонии не смущала писателя. «Мне чрезвычайно нравится моя новая книга, – писал Купер жене 12 августа 1847 года, – и часть, которая мне казалась удавшейся хуже всего,

оказалась лучшей. Я имею в виду конец романа. В общем это необыкновенная книга, и она должна наделать шуму. Если бы ее написал кто-либо другой, она стала бы предметом разговоров на следующие шесть месяцев. А так многие вряд ли станут ее читать в этой стране. Что ж, между нами нет особой любви. В лучшем случае можно рассчитывать на презирающее нас общественное мнение».

В своем романе Купер показал, к чему приводит такое общественное мнение, то общественное мнение, которое, по его словам, в США приняло «ложное, если не опасное, направление». Опасность писатель видел прежде всего в том, что общественность страны не восставала против несправедливых и ложных утверждений американской прессы.

Нарисованная Купером картина жизни переселенцев в последние годы существования колонии даже в мельчайших деталях совпадает с реальной действительностью США. Писатель ничего не придумывает, как, скажем, он это делал в сатирическом романе «Моникины». Здесь нет ни преувеличений, ни излишнего нагнетания отрицательных картин и действий. Наоборот, большинство колонистов – приличные, умеренные люди. Но тем страшнее, что демократический процесс используется демагогами и людьми, рвущимися к власти любой ценой, для достижения своих низменных целей.

Писатель не показывает, как развивались события на Кратере после смены губернатора и членов совета. Не в этом заключалась его цель. Он убедительно и достоверно показал, как буржуазная демократия неизбежно приводит к власти нечистоплотных, пекущихся только о собственных интересах демагогов. И гибель колонии на Кратере вполне закономерна. По понятиям Купера, высшие силы вмешались в ход событий, и очередное землетрясение стерло колонию с лица земли. Не случайно писатель признается, что конец романа ему нравился больше всего. Своим романом он как бы предупреждал современников: берегитесь, одумайтесь, иначе и вас ждет участь колонии на Кратере.

Единственная обстоятельная рецензия на роман появилась в издававшемся в Нью-Йорке литературно-политическом журнале «Юнайтед стейтс мэгезин энд демократик ревью». Автор рецензии высмеивал социальные и религиозные предубеждения, критиковал нравоучительный тон романа и морализирование его автора. В заключение рецензент делал весьма неожиданный вывод: «Если мы не ошибаемся в отношении политической философии автора романа, то он является монархистом. Он, безусловно, выступает за единение церкви и государства и даже

хотел бы подчинить государство церкви, а весь народ подчинить священникам».

Подобные утверждения не имеют ничего общего с действительной позицией писателя, в том числе и с той, которую он выразил в романе «Кратер». Будучи действительно человеком религиозным и верующим, Купер тем не менее ясно видел, к каким несчастьям приводят церковные распри. Ведь и Марка не переизбрали губернатором, не переизбрали в известной степени именно потому, что он исповедовал другую религию, чем большинство новых колонистов. Что же касается отношения Купера к монархии, то он высказал его безоговорочно ясно еще в «Американском демократе»: «Монархия – наиболее дорогая форма государственной власти… Политика монархии заключается в подавлении мысли, понимание того, что представляют собой права человека, всегда было опасным для абсолютистской элитарной власти».

Купер имел обыкновение одновременно работать над несколькими произведениями. И в этот период он писал приключенческий роман, который печатался с продолжением в 17 номерах литературного ежемесячника «Грэхемз американ мантсли мэгезин оф литерче энд арт» с ноября 1846 по март 1848 года. Одновременно он публиковался и в английском ежемесячнике, издававшемся Р. Бентли. В американском журнале роман назывался «Островки в заливе, или Роуз Бад», а в английском «Капитан Спайк, или Островки в заливе». Отдельным изданием роман вышел в Нью-Йорке в марте 1848 года, но уже под новым названием – «Джек Тайер, или Флоридский риф».

Действие романа проходит на кораблях и небольших островах Мексиканского залива. В центре – молодая женщина, скрывающаяся под мужским именем Джек Тайер и служащая в качестве простого матроса. Уже сам выбор героини был необычным во времена, когда женщина в литературе изображалась только как предмет любви и обожания. Сюжет романа навеян перипетиями войны США с Мексикой. Капитан Спайк занимается контрабандой: он тайно продает мексиканцам крайне необходимый им для ведения войны порох. Он жесток и безжалостен по отношению к своим матросам и своим пассажирам. Его старый друг и сослуживец Джек Тайер пытается как-то смягчить сердце Спайка, но безуспешно. В конце романа умирающий капитан с изумлением узнает, что матрос Джек Тайер – не кто иной, как переодетая его жена, взвалившая на себя непосильную тяжесть матросской службы для того, чтобы не разлучаться с мужем.

Роман имел успех. «Джек Тайер» расходится хорошо, лучше,

чем другие книги», – записывает Купер в дневнике 24 марта 1848 года. Через неделю он сообщал жене: «Между прочим, я узнал, что «Джек Тайер» расходится исключительно хорошо. Руфус В. Грисуолд сказал мне вчера, что этот роман считают одной из моих лучших книг. Я, конечно, не разделяю его мнения, но согласился, что он читается весьма легко. Но «Кратер» стоит двух «Тайеров». Он тоже расходится хорошо».

Купер получал много писем от незнакомых людей, как американцев, так и европейцев. Многие просили прислать им его автограф, другие высказывали свое мнение о романах писателя. Но случались письма и иного рода. Обращает на себя внимание одно такое письмо, полученное Купером в конце марта – начале апреля 1847 года. Автор письма скрыл свое имя, а подписался словом «Друг». «Только что закончил читать ваш новый роман «Следопыт». (Как известно, роман был опубликован за семь лет до этого – в 1840 году. – *С. И.*) Он мне понравился, вы превзошли в нем самого себя. И поверьте мне, сэр, что я испытываю немалое удовольствие от того, чго вы последовали моему совету – вы скажете, несколько необоснованному. Печать есть и всегда была вашим искренним доброжелателем, используйте нынешние обстоятельства, и вы превратите ее в вашего доброго друга, вашего надежного сторонника. Короче говоря, оставьте судебные тяжбы и сатирические произведения тем, кому уже нечего бояться потерять свою репутацию. Вы, сэр, не должны заниматься ни тем, ни другим. Вы восстановили прежнее расположение публики к вам – и берегитесь, чтобы слава не вскружила вам голову и не подтолкнула вас на край пропасти. Я говорю вам, сэр, берегитесь! Ибо стоит вам забыть о руке, которая помогла вам восстановить свою репутацию, и вам навсегда придется сказать прощай славе, и вы окажетесь ободранным и голым, как зимний лес, и будете завидовать последнему бумагомарателю, влачившему жалкое, ничтожное существование».

Нетрудно догадаться, кому было выгодно удерживать писателя в рамках традиционной приключенческой тематики, к тому же относящейся к давно канувшим в Лету временам. Социальные романы писателя, его судебные иски к недобросовестным и искажающим факты редакторам известных всей стране газет и журналов привлекали внимание читающей публики и в самой Америке, и в Европе. Они вскрывали подноготную американской демократии, американского образа жизни и показывали их всему цивилизованному миру в весьма неприглядном свете. И выступал с этими разоблачениями не какой-то никому не известный бунтарь-одиночка, а богобоязненный, известный всему читающему миру писатель,

обладающий к тому же известным состоянием. К его свидетельству и предупреждениям нельзя было не прислушаться. И можно с немалой степенью уверенности утверждать, что письма, подобные приведенному выше, писались теми же людьми, которые организовали травлю писателя в печати.

Летом 1847 года финансовые дела привели Купера в небольшой городок Скулкрафт в штате Мичиган. Путешествие было непростым. Сначала писатель на лошадях добрался до Форта-Плейн, затем на поезде через Утику до Буффало. Еще несколько лет тому назад на такое путешествие надо было потратить не менее недели, а теперь ушло немногим больше суток. Купер снова посетил Ниагарский водопад, где он последний раз был 38 лет назад и любовался его «непревзойденным великолепием». Из Буффало на английском пароходе «Канада» он по озеру Эри доплыл до Детройта, оттуда на поезде до поселка Каламазу и далее – на лошадях до Скулкрафта.

Купер впервые наблюдал прерии, видел засеянные пшеницей бескрайние поля и думал, что «Америка будет способна прокормить весь мир». На писателя огромное впечатление произвели процветающие, преисполненные респектабельности, пышущие здоровьем жители этого района. И он сразу же решил написать роман об этих местах. Заметим, что между 1847 и 1850 годами Купер побывал в этом районе по меньшей мере пять раз, так как ему в качестве уплаты за долги достались несколько земельных участков в Каламазу, «необычайно красивом поселке», в котором жило около 2 тысяч человек.

1 января 1848 года Купер записывает в дневнике: «Сегодня немного писал «Дубовую рощу», чтобы хорошо начать новый год». Новый роман назывался «Дубовая роща, или Охотник за пчелами» и вышел в свет в Нью-Йорке и Лондоне почти одновременно – в августе 1848 года. Дочь писателя Сюзанн рассказывает, как у романа появилось второе название, а среди его героев – охотник за пчелами Бенджамин Баден. Однажды летом вскоре после своей первой поездки в Мичиган Купер, как обычно, проводил время на своей ферме, на берегу озера, наблюдая за работой нанятых людей. Он видел, как от противоположного берега отплыла лодка в направлении его фермы. В ней оказался пасечник, разыскивающий улетевший рой пчел. Рабочие сказали ему, что пару последних дней здесь действительно летает необычайно много пчел, берущих взятки с цветов.

Писатель с интересом наблюдал, как пасечник ловил пчел по одной, кормил их медом и затем выпускал, наблюдая за направлением их полета. В конце концов он разыскал свой рой и

сумел поместить его в специальный улей. Вся эта операция произвела большое впечатление на писателя, и он решил, что в его новом романе обязательно будет действовать и охотник за пчелами.

…1812 год, начало англо-американской войны. Охотник за пчелами Бенджамин Баден в своей хижине принимает незваных гостей: пьяницу-переселенца Г. Уаринга и двух индейцев Оленьи Ноги и Крылья Голубя. Он узнает, что Крылья Голубя служит американцам, а Оленьи Ноги является разведчиком англичан. Когда индейцы уходят, Баден отправляется со своим гостем к нему домой. По дороге они видят труп Оленьи Ноги. В доме поселенца их встречают его жена и молодая сестра Марджори. Вскоре все они вместе с Крыльями Голубя и присоединившимся к ним проповедником по имени Ален, капралом Флинтом и индейским вождем по имени Скальпирующий Пит возвращаются в хижину охотника за пчелами. Здесь их окружают подкупленные англичанами индейцы. Проповедник Ален убеждает индейцев, что они прямые потомки евреев и им следует возвратиться в богатые земли Иудеи.

– Да откроются уши моего брата и услышат мой ответ, – говорит Скальпирующий Пит. – Мы благодарим его за сообщение, что мы – евреи. Мы уверены, что он думает так, как говорит. И все же мы уверены, что мы – краснокожие, индейцы, а не евреи. Если бледнолицые считают, что мы имеем право на эти отдаленные земли, так богатые всякими хорошими вещами, то мы уступаем бледнолицым свои права на них, а сами сохраним за собой эти рощи, прерии и леса… Я принадлежу к племени поттаваттами… Это не еврейское племя, это индейское племя. Оно не может исчезнуть.

Скальпирующий Пит притворяется, что он ведет переговоры с индейцами, хотя в действительности он готовит убийство белых. Но ему нравится Баден, и он уговаривает его жениться на Марджори. После свадьбы индейцы убивают проповедника и капрала, а остальные белые спасаются с помощью Крылья Голубя и того же Скальпирующего Пита.

«Дубовая роща» – последний роман Купера, в котором действуют индейцы. Для тех, кто незнаком с историей изучения индейских племен, может показаться весьма странным утверждение проповедника Алена о том, что индейцы являются потомками евреев. Но в 1775 году в Лондоне была издана «История американских индейцев», написанная ирландцем Джеймсом Адаиром (1709–1783), прожившим среди американских индейцев более 20 лет в качестве торговца. Его обстоятельный труд является серьезным исследованием обычаев

и языков ряда индейских племен. Но все эти исследования Дж. Адаир провел с единственной целью: он стремился доказать, что индейцы происходят от евреев. В своей книге он на 200 страницах приводит 23 доказательства своей теории. Купер, безусловно, был знаком с трудом Дж. Адаира, и его идеи нашли отражение в проповедях Алена.

Уже цитировавшееся нами «Демократии ревью» обвинило Купера в том, что он специально хотел «умерить нашу гордость в момент торжества», напомнив о поражениях в войне 1812 года. Он якобы разыскивал новые темы, чтобы снова пустить в ход свое «тягучее морализирование». Его индейцы – «явные дегенераты». Его полемические взгляды – «несвязные». Рецензент в заключение объяснял, что журнал решил откликнуться на роман только из уважения к былым заслугам писателя.

* * *

Купер давно изучал генеалогию семьи Де Ланси, из которой происходила его жена, и считался авторитетом в этой области. В 1847 году историк Лоренцо Сейбин издал книгу «Американские лоялисты», в которой, в частности, изложил историю смерти бригадного генерала Натаниела Вудхалла, президента нью-йоркского провинциального конгресса, попавшего в плен к англичанам и скончавшегося в плену от гангрены 20 сентября 1776 года. По свидетельству Сейбина, генерал сдался в плен капитану Оливеру Де Ланси, получив от последнего заверения в том, что ему будет предоставлена защита. Однако как только генерал сдал оружие, Де Ланси нанес ему удар и позволил своим солдатам нанести генералу резаные раны, которые впоследствии и явились причиной его смерти.

История эта весьма заинтересовала семейство Куперов. Дело в том, что по версии Сейбина получалось, что Де Ланси позволил жестоко обращаться с одним из своих близких родственников, так как генерал был женат на его кузине. Купер имел в своем распоряжении другой источник – вышедшую в 1843 году книгу Бенджамина Ф. Томпсона «История Лонг-Айленда со времени открытия и первых поселенцев до наших дней». В ней говорилось, что генерал сдал оружие другому офицеру, который и нанес ему удар мечом, а подоспевший Де Ланси прекратил избиение генерала. Купер тут же написал письмо в еженедельник «Хоум джорнел», в котором оспорил утверждения Сейбина и привел соответствующие места из книги Томпсона. 12 февраля 1848 года журнал опубликовал письма Купера. На него последовали

возражения не только Сейбина, но и других историков. Всего в журнале с 12 февраля по 8 июля 1848 года на эту тему было опубликовано 13 писем, в том числе 5 принадлежащих перу Купера. Результат этого обмена письмами был несколько неожиданным. В Нью-Йорке была образована ассоциация по сооружению монументального памятника генералу Н. Вудхаллу, поставившая себе целью собрать для этого 50 тысяч долларов. В театре на Бродвее с 21 по 27 февраля 1849 года шла историческая мелодрама «Вудхалл, или Цена свободы», однако успеха она не имела.

История эта получила продолжение в наши дни. В 1954 году У. Х. У. Сабин издал книгу под названием «Скрытая история генерала Натаниела Вудхалла». В ней на основе документальных данных он доказал, что вся эта история с избиением и ранением генерала была инсценирована, так как он добровольно перешел со своими войсками на сторону англичан. Этим объяснялся и тот факт, что Джордж Вашингтон не предпринял серьезных шагов к его освобождению, а нью-йоркский провинциальный конгресс и семья генерала встретили известие о его смерти необъяснимым молчанием.

Глава 18
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В молодые годы Купер часто проводил летние месяцы в гостях у родственника жены, который с семьей жил на небольшом островке у восточной оконечности острова Лонг-Айленд. Здесь же находился порт Сиг-Харбор, где базировалась китобойная шхуна писателя. Купер очень хорошо знал те места, людей, живущих здесь, и не случайно свой новый роман «Морские львы» он посвятил этим местам.

В поселке Ойстерпонд (Устричная бухта) живет старый священник Пратт. Вместе с ним живет его молоденькая племянница Мария, единственная дочь его покойного брата. По своему характеру дядя и племянница были совершенно разными людьми. Пратт отличался мелочной расчетливостью и скупостью, безжалостностью к кредиторам и алчностью. Мария же была девушка добрая, бескорыстная и услужливая, и дядя частенько попрекал ее за благотворительность и расточительство.

Развитие событий в романе началось с того момента, когда проходящий корабль высадил в Ойстерпонде старого, страдающего неизлечимой болезнью моряка по имени Томас Даггетт. Родом он был с расположенного немного к северу острова Мартас-Виньярд, который он покинул около 50 лет тому назад. Все эти годы он служил моряком и вот теперь, на старости лет, больной, направлялся в родные места. Но очередной приступ болезни заставил его найти временное пристанище у вдовы, соседки Пратта. Священник сошелся с моряком и много времени проводил в беседах с ним. Моряк перед смертью рассказал Пратту, что ему известны координаты островов, изобилующих тюленями, а также место, где спрятали свои сокровища пираты.

После смерти матроса Пратт завладевает его чемоданом и узнает из находившихся в нем морских карт координаты тех мест, о которых рассказывал Даггетт. Он переписывает эти координаты и уничтожает их на картах Даггетта. Еще раньше, увлеченный рассказами моряка, Пратт купил и снарядил для длительного путешествия шхуну «Морской лев», капитаном которой стал молодой моряк Росуэл Гардинер, влюбленный в Марию.

О смерти моряка узнали его родственники, до них также дошли слухи о том, что он знавал места, где можно разбогатеть. Один из них прибыл в Ойстерпонд, чтобы получить оставшееся после смерти родственника имущество. Его очень удивило то обстоятельство, что на старых морских картах Даггетта не

оказалось никаких пометок. Однако от него не укрылось, что Пратт неожиданно купил шхуну и готовит ее к длительному путешествию. Он принял необходимые меры, и в результате, когда «Морской лев» Пратта вышел в море, его сопровождала другая шхуна, с тем же названием, но снаряженная родственниками Даггетта из Мартас-Виньярд.

Приключения обеих шхун во время путешествия в Южные моря к островам тюленей, необходимость оказывать помощь друг другу, погоня за прибылью – все это описано Купером с большим мастерством и знанием дела. Вынужденные из-за жадности Даггетта зимовать в антарктических морях, матросы обеих шхун переносят тягчайшие условия антарктической зимы, вся команда Даггетта замерзает, сам он умирает от обморожения. Гардинер восстанавливает полуразрушенную шхуну и после двухлетнего отсутствия возвращается в родные края, где застает старого священника при смерти. Он успевает рассказать Пратту о своем успешном путешествии, показывает ему найденные пиратские золотые дублоны, и священник испускает дух, удовлетворенный тем, что его опасная затея дала результаты. Наследницей всего имущества Пратта становится Мария, которая и выходит замуж за молодого капитана.

«Морские львы» были изданы 10 апреля 1849 года в Нью-Йорке в издательстве «Стрингер энд Таунсэнд», а уже 28 апреля писатель сообщал жене в письме: «Джеймс Стрингер распродал весь первый тираж «Морских львов» (5000 экз.), он даже не может дать мне четыре экземпляра и просит подождать, когда на следующей неделе выйдет второе издание (1 тысяча экз.). Все говорят, что книга расходится превосходно, безо всяких к тому усилий».

С рецензией на роман в литературном еженедельнике «Литерэри Уорлд» выступил известный американский писатель-маринист Герман Мелвилл, отмечавший «простоту, ясность и правдивость» стиля писателя.

Выход в свет «Морских львов» послужил ежеквартальному журналу «Браунсонз куортерли ревью» поводом для анализа социальных и политических факторов, способствовавших якобы падению популярности писателя. Журнал приходил к выводу, что Купер как писатель и социальный мыслитель «скорее заслуживает похвалы, чем осуждения. Мы поступим разумнее, если попытаемся понять его советы и будем следовать им, чем злиться на пего за то, что он их дает».

Несмотря на успех «Морских львов» в США, финансовое положение писателя не улучшилось. Основной доход ему приносили английские издания его книг, а в Англии книга вышла

первоначальным тиражом в 750 экземпляров, из которых разошлось всего 400. Издатель сетовал на то, что он даже не возместил типографских расходов, стоимости бумаги и рекламы.

Издательские хлопоты вынуждают Купера все больше времени проводить в Нью-Йорке. Он теперь обычно останавливался в недавно построенной в нижней части Бродвея гостинице «Глобус». Писатель с интересом наблюдал за теми изменениями, которые претерпевал этот быстро растущий город. А ведь он его помнил не таким уж крупным морским портом. Еще и теперь он мог пешком посещать всех своих друзей и родственников. Он видел, как на месте старых домиков по обе стороны Бродвея вырастали богатые магазины, читал в газетах, что город имел 15 паромных переправ, 11 рынков, 11 публичных парков и скверов, 4524 торговых заведения, в которых продавали спиртные напитки, и 900 полицейских. Один из издателей выпустил серию из 20 литографий, которая называлась «Виды имперского города Нью-Йорка».

Раньше Купер оставался в городе всего на несколько дней и старался побыстрее возвратиться в Куперстаун к своим литературным занятиям. Теперь он жил в городе неделями, а то и месяцами, не прерывая и здесь своей литературной работы. Успех «Морских львов», казалось, снова вернул ему славу и уважение. В общественных местах и на улицах Нью-Йорка его встречали и провожали с неизменным почтением, от которого он уже давно отвык. Издательство «Уайли энд Путнам» издавало один за другим его романы в твердом переплете одинаковым форматом и в одинаковом оформлении. За два года с мая 1849 по май 1851 года в этой серии вышло 11 книг Купера: «Шпион», пять романов серии о Кожаном Чулке и пять морских романов. Печать приветствовала появление «старых друзей в новой одежде». Был среди них и новый роман – «Веяния времени», оказавшийся последним романом писателя.

Судебные иски, возбуждавшиеся писателем против редакторов газет и журналов, столкнули его лицом к лицу с судебной системой страны и в особенности с судами присяжных, на которые согласно поправке VII к конституции США возлагалось рассмотрение «по всем гражданским делам, основанным на общем праве, в которых оспариваемая цена иска превышает двадцать долларов…». Наблюдения за деятельностью судов присяжных поколебали уверенность писателя в беспристрастности этого важнейшего атрибута американской буржуазной юстиции.

По идее считалось, что суд присяжных является беспристрастным судом, основанным только на фактах судебного

дела. Но эти беспристрастные присяжные избирались весьма пристрастными судебными чиновниками. Да и обстоятельства многих судебных дел были таковы, что еще задолго до суда создавали вокруг обвиняемых определенное мнение, основанное не на изучении всех обстоятельств дела, а на эмоциях и интересах отдельных групп граждан. Такие дела обсуждались в барах и тавернах, клубах и на страницах печати. И трудно было найти человека, который мог бы выступать в роли беспристрастного присяжного.

В 1844 году бедная женщина Мэри Бодин на основании косвенных улик обвинялась в том, что она убила жену и детей своего брата, подожгла их дом с целью скрыть преступление ради того, чтобы завладеть оставшейся после смерти брата его собственностью. Дело трижды рассматривалось в суде присяжных, прежде чем она была признана невиновной. Страсти вокруг этого дела были настолько накалены, что в городе Нью-Йорке, где предстоял один из судов, было рассмотрено 4 тысячи кандидатов на роль присяжных и отобрано только десять, все остальные имели свои предубеждения по поводу вины Мэри Бодин.

Купер знал множество других фактов, когда суд присяжных не обеспечивал беспристрастности рассмотрения судебного дела. Постепенно он пришел к выводу, что существующая в стране судебная система не отвечает требованиям справедливого и беспристрастного суда. И он решает написать на эту тему роман.

Обстоятельства преступления, описанного в «Веяниях времени», напоминают дело Мэри Бодин. Пожилая пара, жившая в отдельно расположенном доме, была убита, а дом их предан огню. Из дома, по словам соседей, исчезла крупная сумма денег. Обвинение падает на молодую богатую женщину Мэри Монсон, которая гостила в доме погибших. Жюри присяжных признает ее виновной в убийстве хозяина дома, и судья приговаривает ее к смерти через повешение. Но тут в зале суда появляется не кто иной, как живой хозяин дома, которого обвиняемая устроила на свой счет в одном доме, чтобы он вылечился от алкоголизма.

Мэри Монсон оправдывают, но теперь обвиняют в другом – убийстве хозяйки дома и его поджоге. Но и это обвинение не подтверждается: оказывается, что дом загорелся случайно, а хозяйка и ночевавшая с ней женщина погибли от свалившегося на них плуга.

Сам ход суда у Купера несколько необычен. Дело в том, что обвиняемая лично может доказать свою невиновность и непричастность к происшедшей трагедии, но она не делает этого, полагая, что суд присяжных должен оправдать ее из-за полного отсутствия улик. Но тут в действие вступают посторонние силы.

Пресса старается извлечь свои выгоды из этой сенсационной истории, ибо для нее «факты и новости являются предметом купли-продажи и то падают, то повышаются в цене, подобно любым другим товарам». Присяжные заседатели выносят свой вердикт не на основе скрупулезного изучения доказательств, а руководствуясь слухами, личными привязанностями и собственными предрассудками.

Своим романом Купер показал несостоятельность суда присяжных при рассмотрении такого серьезного дела, как обвинение в убийстве, когда обвиняемому грозит смертная казнь. Но и в более простых делах присяжные часто оказывались не на высоте, а часто вообще принимали решение, основанное не на фактах, а на эмоциях. Купер в предисловии к роману указывает на такие факты. Например, во всех исках железнодорожных компаний к гражданам, жившим в районе железнодорожных линий, предвзятость в отношении компаний была настолько велика, что присяжные всегда отказывали пм в исках. Присяжные, как правило, не удовлетворяли исков кредиторов к жителям районов, в которых проживали присяжные, если они считали, что интересы кредиторов противоречат интересам их района.

Интересно отметить, что, когда «Веяния времени) вышли из печати в апреле 1850 года, только закончилось разбирательство сенсационного дела по обвинению гарвардского профессора Джона У. Вебстера в убийстве доктора Джорджа Паркмена, дяди известного историка. Вебстер был признан виновным и приговорен к смерти через повешение. Многие полагали, что роман Купера навеян именно этим судебным делом. Купер отмечал в этой связи, что совпадения здесь чисто случайные, так как большая часть книги была набрана задолго до исчезновения Дж. Паркмена, и вся рукопись находилась у издателя до начала суда над ним.

Естественно, что в этих условиях роман Купера вызывал повышенный интерес читающей публики. «У «Веяний времени» странная судьба, – писал Купер жене 30 мая 1850 года. – Многим книга нравится, даже очень нравится, хотя она и не пользуется всеобщим признанием. Вызывает возражения ее якобы антиамериканизм!»

Американская критика встретила роман в штыки. Показательная в этом отношении рецензия, появившаяся в июле 1850 года в журнале «Нортх Америкен ревью». Напомним, что последний раз этот журнал откликался на труды Купера одиннадцать лет тому назад, в октябре 1839 года, когда в нем была напечатана рецензия на «Историю ВМФ США». Теперь журнал начал свою статью утверждением, что «господин Купер

как романист не более чем тень от того, каким он был. Он совершил литературное самоубийство по меньшей мере еще десять лет тому назад».

По мнению рецензента, все романы писателя, написанные после «Моникинов», отмечались «плохим вкусом», «болтливостью», «предубеждением» и являлись «клеветой на его сограждан». После романа «Браво» Купер создавал не романы или эссе, а «ублюдочные гибриды, скучные, как чтиво, и вводящие в заблуждение, как социальные комментарии». Что же касается критики суда присяжных, то Купер глубоко не прав, ибо американские присяжные и судьи – люди беспристрастные, рассудительные и уравновешенные.

«Слишком мало американцев осмеливалось откровенно высказывать свои мысли, не заботясь об общественном мнении. Купера-индивидуалиста старой английской закваски не могли устрашить и заставить действовать против собственной воли, когда речь шла о его правах, ни нападки газет, ни недовольство толпы… – Так характеризовал позиции писателя известный историк американской общественной мысли В.Л. Паррингтон. – …Чем ближе с ним знакомишься, тем больше начинаешь уважать его честный и мужественный характер, его стремление ставить справедливость и порядочность превыше популярности».

Отрицательное отношение критиков, непонимание его идей широкой публикой, снижение интереса к его новым романам огорчали писателя. Здоровье его мало-помалу ухудшалось, временами отнимались ноги, и он мог передвигаться только с помощью палки. Ему уже трудно было забраться в коляску, и он это делал только с помощью домашних. В Куперстауне он по-прежнему ежедневно выезжал с женой на прогулки, а когда ему становилось лучше, медленно прогуливался по поселку. И каждый раз, когда он проходил мимо одного дома, из окна выглядывала давно знавшая его и его семью очень старая женщина и неизменно произносила одну и ту же фразу:

– Джеймс, почему бы тебе не перестать тратить попусту время на твои дурацкие романы и не заняться чем-то серьезным?

Ее мнение разделяло большинство жителей поселка. Ремесло писателя сделало Купера знаменитым, но ничуть не прибавило ему уважения со стороны его сограждан. Правда, переиздание 11 романов писателя в издательстве Путнама снова привлекло к нему внимание читающей публики. Друзья писателя в Нью-Йорке подумывают организовать банкет в его честь, но он так и не состоялся, вероятно, из-за состояния здоровья писателя.

Обращение к врачам не приносит серьезного облегчения, но Купер по-прежнему занят литературным трудом. Теперь он

выступает в новом для себя жанре драматурга, пишет комедию «Вверх ногами, или Философия в юбке». Пьеса шла в театре Бартона в Нью-Йорке четыре вечера – с 18 по 21 июня 1850 года. Главную роль 60-летнего богатого холостяка Ричарда Ловела исполнял известный актер Уильям Эванс Бартон.

Содержание пьесы довольно простое. Племянник Ловела Фрэнк влюблен в его подопечную Эмили. Однако ей не нравится его увлечение утопическими идеями Фурье и его рассуждения о социализме. Дядя хочет повлиять на племянника и с этой целью ходит слушать лекции некоего доктора Максоушэла, на которых знакомится с его сестрой. Молодая женщина сначала пытается влюбить в себя племянника, а получив отпор, принимается за его богатого дядю. Под ее напором старый холостяк дает согласие на женитьбу, и молодая особа немедленно переезжает вместе с братом в его особняк, где начинает верховодить. К счастью для Довела, он неожиданно узнает, что его невеста – вовсе не сестра Максоушэла, а его жена. Он изгоняет ее и мужа из своего дома. Племянник Фрэнк под влиянием всего увиденного отказывается от своих социалистических идей и находит утешение в объятиях Эмили.

Но блестящая игра Бартона и его труппы не смогла долго удержать пьесу на сцене. Как отмечала газета «Альбион», «в этой новой попытке его убедительного сатирического пера Купер направляет свои атаки против фурьеризма, против социализма и против нетвердых убеждений в отношении брачных уз, которые еще бытуют среди нас». Основными недостатками пьесы, по мнению рецензента, была излишняя говорливость действующих лиц, не подкрепленная действиями или видимыми мотивами.

Рецензент также отмечал, что главный герой пьесы Р. Довел слишком сильно напоминает Эффингхема, Литтлпейджа или Данскомбе – героев предыдущих романов писателя, а фактически самого Купера. Правда, Бартон сумел создать по-настоящему комический образ, но это не спасло пьесу от того, что тот же «Альбион» назвал «лишь частичным успехом».

Частые поездки в Нью-Йорк, неторопливые прогулки по острову Манхэттену, которым и ограничивался город в те годы, наблюдения за тем, как менялся и перестраивался город, натолкнули Купера на мысль написать историю Нью-Йорка. Он хорошо знал этот город и любил его. Мальчиком он играл в его садах и на его пыльных, грязных улицах. Молодым офицером он бродил по его кабакам, набирая матросов, и танцевал в его гостиных, выбирая невесту. Владельцем китобойного судна он проводил много времени в его порту, навещая его склады, вел длинные деловые разговоры в его банках и торговых конторах.

Преуспевающий писатель был завсегдатаем его литературных гостиных и книжных лавок, его издательств, газет и журналов.

И теперь он знал в городе очень многих, и многие знали его. Поэтому мало кто удивился, когда газета «Хоум джорнел» объявила 7 апреля 1849 года, что летом в продаже появится новый двухтомник Купера «Нью-Йорк, прошлое и настоящее». Писатель работал над новой книгой, насколько позволяло ему состояние его здоровья. Он также писал новые главы для «Истории военно-морского флота США», небольшую аллегорию из индейской жизни «Озерная пушка» для журнала «Парфенон».

Но состояние его здоровья резко ухудшалось, он уже не мог ходить, не мог сам писать и время от времени диктовал новые страницы истории Нью-Йорка своей дочери Шарлотте. 14 сентября 1851 года Джеймс Фенимор Купер скончался. Похоронили его на семейном кладбище в Куперстауне.

И хотя при жизни литературная Америка не слишком-то жаловала Купера, после его смерти стало ясно, что из жизни ушел крупнейший американский писатель, снискавший своей стране мировую литературную славу. Через несколько дней в зале нью-йоркской городской мэрии состоялось траурное собрание, на котором председательствовал Вашингтон Ирвинг. Собравшиеся решили начать сбор средств на памятник Куперу и провести в ближайшее время публичный митинг, посвященный его памяти.

Собрать достаточно средств на постройку памятника не удалось, и собранные средства передали друзьям и родственникам писателя, которые на эти деньги соорудили небольшую статую Кожаного Чулка и установили ее на местном кладбище возле могилы писателя. В 1853 году дом Купера сгорел, и на его месте позднее был воздвигнут памятник писателю работы известного скульптора Виктора Сальваторе, который и сегодня стоит посреди небольшой площади на том самом месте, где жил и работал Фенимор Купер.

Публичный митинг памяти Купера состоялся в Нью-Йорке 25 февраля 1852 года, почти через полгода после кончины писателя. Председательствовал на нем известный общественный деятель Даниэль Уэбстер. На митинге зачитали посвященные памяти писателя письма Ральфа У. Эмерсона, Германа Мелвилла, Вашингтона Ирвинга, Генри Лонгфелло, Джоржа Банкрофта, Ричарда Даны, Френсиса Паркмена. С лекцией «Жизнь, характер и гений Джеймса Фенимора Купера» выступил известный писатель Уильям К. Брайант. Многие присутствовавшие на митинге понимали всю справедливость слов Вашингтона Ирвинга: «Купер оставил в нашей литературе место, которое нелегко будет заполнить».

Ведущий литературно-критический журнал страны «Нортх американ ревью», который, как мы знаем, не очень-то жаловал писателя при жизни, откликнулся на его кончину обстоятельной статьей известного историка и литератора Фрэнсиса Паркмена «Труды Джеймса Фенимора Купера». «Изо всех американских писателей Купер является наиболее оригинальным и наиболее типично национальным. …Его книги – правдивое зеркало той грубой трансатлантической природы, которая кажется такой странной и новой европейскому глазу. Море и лес – сцены наиболее выдающихся достижений его сограждан. И Купер чувствует себя как дома и на море, и в лесу. Их дух вдохновлял его, их образы запечатлелись в его сердце. И люди, воспитанные морем и лесом, – моряк, охотник, пионер – живут и действуют на страницах его книг со всей энергией и правдивостью подлинной жизни… От нас ушел наиболее талантливый и оригинальный из американских писателей».

За 130 лет, прошедших после смерти Джеймса Фенимора Купера, многое изменилось в Соединенных Штатах Америки и в мире в целом. Но по-прежнему лучшие романы писателя читаются во всех уголках земного шара, по-прежнему все новые поколения читателей с неослабевающим вниманием следят за приключениями Кожаного Чулка и Чингачгука, восхищаются бескорыстным патриотизмом Гарви Бёрча, сочувствуют молодым американским морякам Гриффиту и Барнстейблу в поисках их суженых.

На русском языке первый роман Купера появился в 1825 году. Это был «Шпион», переведенный с французского издания. С этого времени романы Купера регулярно переводятся на русский язык и становятся весьма популярными среди русской читающей публики. Известно, что романы Купера высоко ценили М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, П.А. Вяземский.

Отвечая тем критикам, которые считали Купера «подражателем и учеником» Вальтера Скотта, В. Г. Белинский писал: «…Купер – писатель совершенно самостоятельный, оригинальный и столько же великий, столько же гениальный, как и шотландский романист. Принадлежа к немногому числу перворазрядных, великих художников, он создал такие лица и такие характеры, которые навеки останутся художественными типами».

Великий русский писатель и гуманист Максим Горький любил романы Купера о Кожаном Чулке и восхищался их героем: «Натти Бампо всюду возбуждает симпатии честной простотой своей мысли и мужеством деяний своих… Безграмотный Бампо является почти аллегорической фигурой, становясь в ряды тех

истинных друзей человечества, чьи страдания и подвиги так богато украшают нашу жизнь».

Следует отметить, что сам Купер очень хорошо относился к русским и России. По приезде в Париж, как мы отмечали, он был принят в салоне княгини П.А. Голицыной (Шуваловой). Добрые чувства к русским и России Купер сохранил на всю жизнь. Почти через 20 лет после первых встреч с русскими в Париже он написал длинное письмо русскому дипломату князю Д.И. Долгорукому, который через знакомого американца обратился к писателю с просьбой прислать автограф для своей коллекции.

В своем письме Купер пишет, что он хочет воспользоваться предоставленной ему возможностью, чтобы выразить всем русским те чувства, которые он испытывал к «великодушию и доброжелательности, так щедро проявляемыми русскими в Европе по отношению к американцам».

«Своим собственным представлением в европейское общество я прежде всего обязан вниманию русских, – рассказывает в письме Д.И. Долгорукову писатель, – ибо в течение месяцев я жил в Париже, никому не известный и всеми игнорируемый, пока не был принят с утонченным великодушием в кругу различных членов семьи Голицыных, о которых я до сих пор вспоминаю с удовольствием. У Голицыных я встречался со многими другими воспитанными и умными русскими, большинству которых я обязан за те любезность и доброту, которые были оказаны мне в чужой стране. Во всех случаях я находил, что русские питают расположение к нам, американцам. В Риме я встречался с доброжелательной и умной княгиней З.А. Волконской, а также с князем Г.И. Гагариным. Где бы я ни встречался с русскими, я всякий раз находил в них друзей; и я имею основания полагать, что и другие американцы испытывали с их стороны такую же доброту… Россия доказала свою дружбу по отношению к Америке, и я – один из тех, которые желают, чтобы наш народ открыто оказал предпочтение тем, кто относится к нашей стране и соотечественникам (как в нашем полушарии, так и за его пределами) со щедростью и справедливостью».

Эти слова великого американского писателя, написанные без малого полтораста лет назад, весьма актуально звучат и сегодня, когда мир во всем мире зависит прежде всего от сотрудничества двух великих мировых держав – СССР и США.

Основные даты жизни и творчества Джеймса Фенимора Купера

1789, 15 сентября – В селении Бурлингтон штат Нью-Джерси родился Джеймс Купер. Отец – Уильям Купер, мать – Элизабет Фенимор Купер.

1790–1791 – Семейство Куперов переселяется на берега озера Отсего у начала реки Сасквеханна, где отец будущего писателя основывает поселок Куперстаун.

1801–1803 – Юный Джеймс учится в городка Олбани, в Йельском колледже, возвращается в Куперстаун.

1806–1807 – Служит матросом па корабле «Стерлинг», совершает вместе с кораблем путешествие в Англию и Испанию.

1808, 1 января – Получает первый офицерский чин, назначен на корабль «Везувий».

1808, август – Служит в форте Освего на озере Онтарио.

1809, ноябрь – Переводится в Нью-Йорк.

1809, 22 декабря – Умирает отец будущего писателя судья Уильям Купер.

1810 – Встречается с восемнадцатилетней Сюзанн Аугустой Де Ланси, получает годичный отпуск для улаживания семейных дел.

1811, 1 января – Женится на Сюзанн Аугусте Де Ланси.

1813, шоль – Семейство Куперов покупает ферму Фенимор на берегу озера Отсего, начинает строить каменный дом.

1814–1816 – Купер занимается сельским хозяйством, организует сельскохозяйственное общество округа Отсего, его избирают секретарем общества.

1817, осень – Переезжает вместе с семьей в поселок Мамаронек около Нью-Йорка.

1818, декабрь – В Куперстауне умирает его мать – Элизабет Фенимор Купер.

1819 – Покупает китобойную шхуну, вступает в нью-йоркскую милицию и получает чин полковника.

1820, ноябрь – Опубликован первый роман «Предосторожность».

1821, декабрь – Издан роман «Шпион».

1822 – Переезжает в Нью-Йорк, основывает клуб «Хлеб и сыр».

1823, февраль – Опубликован роман «Пионеры, или У истоков Сасквеханны». Осенью имущество описывают за долги.

1824, январь – Выходит в свет первый морской роман «Лоцман». В августе получает почетную научную степень от

Колумбийского колледжа.

1825, февраль – Издан роман «Лайонель Линкольн, или Осада Бостона. Из цикла легенд о тринадцати республиках». В этом же году завязывается дружба с Сэмуэлем Ф.Б. Морзе.

1826, февраль – Филадельфийское издательство выпускает в свет «Последний из могикан, или Повествование о 1757 годе». В июне Купер с семьей уезжает в Европу.

1827, апрель – май – Издан роман «Прерия».

1828, январь – Издан роман «Красный корсар».

Февраль – июнь – Живет в Лондоне, путешествует по Швейцарии и Италии. В июне в Лондоне, а в августе – в Филадельфии выходят в свет «Представления американцев».

1829 – Живет в Италии.

1830, апрель – Куперы уезжают из Италии в Дрезден, в августе писатель возвращается в Париж. Выходит в свет «Плакальщица из Виштон-Виша». Проявляет большой интерес к освободительному движению в Польше.

1831, сентябрь – Путешествует по Бельгии и по реке Рейн. Выходит в свет роман «Браво». В конце года публикует «Письмо генералу Лафайету».

1832 – Публикует роман «Гейденмауэр, или Бенедиктинцы. Рейнская легенда».

1833, летом – Покидает Европу и 5 ноября возвращается в Нью-Йорк.

Декабрь – Посещает Вашингтон, Балтимор и Филадельфию. Выходит в свет роман «Палач, или Аббатство виноградарей».

1834, июнь – В издательстве Джона Уайли выпускает «Письмо к соотечественникам». Посещает Куперстаун и покупает старый семейный дом и приступает к его перестройке. Объявляет, что больше не будет писать романы.

1835, июль – Издан роман «Моникины».

1836, весной – Перебирается в Куперстауп. Опубликованы «Путевые заметки о Швейцарии».

1837 – Изданы «Заметки о Европе. Франция», «Заметки о Европе. Англия».

1838 – Изданы «Заметки о Европе. Италия», «Американский демократ». «Хроники Куперстауна», роман «Домой» (в *мае* – в Лондоне, а в *августе* – в Филадельфии). В ноябре в Лондоне и Филадельфии издается второй роман дилогии «Дома».

1839, май – Выпускает «Историю военно-морского флота Соединенных Штатов Америки», много времени уделяет судебным делам по искам к нескольким редакторам газет и журналов.

1840, февраль – март – Выходит в свет роман «Следопыт, или

На берегах Онтарио».

Ноябрь – декабрь – Роман «Мерседес из Кастилии, или Путешествие в Катай».

1841, август – сентябрь – Публикует роман «Зверобой, или Первая тропа войны», завершив тем самым пенталогию о Кожаном Чулке.

1842, март – апрель – Издан роман «Два адмирала».

Ноябрь – «Блуждающий огонек».

1843, март – опубликованы повесть «Автобиография носового платка».

Август – сентябрь – Роман «Виандотте, или Хижина на холме».

Ноябрь – «Нед Майерс, или Жизнь на палубе».

1844, шюнь – сентябрь – Издает роман в двух книгах «На суше и на море, или Приключения Майлса Уоллингфорда».

1845, шюнь – шюль – Выходит в свет первый том трилогии в защиту земельной ренты «Сатанстоу, или Записки Литтлпейджа. Колониальная история».

Ноябрь – декабрь – Издается вторая часть трилогии «Землемер».

1846, март – май – Вышли два тома «Жизнеописаний прославленных офицеров ВМФ».

Июль – Выходит в свет заключительный роман трилогии «Краснокожие, или Индейцы и инджинс».

1847 – Совершает несколько поездок в штат Мичиган в связи с покупками земли.

Сентябрь – октябрь – издает роман «Кратер, или Пик вулкана. Тихоокеанская история».

1848, март – Изданы романы «Джек Тайер, или Флоридский риф».

Август – «Дубовая роща, или Охотник за пчелами».

1849, март – апрель – Издан роман «Морские львы, или Пропавшие охотники за тюленями».

1850, апрель – Выходит в свет последний роман писателя «Веяния времени».

18–21 шюня – В Нью-йоркском театре Бартона идет пьеса Купера «Вверх ногами, или Философия в юбке». Здоровье писателя резко ухудшается.

1851, 14 сентября – Джеймс Фенимор Купер скончался.

Краткая библиография

Джеймс Фенимор Купер. Избр. соч. в 6-и т. М., Государственное издательство детской литературы, 1961–1963.

Джеймс Фенимор Купер. Собр. соч. в 7-и т., «Библиотека Огонек», М., «Правда», 1982.

Боброва М. Джеймс Фенимор Купер. Очерк жизни и творчества. Саратов. Приволжское книжное издательство, 1967.

Боброва М.Н. Романтизм в американской литературе XIX века. М., «Высшая школа», 1972.

Ковалев Ю.Герман Мелвилл и американский романтизм. Л., «Художественная литература», 1972.

Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. 1–3. М., «Прогресс», 1977–1979.

Николюкин А.Н. Американский романтизм и современность. М., «Наука», 1968.

Николюкин А.Н. Литературные связи России и США. М., «Наука», 1981.

Паррингтон В.А. Основные течения американской мысли, в 3-х тт. М., Издательство иностранной литературы, 1962–1963.

«The Writings of James Fenimor Cooper Cooper», State University of New York Press, Albany, 1980–1986.

«The Letters and Journals of James Fenimore Cooper», Vol. I–VI, The Belkhap Press of Harvard University Press, 1960–1968.

«Correspondence of James Fenimore Cooper», Vol. I–II, Yale University Press, MDCCCCXXII.

James Fenimore Cooper, «Pages and Pictures», Castle Books, 1980.

Fenimore Cooper – The Critical Heritage, Rutledge Kegan Paul, London and Boston, 1973.

James Grossman, «James Fenimore Cooper», William Sloane Associates, 1949.

notes

Примечания

1

Перевод В. Левика

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 49.